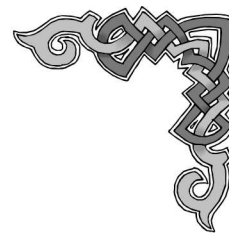

ООО «Наука и образование»

**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

Серия:

Исторические науки.

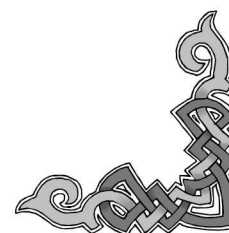
Культурология.

Политические науки.

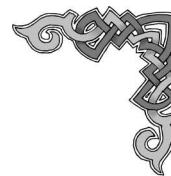
№ 3–4

2019

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.

2019, № 3–4

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки».

Серия: Исторические науки. Культурология. Политические науки.

www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор.

EDITOR-IN-CHIEF:

Mikhail Yu. Popov – Doctor of Sociology, Professor.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF:

Yulia Yu. Bugaenko – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

HEAD OF THE EDITORIAL OFFICE:

Elena A. Shelkova

ПЕРЕВОДЧИК: Шелкова Елена Андреевна

FIRST: *Elena A. Shelkova*

КОРРЕКТОР: Попов Михаил Юрьевич

CORRECTOR: *Mikhail Yu. Popov*

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»;
ФГБОУ ВПО «Адыгейский государственный университет».

THE MURDERERS:

LLC «Science and Education»;
FGBOU VPO «Adygeya State University».

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Красных партизан, 371, оф. 2.

**ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE
AND PUBLISHER:**

350049, Krasnodar Territory, Krasnodar, Krasnykh
Partisan Street, 371, Fr. 2.

Тел. (861) 226-08-65

E-mail: milena.555@mail.ru

Тел. (861) 226-08-65

E-mail: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета

Понеделков Александр Васильевич – Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и этнологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления – филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, заведующий лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

Члены редакционного совета:

Васьков Максим Александрович – доктор социологических наук, профессор кафедры образования и педагогических наук, Академия психологии и педагогики Южного федерального университета;

Виктор Збигнев – доктор политологии, профессор, Вроцлавский университет, Польша;

Волкова Полина Станиславовна – Член Союза композиторов Российской Федерации, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет;

Гаврилова Надежда Юрьевна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет;

Жаде Зуриет Анзауровна – доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории права и государства и политологии, Адыгейский государственный университет;

Железняков Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора по научной работе, Институт востоковедения Российской академии наук;

Касьянов Валерий Васильевич – доктор исторических, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики, Кубанский государственный университет;

Киселёва Наталья Витальевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Российской таможенной академии (Ростовский филиал);

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Alexander V. Ponedelkov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of Political Science, Professor, Professor of Political Science and Ethnology of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, South Russian Institute of Management – Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, Head of the Laboratory of Problems of Improving Efficiency of State and Municipal Administration.

Members of the editorial Board:

Maxim A. Vaskov – Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Education and Pedagogical Sciences of the Academy of Psychology and Pedagogy, Southern Federal University;

Victor Zbignev – Doctor of Political Science, Professor, University of Wroclaw, Poland;

Polina S. Volkova – Member of the Union of Composers of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Cuban State Agrarian University;

Nadezhda Yu. Gavrilova – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University;

Zuriet A. Zhade – Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department Theories and history of law and state and political science, Adygei State University;

Alexander S. Zheleznyakov – Doctor of Political Science, Deputy Director for Scientific work, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences;

Valeriy V. Kasianov – Doctor of History, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of History of Russia, Dean of the Faculty Journalism, Cuban State University

Natalia V. Kiselyova – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of the State and Law, Russian Customs Academy (Rostov branch);

Кислицын Сергей Александрович – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, Костромской государственный университет;

Логина Марина Васильевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой культурологии и библиотечно-информационных ресурсов, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева;

Рассказов Леонид Павлович – Заслуженный деятель науки РФ, доктор исторических, доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Старостин Александр Михайлович – доктор политических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации, Ростовский государственный экономический университет;

Узунов Владимир Владимирович – доктор политических наук, доцент, директор, Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Упоров Иван Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, Краснодарский университет МВД РФ;

Циткилов Петр Яковлевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социальных технологий, Южный федеральный университет;

Чапурко Татьяна Михайловна – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права юридического факультета, Кубанский государственный аграрный университет;

Шефель Сергей Викторович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия.

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of Political Science and Ethnic Policy, South Russian Institute of Management, Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation;

Svetlana V. Kovaleva – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of Philosophy, Cultural Studies and social communications, Kostroma State University;

Marina V. Loginova – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Cultural Studies and Library and Formation Resources, Mordovsky State University named after N.P. Ogarev;

Leonid P. Rasskazov – Honored Worker of Science of the Russian Federation, Doctor of History, Doctor of Law, Head of the Department of Theory and History of Law and State Faculty of Law, Cuban State Agrarian university;

Alexander M. Starostin – Doctor of Political Science, Professor, Honorary Worker of the Highest Professional of the Russian Federation, Director of the Institute of Interdisciplinary Studies Global processes and glocalization, Rostov State Economic University;

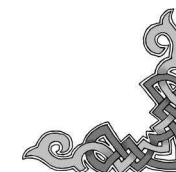
Vladimir V. Uzunov – Doctor of Political Science, Associate Professor, Director, Crimean Branch of the Federal Scientific and Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

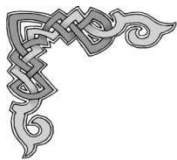
Ivan V. Uporov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Petr Ya. Citkilov – Doctor of Historical Sciences, Professor of Social Technology, Southern Federal University;

Tatiana M. Chapurko – Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Departments of Criminal Law, Faculty of Law, Cuban State Agrarian University;

Sergey V. Shefel – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Affairs Disciplines, Crimean branch of the Russian State University of Justice.

СОДЕРЖАНИЕ:

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаврилова Н.Ю.

Формирование городского пространства
в нефтегазодобывающих районах Западной Сибири во второй половине XX века 9

Рудая О.И.

Идейные основы Британского союза фашистов:
меморандум «Политика чернорубашечников» 15

Упоров И.В.

Сравнительный анализ реформ, проводимых в сфере здравоохранения
в муниципальных образованиях в новейшей истории СССР и в постсоветской России 19

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Волкова П.С.

Бинарность как универсальный принцип мироздания 25

Шестаков Ю.А.

Культура как фактор обеспечения национальной безопасности 31

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаврилов П.С.

Ценностные тренды иностранных студентов российских вузов: постановка проблемы 39

Зайцева А.А.

Социальное поведение молодежи на юге России
как предмет социологических исследований политические науки 43

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Мамиева Б.Ю., Качмазова З.Н.

Пятидневная война: истоки, политический контекст, общий ход 51

Самойлова Ю.Б.

Антикоррупционное просвещение как инструмент профилактики коррупции 56

Сельцовский П.А.

Внешние угрозы национальной безопасности России
и механизмы противодействия им 59

Терещенко О.В.

Политический порядок: методолого-структурный анализ понятия 65

CONTENTS:

HISTORICAL SCIENCES

Nadezhda Yu. Gavrilova

The formation of urban space in the oil and gas producing regions of Western Siberia in the second half of the 20th century 9

Olga I. Rudaya

Ideological foundations of the British union of fascists: Black shirts politics memorandum 15

Ivan Upotov

Comparative analysis of the reforms carried out in the health sector in municipal entities in the recent history of the USSR and in post-Soviet Russia 19

CULTURAL SCIENCE

Polina S. Volkova

Binary as universal principle of the universe 25

Yuri A. Shestakov

Culture as a factor of national security 31

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Pavel S. Gavrilov

Value Trends of Foreign Students of Russian Universities: problem statement 39

Anastasia A. Zaitseva

Social behavior of young people in the south of Russia as a subject of sociological research 43

POLITICAL SCIENCES

Bela Yu. Mamieva, Zarina N. Kachmazova

Five-day war: origins, political context, common course 51

Yulia B. Samoilo

Anti-corruption education as a tool for preventing corruption 56

Peter A. Seltsovsky

External threats to Russia's national security and mechanisms to counter them 59

Olesya V. Tereshchenko

Political order: methodological and structural analysis of the concept 65

**ИСТОРИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Гаврилова Надежда Юрьевна

доктор исторических наук,
доцент,
профессор кафедры
гуманитарных наук и технологий,
Тюменский
индустриального университета
popov-52@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ
ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩИХ
РАЙОНАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА**

Аннотация. В статье рассмотрены особенности начального этапа освоения нефтегазодобывающих районов Севера Западной Сибири, связанные с созданием новых городов. Акцентируется внимание на государственной политике социального обустройства районов нового промышленного освоения (РНПО), проблемах градостроительства. Характеризуются основные принципы формирования городского пространства и характер застройки северных поселений. Анализируются факторы, затрудняющие комплексную застройку городской территории.

Ключевые слова: социальное освоение, государственная политика, Север Западной Сибири, районы нового промышленного освоения, градостроительство, северные города, городское пространство.

Более полувека отделяет наших современников от начала реализации народнохозяйственного проекта, связанного с созданием в северных районах Тюменской области крупнейшего не только в стране, но и мире Западно-Сибирского нефтегазодобывающего комплекса (далее – ЗСНГК). Его формирование предполагало не только индустриальное, но и социальное освоение северных территорий, где были сосредоточены углеводородные ресурсы, поскольку становление нефтегазового комплекса осуществлялось в малообжитых, труднодоступных районах Крайнего Севера, отдаленных от промышленных центров и транспортных узлов. В силу этого, государственная политика включала социальное обустройство вновь осваиваемой территории и создание жилой среды обитания для значительного притока населения, что позволяло обеспечить его жизнедеятельность в суровых природно-климатических условиях Севера.

Обращение к истории социального освоения Тюменского Севера, связанное с созданием главной топливно-добывающей базы СССР (та-

Nadezhda Yu. Gavrilova

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Humanities and Technology,
Tyumen Industrial University
popov-52@mail.ru

**THE FORMATION
OF URBAN SPACE IN THE OIL
AND GAS PRODUCING REGIONS
OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND
HALF OF THE 20TH CENTURY**

Annotation. The article discusses the features of the initial stage of social development of oil and gas producing regions of the North of Western Siberia, associated with the creation of new cities. Attention is focused on the state policy of social arrangement of areas of new industrial development (RNPO), problems of urban development. The basic principles of the formation of urban space and the nature of the development of northern settlements are characterized. The factors that impede the integrated development of urban areas are analyzed.

Keywords: social development, state policy, North of Western Siberia, areas of new industrial development, urban development, northern cities, urban space.

кое утверждение было характерно и для партийно-советских документов, и для исследовательской литературы недавней эпохи), представляется важным для анализа социальной политики советского государства и оценки ее эффективности. Это становится значимым в условиях продвижения промышленного освоения в начале нового XXI столетия в районы арктической зоны. Отсюда ценен исторический опыт предшествующего этапа с учетом его позитивов и негативов, не смотря на иные условия хозяйственной деятельности. Обращение к столь недавнему прошлому важно и для сохранения в памяти молодого поколения, для которого Север стал обжитой территорией и местом проживания, того трудового подвига, который совершило предшествующее поколение, их деды и отцы. Именно так оценивается в современной литературе формирование нефтегазового комплекса в северных широтах Западной Сибири [1].

История рождения крупнейшей не только в СССР, но и мире нефтегазовой провинции на Тюменском Севере и становления ЗСНГК в 1960–1980-е годы была в центре исследова-

тельского интереса историков, социологов, экономистов, географов, поскольку относилась к многоплановой проблеме. Междисциплинарный подход предполагал изучение различных аспектов темы от истории геологоразведочных работ и создания всего комплекса производственной инфраструктуры и нефтегазодобывающих отраслей до исследования проблем формирования трудовых ресурсов и создания социальной инфраструктуры. Исследованию данных проблем посвящены десятки монографий и сотни журнальных статей. Не меньший интерес вызывали и градостроительные аспекты освоения северных территорий.

Тема градостроительства в РНПО нашла в настоящее время достаточно широкое освещение в исследовательской литературе, как в контексте изучения наиболее общих проблем социального развития районов Севера Западной Сибири [2], так и процессов урбанизации нефтегазодобывающего региона [3].

Одним из первых историков, обратившимся к данной проблематике являлся Н.М. Пашков. В поле его научного интереса были вопросы, связанные с изучением партийно-советского руководства по формированию ЗСНГК, в том числе решением вопросов, связанных с жилищно-гражданским строительством и сооружением объектов социально-бытового обеспечения [4]. В монографии показана динамика жилищно-гражданского строительства на начальном этапе становления топливно-добывающего комплекса. Особый интерес вызывает анализ автором основных направлений деятельности партийно-советского руководства страны и местных органов власти по преодолению отставания социальной инфраструктуры от темпов промышленного освоения региона.

Особенности развития молодых северных городов, анализ формирования в них социальной инфраструктуры и влияния ведомств на их застройку нашли отражение в публикациях сибирского историка Е.В. Логунова [5].

Организация жизненного пространства в центрах нефтегазодобывающей промышленности на начальном этапе создания ЗСНГК проанализирована сургутским исследователем И.Н. Стасем. Автор акцентирует внимание на решении наиболее насущной проблемы для вновь прибывающего населения в районы освоения – жилищной, показывая эволюцию от временного типа жилья (балков, землянок, вагон-домов) до типов квартир в деревянных и капитальных домах и характеризуя этот процесс как формирование двух уровней «личного пространства» – «временного» и «типового» [6].

Своеобразным источником и исследованием, значимым как для историков, так и специалистов в области архитектуры, стало издание солидного труда «История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс» [7], в подготовке которого принимали непосредственное участие руководители строительной и нефтега-

зовой отрасли, ведущие архитекторы и строители – участники освоения Тюменского Севера. Их воспоминания, анализ проблем градостроительства в нефтегазодобывающих районах стали важным источником для написания данной статьи.

В настоящее время аксиоматичным стало утверждение об урбанизированном характере процессов освоения северного региона, хотя начальный этап становления новой нефтегазовой провинции сопровождался бурными дискуссиями по поводу того, как вести «наступление» на труднодоступные, отдаленные от промышленных центров, нефтегазовые месторождения: путем создания стационарных поселений или вахтовым путем. В обсуждении этих проблем, столь важных не только для северных районов, но и для самой Тюменской области, активное участие принимало партийное и советское руководство страны, областная партийная элита, министерства, принимавшие участие в разработке и обустройстве нефтегазовых месторождений Севера, строители и архитекторы. Свидетельством тому было проведение двух научно-технических конференций по вопросам градостроительства на Тюменском Севере (1966, 1969 гг.). Как писала автор данной статьи, одной из первых обратившейся к истории градостроительства в нефтегазодобывающих районах Севера Западной Сибири: «Конференции выработали основные принципы и рекомендации по комплексному проектированию и строительству городов и поселков в районах нового промышленного освоения (РНПО). На Севере предлагалось использовать два типа поселений: традиционные (создание городов в радиусе 40–50 км от месторождений) и мобильные. Второй тип поселений предполагал возможность использования вахтовой организации труда» [8, с. 76].

Специфика нефтегазодобывающих районов, связанная, в первую очередь, с природно-климатическими и географическими условиями, предъявляла особые требования к организации городского пространства новых северных поселений.

Под городским пространством автор подразумевает жилую среду обитания, относя к ней объекты социальной инфраструктуры, а именно: жилищно-коммунальное хозяйство, предприятия торгового, бытового назначения, учреждения образования, здравоохранения и культуры; т.е. все то, что обеспечивало нормальную жизнедеятельность людей в новых поселениях. Формирование его в большинстве северных городов фактически начиналось с «нуля».

На начало 2019 г. в Тюменской области проживало 3,7 млн человек, при этом большая часть населения – 79,9 % относилась к категории городских жителей. В сравнении: на начало 1966 г. численность населения области составляла 1272,6 тыс. человек, в том числе городского – 43,8 % [9, с. 6]. Основной прирост населения, как в целом по Тюменской области, так и ее северным округам – Ханты-Мансийскому (далее ХМАО) и Ямало-Ненецкому (далее ЯНАО) при-

ходился на середину 1960-х – середину 1980-х годов, что было связано с периодом интенсивного освоения нефтегазовых ресурсов. Именно для этого двадцатилетия был характерен бурный рост северных городов и населения в них. Буквально с нулевой отметки, с палаток, вагончиков и землянок в краю тайги и болот выросло 15 городов и свыше 30 городских поселений. Рождение многих из них совпало с начальным этапом эксплуатации нефтяных месторождений. Шаимское положило начало одному из первых городских поселений нефтяного края – Ураю, получившему статус города в 1965 г. В этом же году статус города в Среднем Приобье был дан Сургуту, в 1967 г. – Нефтеюганску, у истоков рождения которых были Усть-Балыкское и Южно-Сургутское месторождения. Самотлорская «нефтяная жемчужина» привела к появлению сразу нескольких городов: в 1972 г. – Нижневартовска, в 1980 г. – Мегиона, а в 1985 г. «городов-спутников» – Лангепаса и Радужного. Крупнейшие газовые месторождения – Медвежье и Уренгойское дали рождение городам субарктической зоны – Надыму (1972 г.) и Новому Уренгю (1980 г.). Таким образом, градообразующей основой новых городских поселений на Тюменском Севере явились нефтегазовые месторождения, что изначально предопределяло их моноресурсное развитие.

Организация городского пространства в новых поселениях должна была учитывать, прежде всего, особенности самого «физического пространства» мест поселения. Кроме того, специфика труда, связанная как с передвижным характером работы, так и самой работой на открытом воздухе, будь то разведка и обустройство нефтегазовых месторождений, нефтегазодобычи или строительные работы, в том числе, сооружение дорог, трасс нефте- и газопроводов предполагала создание комфортной среды обитания в суровых природно-климатических условиях Севера.

Вместе с тем, как пишет в своих воспоминаниях А.Н. Отраднов (1966–1976 гг. – главный архитектор института «Тюменьгражданпроект»; 1976–2001 гг. – главный архитектор Тюменской области): «Две трети территории области – основные зоны разработки месторождений нефти и газа – относятся к непригодным и ограниченно пригодным для проживания группам по медико-географическим условиям. Площадок, пригодных для крупномасштабного строительства, практически нет. По инженерно-строительным условиям все они относятся к категории ограниченно пригодных или непригодных по условиям заболоченности, заторфованности, вечной или вековой мерзлоты, наличию оползней по длине берегов и других неблагоприятных физико-географических явлений» [7, с. 259].

Осложняли процесс градостроительства в районах нефтегазодобычи не только огромная заболоченность территории, ее малоосвоенность, труднодоступность и суровые природно-климатические условия, но и отсутствие какой-либо нормативной документации на начальном этапе освоения региона. Сложные географиче-

ские и природно-климатические факторы требовали принятия неординарных решений, тем более что в практике отечественного и зарубежного градостроительства подобного опыта не существовало. По воспоминаниям заместителя нефтяной промышленности СССР (1965–1989 гг.) Ш.С. Донгаряна, «с первых же шагов проектировщики и строители столкнулись с отсутствием строительных норм и правил для природно-климатических условий района Средней Оби. Были нормы и правила для условий теплой и холодного климата, для условий вечной мерзлоты, а для проектирования и строительства на болотах, да еще при очень низких температурах и высокой влажности, норм и правил не было ни в СССР, ни за пределами СССР. Более того, не существовало какого-либо наработанного материала, который можно было положить в основу разработки этих норм» [7, с. 189]. По утверждению Ш.С. Донгаряна, работа по созданию подобной документации для условий Среднего Приобья, получившей название «Временных строительных норм и правил», была поручена «коллективу самых выдающихся проектировщиков, ученых, инженеров-строителей, инженеров-нефтянников, приглашенных в Тюмень ... в 1967 г. Временные нормы были утверждены и они служили в течение 20 лет, переходя пунктами и частями в основной СНиП... Можно сказать, что Западно-Сибирский нефтяной комплекс во многом создавался на базе Временных норм и правил, созданных и утвержденных Миннефтепромом СССР» [7, с. 190].

Как и теория, так и практика градостроительства на Тюменском Севере начиналась, как вспоминали тюменские архитекторы, «с белого листа»: «никаких съемочных материалов, схем расселения и генпланов не могло и быть. Как в освоении края, так и в инженерной изученности территорий все начиналось с нуля. С участием членов комиссий первоначально в г. Тюмени намечались возможные площадки для развития городов, а затем на катерах, вертолетах, вездеходах и пешком материалы уточнялись на местах и принимались коллегиальные решения о приемлемости территории с учетом перспективного развития городов» [7, с. 155].

В качестве главных критериев, которые во многом определяли градообразующую основу будущего городского поселения, выдвигались следующие требования:

- 1) наличие поблизости существующих поселений, которые могли бы стать базой на первый период освоения территории;
- 2) территориальные и геологические условия возможности развития города;
- 3) границы месторождений, в пределах которых строительство городов было недопустимо из-за сокращения объемов выработки месторождений и возможных просадочных явлений;
- 4) возможности транспортной доступности: реки, промысловые дороги, возможности размещения аэродромов;

5) очередность и сроки разработки месторождений и их удаленность от намечаемой площадки развития города [7, с. 155].

Так определялось физическое пространство северных городов. Можно предположить, что в проектах не последнюю роль, помимо указанных градообразующих оснований, играли и эстетические, связанные с рельефом местности и ее ландшафтными особенностями. Как правило, такую роль выполняли реки, водные ресурсы которых обеспечивали не только необходимую жизнедеятельность людей, но и придавали красоту окружающей местности. Традиции сибирского градостроительства, берущие свои истоки с городов-острогов XVII–XVIII веков, являлись тому наглядным примером.

Несмотря на наличие объективных условий, усложняющих градообразующие факторы, за основу становления нефтегазового комплекса были выбраны традиционные методы, ориентирующие на создание стационарных городов с постоянным населением вблизи месторождений [8, с. 75]

Первоначально, опорной базой освоения становится территория Среднего Приобья – рабочие поселки Урай, Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, где были сосредоточены нефтяные месторождения. На начальном этапе формирования ЗСНГК к разработке генеральных планов этих городов-новостроек были привлечены специалисты института «Башнефтепроект», имевшие большой опыт в проектировании обустройства нефтяных месторождений Башкирии и Татарии.

Всего, как свидетельствуют архивные данные, в разработке генеральных схем и районных планировок северных городских поселений участвовало более 100 проектных организаций, работа которых особо никак не корректировалась. Поэтому не случайно при обсуждении вопросов, связанных с застройкой новых городов, со стороны партийных и советских органов власти в оценке их деятельности нередко звучали фразы о «казенном и бездушном проектировании» [10, Ф. 814 оц., Оп. 1, Д. 4282, Л. 16]. В основе этого были не столько субъективные, сколько объективные причины, а именно: отдаленность разработчиков от сферы приложения своей деятельности, слабое знание региональной специфики (в основном по кратковременным командировкам), сжатые сроки разработки проектов, наконец, отсутствие опыта проектирования северных городов.

Для координации градостроительных работ в РНПО в 1968 г., по предложению Госстроя СССР, в качестве головных (с правом авторского надзора за исполнением проектов) были закреплены проектные институты Гипрогор (Москва), ЛенНИИградостроительства (Ленинград), а также специализированные проектные институты Свердловска и Новосибирска [7, с. 237]. Главным мотивом принятия этого решения было убеждение в том, что проектирование ведущими проектными организациями, имеющими кадры

высокой квалификации, позволит поднять градостроительство на новый уровень. Вместе с тем, это не устраняло указанные ранее причины, которые вели к «казенному проектированию».

Несомненно, все эти факторы отражались на формировании жилой среды обитания городов-новостроек. Поэтому не случайным являлся резкий контраст между теорией градостроительства, предлагавшей использование новых архитектурно-планировочных решений, учитывающих экстремальные условия Севера (в частности, сооружение зданий различного назначения под одной крышей, соединенных теплыми переходами, защищающими от воздействия суровой природы), и ее реальным воплощением в практике застройки северных городов.

Отсутствие достаточного времени на подготовку проектной документации в условиях интенсивной эксплуатации нефтегазовых ресурсов, а также параллельность процессов промышленного и социального освоения не могли не сказаться на «качестве» северного градостроительства и организации пространства новых городских поселений. При их проектировании архитекторы вынуждены были обращаться к опыту застройки нефтяных районов Поволжья, Татарии и Башкирии (8, с. 81), что вряд ли было приемлемым, учитывая значительную разницу природно-климатических и экономико-географических условий. Более того, судя по архивным документам того времени, до начала 1980-х гг. не было разработано ни одного типового проекта применительно к географическим и климатическим условиям Севера [10, 814 оц., Оп. 1, Д. 4153, Л. 7]. Как отмечали сами архитекторы, говоря о практике градостроительства в северных широтах: «новые города в Тюменской области сначала были похожи друг на друга: четкое функциональное зонирование, прямоугольная сетка улиц; одинаковые поставки для пионерного строительства, деревянные одно-, двухэтажные, позднее 5-ти этажные дома. Однотипные административные здания, кинотеатры, здания узлов связи» [7, с.157]. Все это было проявлением близости городов-новостроек.

На формирование городского пространства новых поселений изначально значительное влияние оказывал ведомственный характер процессов обустройства северных территорий. Дело в том, что строительство, как промышленных сооружений, так и объектов социально-бытового, социокультурного назначения и жилья было возложено на организации более 30 министерств и ведомств [8, с. 80] Т.е., развитие каждого города определялось самими предприятиями и ведомствами, которые одновременно были заказчиками и застройщиками городской территории. В результате этой политики города застраивались так называемым методом «хуторского хозяйства». Наиболее заметно это проявилось при застройке центра нефтяной промышленности в 1960–1970-е годы – города Сургута, в сооружении которого принимали участие 8 министерств. В итоге, в Сургуте первоначально практически не существовало единого городского центра: он оказался разбитым на поселки геологов, строи-

телей, нефтяников, энергетиков. Эксплуатацией жилого фонда ведало 20 организаций, водозаборными сооружениями – 13, связью – 16 предприятий различных министерств, торговлей и общественным питанием – 5 Орсов (Отделов рабочего снабжения) [10, с. 188].

Ведомственность являлась не только серьезным препятствием в формировании единого архитектурного облика северных городов, но и в комплексной организации городского пространства, иначе говоря, в создании жилой среды со всем «набором» объектов социального назначения. Одной из основных причин этого являлась политика, ориентирующая предприятия и ведомства на первоочередное обустройство нефтегазовых месторождений и строительство объектов производственной инфраструктуры.

На преодоление этого негативного последствия было направлено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О неотложных мерах по улучшению строительства в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса» (март 1980 г.). В Постановлении констатировалась негативная ситуация в развитии ЗСНГК, проявлением которой были диспропорции между уровнем промышленного и социального обустройства региона. В качестве важнейшего условия преодоления сложившихся диспропорций рассматривалось «обеспечение комплексной застройки городов и поселков в районе ЗСНГК на высоком градостроительном уровне с полным объемом инженерного обеспечения и благоустройства» [11].

Литература:

1. *Карпов В.П.* Анатомия тюменского подвига / В.П. Карпов // Родина. 2012. № 8. С. 20–23.
2. *Гаврилова Н.Ю.* Разработка социальной программы развития нефтегазодобывающих районов нового промышленного освоения Западной Сибири в 60–80-е годы / Н.Ю. Гаврилова // Известия вузов. Нефть и газ. 2000. № 5. С. 117–120; *Гаврилова Н.Ю.* Градостроительная модель освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985г.) / Н.Ю. Гаврилова // Налоги, инвестиции, капитал. 2002. № 1–2. С. 230–237; *Гаврилова Н.Ю.* Опыт социального освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1960–1980-е гг.) / Н.Ю. Гаврилова, В.П. Карпов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 111–118.
3. *Колева Г.Ю.* Становление индустриально-урбанистического общества на территории Тюменской области / Г.Ю. Колева, И.Н. Стась, И.И. Шорохова. Тюмень : ТюмГНГУ, 2013. 284 с.; *Стась И.Н.* Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е – начало 1990-х гг.). Курган : ООО Курганский дом печати, 2018. 168 с.
4. *Пашков Н.М.* Деятельность партийных организаций Западной Сибири по созданию и развитию нефтегазового комплекса. 1964–1980 гг. /

Вместе с тем, успешное решение этой проблемы затруднял интенсивный приток населения в 1980-е гг., связанный с увеличением объемов нефтегазодобывающей промышленности, а также постепенным продвижением в районы Крайнего Севера ЯНАО. Это сопровождалось появлением на карте Тюменской области новых городов: только в 1985 г. 4 населенных пунктов – Когалым, Лангепас, Нягань, Радужный – получили статус города. Бурное градостроительство с начала 1980-х годов не позволило осуществить их комплексную застройку. По-прежнему сохранялось резкое отставание в строительстве объектов соцкультбыта. Обеспеченность ими населения, по данным социологических паспортов северных городов, составляла в середине 1980-х гг. в среднем от 40 до 80 % [8, с. 80].

Таким образом, на всем протяжении 1960–1980-х годов сохранялась проблема организации городского пространства в новых северных поселениях, т.е., создания комфортной среды обитания, обеспечивающей жизнедеятельность людей. Именно она выступала, по мнению социологов, решающим фактором закрепления населения в районах нового промышленного освоения Севера Западной Сибири, поскольку городское пространство было призвано компенсировать негативные воздействия, как внешней среды, так и сложных условий труда работников, занятых в ведущих отраслях нефтегазодобывающего комплекса. Однако, несмотря на значительные темпы развития всех компонентов социальной сферы, уровень и качество ее организации в РНПО не позволяли реализовать в полной мере ее функциональное предназначение.

Literature:

1. *Karpov V.P.* Anatomy of the Tyumen feat / V.P. Karpov // Homeland. 2012. № 8. P. 20–23.
2. *Gavrilova N.Yu.* Development of a social program for the development of oil and gas producing areas of the new industrial development of Western Siberia in the 60–80s / N.Yu. Gavrilova // Izvestiya vuzov. Oil and gas. 2000. № 5. P. 117–120; *Gavrilova N.Yu.* Town-planning model of the development of oil and gas producing areas of Western Siberia (1964–1985) / N.Yu. Gavrilova // Taxes, investments, capital. 2002. № 1–2. P. 230–237; *Gavrilova N.Yu.* Experience of social development of oil and gas producing areas of Western Siberia (1960–1980-ies) / N.Yu. Gavrilova, V.P. Karpov // Otechestvennaya istoriya. 2003. № 5. P. 111–118.
3. *Koleva G.Yu.* Formation of industrial and urbanistic society on the territory of the Tyumen region / G.Yu. Koleva, I.N. Stas, I.I. Shorokhova. Tyumen : TSOGU, 2013. 284 p.; *Stas I.N.* Become a citizen: urbanization and population in the oil region (1960s-early 1990s) / I.N. Stas. Kurgan : Kurgan House of Press, LLC, 2018. 168 p.
4. *Pashkov N.M.* The activity of party organizations in Western Siberia on the creation and development of the oil and gas complex. 1964–1980 / N.M. Pash-

Н.М. Пашков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. 241 с.

5. *Логунов Е.В.* Социальная инфраструктура нефтегазодобывающих районов Севера Тюменской области (1970–1985 гг.) / Е.В. Логунов // Нефть и газ Западной Сибири. Тюмень : Тюм. инд. инс-т, 1987. С. 136–138; *Логунов Е.В.* Развитие социальной инфраструктуры северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / Е.В. Логунов // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. С. 184–210.

6. *Стась И.Н.* Эволюция жилищных условий горожан Ханты-Мансийского округа в 1960-х годах / И.Н. Стась // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2015. Иркутск, 2015. С. 295–304.

7. История и перспективы градостроительного освоения территорий Севера. Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс. М. : МЦА «Суханово», 2004. 512 с.

8. *Гаврилова Н.Ю.* Градостроительная концепция освоения нефтегазодобывающих районов Западной Сибири и ее реализация / Н.Ю. Гаврилова // Ежегодник Тюменского областного краеведческого музея: 1997. Тюмень, 1999. С. 73–84.

9. Народное хозяйство Тюменской области за 70 лет: Стат.сб. Тюмень : Облстат., 1987. 138 с.

10. ГАТО (Государственный архив Тюменской области).

11. *Логунов Е.В.* Развитие социальной инфраструктуры северных городов Западно-Сибирского нефтегазового комплекса / Е.В. Логунов // Урбанизация советской Сибири. Новосибирск : Наука, 1987. С. 184–210.

12. Правда. 1980. 08 апреля.

kov. Tomsk : Publishing House of Tom. un-ta, 1988. 241 p.

5. *Logunov E.V.* Social infrastructure of oil and gas producing regions of the North of the Tyumen region (1970–1985) / E.V. Logunov // Oil and gas of Western Siberia. Tyumen : Tyum. ind. ins-t, 1987. P. 136–138; *Logunov E.V.* Development of the social infrastructure of the northern cities of the West Siberian oil and gas complex / E.V. Logunov. Novosibirsk : Nauka, 1987. P. 184–210.

6. *Stas I.N.* Evolution of housing conditions of citizens of the Khanty-Mansiysk district in the 1960s / I.N. Stas // Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2015. Irkutsk, 2015. P. 295–304.

7. History and prospects of urban development of the territories of the North. West-Siberian oil and gas complex. M. : MCA «Sukhanovo», 2004. 512 p.

8. *Gavrilova N.Yu.* Town-planning concept of the development of oil and gas producing regions of Western Siberia and its implementation / N.Yu. Gavrilova // Yearbook of the Tyumen Regional Museum of Local Lore: 1997. Tyumen, 1999. P. 73–84.

9. National economy of the Tyumen region for 70 years: Stat. sat. Tyumen : Oblstat., 1987. 138 p.

10. GATO (State Archive of the Tyumen region)

11. *Logunov E.V.* Development of the social infrastructure of the northern cities of the West Siberian oil and gas complex / E.V. Logunov // Urbanization of Soviet Siberia. Novosibirsk : Science, 1987. P. 184–210.

12. Pravda. 1980. April 08.

Рудая Ольга Ивановна
кандидат исторических наук,
доцент,
кафедра истории и культурологии,
Донской государственной
технической университет
popov-52@mail.ru

Olga I. Rudaya
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Department of History
and Cultural Studies,
Donskoy State Technical University
popov-52@mail.ru

ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ БРИТАНСКОГО СОЮЗА ФАШИСТОВ: МЕМОРАНДУМ «ПОЛИТИКА ЧЕРНОРУБАШЕЧНИКОВ»

IDEOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE BRITISH UNION OF FASCISTS: BLACK SHIRTS POLITICS MEMORANDUM

Аннотация. В статье анализируется меморандум «Политика чернорубашечников», ставший программой Британского союза фашистов в начале 1935 г. Особое внимание уделяется характеристике книги лидера британских фашистов – О. Мосли «Более великая Британия», в которой были изложены идейные основы и принципы фашистской доктрины. Содержание десяти пунктов «Политики чернорубашечников» позволяет утверждать, что они не являлись новыми и оригинальными. Получив свое основное отражение в работе Мосли «Более великая Британия», эти пункты были структурированы и выделены в отдельные положения январской программы 1935 г. Меморандум представлял собой попытку популяризации фашистским руководством своей партийной доктрины с целью возрождения интереса к Союзу и активизации его деятельность во второй половине 1930-х гг.

Ключевые слова: Великобритания, Освальд Мосли, Британский союз фашистов (БСФ), «Более великая Британия», меморандум «Политика чернорубашечников».

Annotation. The article analyzes the Memorandum «The Policy of the Blackshirts», which became the program of the British Union of Fascists in early 1935. Special attention is paid to the characteristics of the book by the leader of the British fascists – O. Mosley «The Greater Britain», which set out the ideological foundations and principles of the fascist doctrine. The contents of the ten-point Black Shirts, the Black Shirts, suggest that they were not new and original. Reflected in Mosley's work Greater Britain, these paragraphs were structured and singled out in separate provisions of the January 1935 Memorandum as an attempt by the fascist leadership to revive interest in the Union and revitalize it in the second half of the 1930-s.

Keywords: Great Britain, Oswald Mosley, British Union of Fascists (BUF), «The Greater Britain», Memorandum «The Politics of the Blackshirts».

В октябре 1932 г. в Великобритании, стране классической демократии, была создана ультраправая организация «Британский союз фашистов» (БСФ). Её основателем и руководителем являлся аристократ, баронет Освальд Мосли, который, получив опыт работы в парламенте от консервативной и лейбористской партий, пришел к убеждению, что демократическая форма правления устарела и исчерпала свои возможности. В связи с этим он предлагал радикально реформировать политическую систему британского государства.

В своей книге «Более великая Британия», изданной незадолго до образования Союза, Мосли на основе «анализа современной ситуации и конструктивной политики» обосновывал необходимость «фундаментальных изменений» в английском обществе. Отмечая, что «экономическая жизнь переросла политические институты, и Британии так и не удалось оправиться от военного периода», он утверждал, что основной причиной этого результата являлась существовав-

шая система правления, которая была предназначена для XIX века и уже не соответствовала реалиям нового XX века. Мосли полагал, что в подобных условиях «правительство не может эффективно руководить» [1, p. 17].

По его мнению, политические установки всех партий в послевоенном обществе «стали банальностями, они последовательно провалились, пытаясь преодолеть проблемы времени. Их правление привело к трагической неизбежности, к настоящему хаосу» [1, p. 25].

В своей работе Мосли неоднократно указывал на то обстоятельство, что в сфере политической реконструкции лидеры старых партий ничего не предлагали, а национальное правительство, находившееся у власти, не имело программы и не предвидело кризиса 1931 г. [1, p. 92,176]. Изобилие обещаний, апатия и инерция традиционных партийных организаций не могли стабилизировать ситуацию.

В этом контексте фашизм выступал как альтернатива беспомощности правящих структур Великобритании перед вызовами времени, как новое национальное движение, основанное на «высшей концепции гражданства и признававшее необходимость авторитетного государства над партийными и групповыми интересами» [1, р. 19]. Отмечая, что фашизм не являлся английским изобретением, Мосли считал своей главной задачей создание в Британии подходящих условий для «его наивысшего выражения и развития» [1, р. 20].

Фашистское движение, – подчеркивал его лидер, – стремилось, с одной стороны, к «стабильности», которая представляла собой «порядок и власть как основу всех прочных достижений», с другой – к «прогрессу», достичь которого можно было лишь «с помощью исполнительного инструмента», который в свою очередь могли предоставить только «порядок, власть и решительность» [1, р. 26]. Свои цели фашисты намеревались осуществить «легальными и конституционными методами закона и порядка», уважая права и свободы граждан [1, р. 21].

В сложных социально-экономических условиях начала 1930-х гг., когда Англия переживала глубокий кризис, а коалиционное правительство оказалось не в состоянии не только предотвратить его, но и эффективно решать порожденные им проблемы, Союз Мосли смог на непродолжительное время заручиться поддержкой ряда влиятельных и богатых британцев и завоевать определенные позиции в обществе.

Однако процесс создания массовой базы фашистского движения сопровождался ростом насилий, которые в первый год существования партии носили спорадический характер, а впоследствии стали регулярными, достигнув пика на митинге БСФ в лондонском зале «Олимпия» в июне 1934 г. Открытая агрессия и жестокость методов, использовавшихся чернорубашечниками по отношению к политическим противникам при попустительстве со стороны властей, вызвали резко отрицательную реакцию в британском обществе.

Волна протестов против деятельности фашистов Мосли, прокатившаяся летом и осенью 1934 г., положила конец стремительному развитию их организации. Массовый выход из Союза рядовых членов и усилившиеся разногласия среди руководства привели к внутреннему кризису и финансовым затруднениям. Все это заставило Мосли активно искать различные пути выхода из создавшегося положения.

Не теряя связей с фашистской Италией, руководство БСФ попыталось заручиться поддержкой со стороны нацистской Германии. Печатные издания британских фашистов, которые ещё недавно «не обращали на Гитлера никакого внимания», перешли к его восхвалению [2, с. 358]. Сам Мосли стал называть нацистов «кровными братьями», а свои статьи завершал словами «Хайль Гитлер!»

Переориентация на германский фашизм повлекла за собой некоторые изменения в идеологии Союза. Осенью 1934 г. Мосли публично заявил о том, что его организация берёт себе на вооружение антисемитизм. Данное решение и последовавшая за ним активизация деятельности чернорубашечников в Восточном Лондоне, где проживала самая большая еврейская община Британии, способствовали укреплению контактов с нацистами.

В январе 1935 г. Мосли объявил о реорганизации БСФ. Союз был разделен на два основных сектора – «организацию чернорубашечников» и «политическую организацию». В первый сектор входили одетые в форму, связанные жесткой дисциплиной и объединенные в отряды, взводы и роты фашисты. Второй сектор представляли члены БСФ, которые занимались ведением избирательной пропаганды по округам, а также те, кто продолжал выражать симпатии и поддержку фашизму [3, с. 15].

Однако изменения затронули не только структуру и состав Союза, но и его программу. Её основные принципы были изложены в заключительных замечаниях к меморандуму «Политика чернорубашечников», принятых в январе 1935 г. и опубликованных в фашистской газете «Blackshirt». Новая программа чернорубашечников состояла из 10 пунктов и представляла собой план масштабного преобразования государства и общества.

Первым пунктом меморандума объявлялся «патриотизм и революция». БСФ провозглашал свою лояльность по отношению к королю и отечеству, но при этом выступал «в пользу широких и революционных изменений в государственном строе, в хозяйстве и в быту» [3, с. 12]. Предлагая кардинально реформировать все сферы жизни британского общества, фашисты считали необходимым «примирить революционные изменения в науке с системой управления и согласовать индивидуальную инициативу с разносторонними интересами нации» [1, р. 18–19]. Главным лозунгом Союза являлись слова: «Интересы Англии превыше всего», в соответствии с которыми предполагалось создание страны, «достойной патриотической любви каждого британца» [3, с. 12].

Второй пункт программы под названием «Действие» подразумевал формирование в Британии «действенного правительства». Подчеркивая важность и необходимость его создания, руководство БСФ отмечало постоянное предательство народными избранниками интересов и ожиданий своих избирателей, голосовавших за действительную политику. По убеждению фашистских лидеров, основой исполнительной власти должны стать «прогресс, лояльность, решительность и добровольная дисциплина» [3, с. 12].

Третий пункт «Политики чернорубашечников» провозглашал построение в Англии корпоративного государства – идеала, к которому стремились фашисты. Они планировали создать промышленность, состоящую из «национальных

корпораций, управляемых представителями предпринимателей, рабочих и потребителей». Декларировалось, что корпорации будут иметь широкие полномочия в регулировании производственной деятельности, и «единственные ограничения, которые государство поставит перед промышленностью, будут вытекать из требований благоденствия страны».

Чернорубашечники допускали сохранение частной собственности. В своей программе они указывали, что она «будет разрешена и встретит поощрение, если деятельность частных собственников будет обогащать не только отдельного человека, но и весь народ» [3, с. 12]. Установление корпоративного государства, являвшееся главной целью фашистского движения, рассматривалось как «единственная альтернатива направления к краху и анархии коммунизма» [1, р. 34, 96].

В четвертом пункте меморандума затрагивалась проблема безработицы и предлагались способы её устранения. С точки зрения руководства Союза, «корпоративное государство, в котором производство будет поставлено под должный контроль и будет содействовать благополучию страны, автоматически устранил безработицу» и вытекавшую из неё «нищету». Основной задачей корпораций чернорубашечники считали повышение заработной платы рабочих и служащих во всех отраслях промышленности. Предполагалось, что в этих условиях «производство будет идти вслед за потреблением, так как на внутреннем рынке наступит значительное увеличение покупательной способности населения». По замыслам лидеров БСФ, при корпоративной системе замужние женщины «не будут принуждены оставлять работу», но «более высокая заработная плата мужьям не потребует от женщины необходимости работать для содержания домашнего очага». Всем женщинам, независимо от их статуса и положения в обществе, фашисты гарантировали «справедливую зарплату наравне с мужчинами» [3, с. 12, 13].

Видя в женщине «будущее расы», фашизм обещал «относиться к жене и матери как одной из главных опор государства и доверить ей организацию и развитие одних из самых важных аспектов национальной жизни» [1, р. 56].

Пятый пункт «Политики чернорубашечников» касался организации экспортной торговли, в основу которой был положен лозунг: «Британия покупает у тех, кто покупает у Британии».

Тесно связанная с торговлей имперская политика нашла своё отражение в шестом положении меморандума БСФ. Чернорубашечники провозглашали «полную имперскую автаркию, когда империя не будет принимать участия в международной борьбе за рынки и в том хозяйственном хаосе и экономической войне, к которым эта борьба приводит» [3, с. 13]. Своим приверженцам Мосли гарантировал «никогда не следовать безумию агрессивного империализма» [1, р. 157]. Руководство Союза полагало, что в пределах империи Англия самостоятельно сможет произ-

водить «все товары, продовольствие и сырьё», необходимые для развития и процветания.

Создание независимой нации и империи, фактически обособленных от других стран, являлось конечной целью британских фашистов в экономической сфере. Ключевую роль в её достижении играло сельское хозяйство, которому был посвящен седьмой пункт «Политики чернорубашечников». За три года БСФ щедро обещал в два раза увеличить в Великобритании производство продовольствия и полностью исключить иностранные товары с рынка, обеспечив доминионам лучший рынок в стране, чем они имели [3, с. 13].

Центр тяжести имперской политики Союза фашистов переносился на Индию и колонии, на сохранение и усиление контроля над ними со стороны Англии. «Мы имеем право остаться в Индии, и мы намерены остаться здесь. Долг Британии также ясен, как и её право, этот долг заключается в том, чтобы оставаться в Индии и управлять ею. Беспорядки, анархия и организованное насилие будут беспощадно подавлены», – подчеркивал Мосли [1, р. 140].

Большое внимание в фашистском проекте преобразований уделялось иностранцам и международному финансовому капиталу. В восьмом пункте программы было четко прописано, что «при фашизме ни один иностранец не проникнет в Англию и не сможет захватить работу британца». При этом чернорубашечники выражали готовность «справиться не только с нищими иностранцами, но и крупными иностранными финансистами Сити», которые пользовались «финансовым могуществом Британии в интересах не Англии, а других стран» [3, с. 13].

Девятый пункт меморандума затрагивал проблему дисциплины в Союзе британских фашистов. В нем говорилось о том, что чернорубашечники объединялись «друг с другом на основе добровольной дисциплины» и знали, что без неё «нельзя ничего достигнуть». Руководство не обязывало носить черную рубашку, но подчеркивало, что, надевая её, активные члены организации ломали «все классовые преграды» в фашистских рядах [3, с. 13].

О важности субординации и необходимости соблюдения дисциплины в партии её лидер в своей книге писал: «мы организованы как дисциплинированная армия, не как сбитая с толку толпа с каждым членом, выкрикивающим приказы. Фашистское руководство должно командовать, и его дисциплина должна соблюдаться» [1, р. 31].

Десятый пункт «Политики чернорубашечников» был обозначен как «Руководство, парламент и свобода». Эклектичный по своему содержанию, он провозглашал установление в стране новой формы правления – диктатуры. Под ней подразумевалось создание правительства, «которому народ доверил полную свободу действий и всю силу власти для разрешения проблем, которые должны быть разрешены во имя самого суще-

ствования нации». Чернорубашечники декларировали свободу выборов, подчеркивая, что «к концу пребывания у власти первого фашистского правительства, избранного на всеобщих выборах, состоятся новые выборы на основе представительства по занятиям, а не по географическим округам» [3, с. 13]. В этих условиях партия Мосли получала монополию на управление государством. «Полная свобода действий» позволяла фашистскому правительству обладать полномочиями не только исполнительной, но и законодательной ветви власти.

Резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что центральное место в меморандуме чернорубашечников отводилось экономической составляющей. Идеологическим фоном английского фашизма служил послевоенный упадок основных отраслей промышленности, хрониче-

Литература:

1. *Mosley O. The Greater Britain* / O. Mosley. L., 1934.
2. История фашизма в Западной Европе. М., 1978.
3. *Dutt R.P. Фашизм в Англии* / Р.П. Датт // *Мировое хозяйство и мировая политика*. 1935. № 9.

ская безработица, бездействие парламента и старых партий. БСФ стремился внедрить в Англии плановое управление экономикой через создание корпоративного государства с диктаторской формой правления.

Содержание десяти пунктов «Политики чернорубашечников» позволяет утверждать, что они не являлись новыми и оригинальными. Получив свое основное отражение в работе Мосли «Более великая Британия», эти пункты были структурированы и выделены в отдельные положения январской программы 1935 г.

Меморандум представлял собой попытку популяризации фашистским руководством своей партийной доктрины с целью возрождения интереса к Союзу и активизации его деятельность во второй половине 1930-х гг.

Literature:

1. *Mosley O. The Greater Britain* / O. Mosley. L., 1934.
2. *History of fascism in Western Europe*. M., 1978.
3. *Dutt R.P. Fascism in England* / R.P. Dutt // *World Economy and World Politics*. 1935. № 9.

Упоров Иван Владимирович

доктор исторических наук,
профессор,
Краснодарский университет МВД РФ
uporov@list.ru

Ivan V. Upotov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Krasnodar University
of the Russian Interior Ministry
uporov@list.ru

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
РЕФОРМ, ПРОВОДИМЫХ
В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ
В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ
В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ СССР
И В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

**COMPARATIVE ANALYSIS
OF THE REFORMS CARRIED OUT
IN THE HEALTH SECTOR IN MUNICIPAL
ENTITIES IN THE RECENT HISTORY OF
THE USSR AND IN POST-SOVIET RUSSIA**

Аннотация. В статье раскрываются наиболее актуальные проблемы при проведении реформы в сфере здравоохранения на самом нижнем – муниципальном – уровне публичной власти. Отмечается, что в результате реформы полномочия органов местного самоуправления по обеспечению медицинской помощи жителям муниципальных образований существенно сузились и соответственно полномочия субъектов Российской Федерации расширены. Автор полагает, что такой подход не всегда учитывает сложившиеся реалии. Обосновывается тезис о том, что если систему здравоохранения в сфере оказания бесплатной медпомощи населению полностью передать на уровень субъектов Российской Федерации, то будет не только окончательно растеряна имевшаяся еще в Российской империи традиция, связанная с земскими больницами, находившимися в подчинении земских учреждений, и больницами, находившимися в подчинении местных Советов в советском государстве, но и ухудшены как доступ населения к врачам, так и качество оказываемой медицинской помощи.

Ключевые слова: реформа здравоохранения, конституция, право на медицинскую помощь, местное самоуправление, полномочия, гарантии.

Annotation. The article reveals the most pressing problems in the implementation of health care reform at the lowest – municipal-level of public authority. It is noted that as a result of the reform, the powers of local self-government bodies to provide medical care to residents of municipalities have significantly narrowed and, accordingly, the powers of the subjects of the Russian Federation have been expanded. The author believes that this approach does not always take into account the existing realities. The thesis is substantiated that if the health care system in the sphere of providing free medical care to the population is completely transferred to the level of the subjects of the Russian Federation, then not only the tradition that existed in the Russian Empire, associated with zemstvo hospitals that were subordinate to zemstvo institutions, and hospitals that were subordinate to local councils in the Soviet state, will be completely lost, but also the access of the population to doctors and the quality of medical care provided will be deteriorated.

Keywords: health care reform, constitution, right to medical care, local self-government, powers, guarantees.

Здоровье является одной из фундаментальных социальных ценностей современного общества, право на охрану которого определяется как на международном, так и на внутригосударственном уровнях во всех странах мира. Так, Всемирная организация здравоохранения в 1948 г. определила принцип, согласно которому «обладание наивысшим достижимым уровнем здоровья является одним из основных прав каждого человека». Это право граждан в нашей стране на конституционном уровне достаточно четко было зафиксировано в последнем советском Основном законе – Конституции СССР 1977 г. [4], где в ст. 42 указывалось, что право граждан на охрану здоровья обеспечивается:

- бесплатной квалифицированной медицинской помощью, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения;
- расширением сети учреждений для лечения и укрепления здоровья граждан;
- развитием и совершенствованием техники безопасности и производственной санитарии;
- проведением широких профилактических мероприятий; мерами по оздоровлению окружающей среды;
- особой заботой о здоровье подрастающего поколения, включая запрещение детского труда,

не связанного с обучением и трудовым воспитанием;

– развертыванием научных исследований, направленных на предупреждение и снижение заболеваемости, на обеспечение долголетней активной жизни граждан [4].

Как видно из этого документа, предусматривался довольно широкий спектр направлений деятельности государственных и иных организаций по обеспечению этого субъективного права каждого гражданина советского государства. При этом нужно иметь в виду, что в СССР функционировала, как известно, плановая экономика и соответствующая ей публично-властная вертикаль, позволявшая при необходимости (а такая необходимость была всегда) использовать все имеющиеся государственные ресурсы для поддержания и укрепления материально-технического и кадрового потенциала медучреждений на всей территории страны вплоть до поселка и села.

После распада советского государства и перехода российской экономики на рыночные отношения право российских граждан на охрану здоровья было подтверждено в новой Конституции России 1993 г. Здесь в ст. 41 указывается: «Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений. В Российской Федерации финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому и санитарно-эпидемиологическому благополучию. Сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет за собой ответственность в соответствии с федеральным законом [10]».

Сопоставление конституционных норм 1977 и 1993 гг. показывает преемственность бесплатности лечения в медицинских учреждениях. Однако соответствующая формулировка уже не столь однозначна, поскольку, во-первых, допускается частная медицина, и, во-вторых, не определены, хотя бы обобщенно, виды и объем медицинской помощи, оказываемый населению бесплатно, поскольку бесплатность имеет вполне конечные пределы. Следует заметить, что и сейчас, спустя более чем двадцать лет после принятия Конституции России, этот вопрос (об объеме бесплатного лечения) остается чрезвычайно болезненным и, по сути своей, нерешенным, несмотря на предпринимаемые, и довольно интенсивные, усилия, как государственных органов, так и медицинской общественности.

Так, в принятом в 2011 г. (в рамках начавшейся годом раньше реформы здравоохранения в нашей стране) ФЗ «Об основах охраны здоровья

граждан в Российской Федерации», указывается, что «каждый имеет право на медицинскую помощь в гарантированном объеме, оказываемую без взимания платы в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи» (ст. 19) [8]. В развитие этой нормы принята правительственная программа государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2014 г. и на плановый период 2015 и 2016 гг. [9]. Здесь предпринята очередная попытка привести в систему финансирование бесплатной для населения помощи, изменяя, в частности, соотношение специализированной медпомощи (финансирование за счет средств обязательного медицинского страхования) и высокотехнологической медпомощи (за счет иных средств).

В реальности же, программа госгарантий обнаруживает тенденцию последовательного сокращения койко-мест в стационарных медучреждениях и реформатирование многих больниц в дневные медстационары без круглосуточного содержания нуждающихся в медпомощи больных [1]. Применение такого подхода вызывает много вопросов у населения и медицинской общественности. Это касается многих других проблем, в том числе огромного дефицита и квалификации врачей и других медработников, причем не только в отделенных местностях, но и в крупных городах, доступности медпомощи и т.д. Эти проблемы не новы, они хронические и государством должным образом не решаются, в связи с этим некоторые авторы полагают право на бесплатную медицинскую помощь ничем иным как «юридически бессмысленной декларацией» [2]. А с учетом финансово-экономического кризиса в России на фоне санкций со стороны Запада финансирование бесплатной медпомощи населению уже заведомо будет отставать от заявленных денежных сумм.

Следует далее заметить, что российская Конституция 1993 г., в отличие от советской Конституции 1977 г., предусматривает оказание бесплатной медпомощи населению не только в государственных медучреждениях, но и в муниципальных медучреждениях – в соответствии с конституционным разделением публичной власти на государственный уровень (федеральный и региональный) и муниципальный уровень [10]. В последние годы здесь произошли существенные изменения. Так, если иметь в виду муниципальный район (аналогично ситуация складывается и в городских округах), то в первоначальной редакции Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. значилось, что вопросами местного значения в сфере здравоохранения являлись: организация оказания скорой медицинской помощи первичной медико-санитарной помощи (такая помощь должна была оказываться в амбулаторно-поликлинических и больничных учреждениях), а также, медицинской помощи в период беременности, во время и после родов. Как видно, если обобщить, речь шла о первичной помощи и помощи женщинам-роженицам. Специализированная медицинская помощь должна была оказываться медицинских учре-

ждениях регионального и, в отдельных случаях, федерального уровня [9].

Однако в дальнейшем сфера полномочий органов местного самоуправления в сфере здравоохранения согласно предпринятой реформе стала сужаться. Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. было принято принципиальное решение, согласно которому полномочия органов местного самоуправления свелись к созданию условий для оказания медпомощи в соответствии с территориальной программой госгарантий оказания гражданам России бесплатной медицинской помощи [5]. А законом от 25 ноября 2013 г. указанная формулировка была уточнена без изменения сущности [7]. Нужно также иметь в виду, что право на медицинскую помощь на уровне муниципальных образований обеспечивают органы местного самоуправления не всех видов муниципальных образований, а только муниципальных районов и городских округов, то есть, органы местного самоуправления городских и сельских поселений не имеют (и не имели с самого начала) соответствующих полномочий. Причем, это правило императивное, вне зависимости от масштаба муниципального образования, географического расположения, степени развития системы здравоохранения в регионе и от других факторов.

В результате, в части, касающейся обязанностей органов местного самоуправления по обеспечению права на бесплатное лечение, сохраняется неопределенность статуса органов местного самоуправления в сфере здравоохранения в связи с реформированием законодательства о здравоохранении (2010–2013 гг.), и наибольшие затруднения имеются, прежде всего, в вопросах организационного плана, то есть, находящихся в компетенции органов региональной местной власти. Так, пока нет четкой ясности в том, кому будут принадлежать, и как будут управляться учреждения здравоохранения (по новой терминологии – «организации» здравоохранения), которые находились в ведении органов местного самоуправления и которые, согласно реформе, должны передаваться на уровень региональной власти, в частности, есть вопросы о том:

– перейдет ли в подчинение субъектов РФ все здравоохранение, которым ранее занималась местная власть, или, допустим, содержание зданий медучреждений будет возложено на муниципалитеты?;

– не ясен механизм перевода бюджетных денежных средств в Фонд обязательного медицинского страхования (из этого фонда теперь будет финансироваться основные виды медицинской помощи) и т.д.

Имеются также опасения по поводу возможного ухудшения качества лечения, нарушения принципа справедливости, согласно которому там, где лучше работают муниципалитеты, должно быть лучше и качество медпомощи, а теперь, поскольку из ведения местного самоуправления выведены вопросы оказания бесплатной медпомощи как вопросы местного значения (то есть, те

вопросы, которые муниципалитет должен решать сам из своего бюджета), то местная власть не имеет соответствующего стимулирования, поскольку данные вопросы возложена на субъекты РФ. Возникает вопрос о том, что для общества важнее: стимулировать местную власть в совершенствовании в данном случае системы муниципального здравоохранения либо не стимулировать и, передав эти полномочия на более высокий уровень управления (уровень субъектов РФ), освободить местную власть от участия в обеспечении права на бесплатную медицинскую помощь? Мы полагаем, здесь не должно быть крайностей, так как ситуация с медобслуживанием слишком различается в разных муниципальных образованиях, и есть основания считать, что в целом она ухудшается (иначе не проводилась бы и реформа). Так, с 2000 по 2012 г. количество больниц в России уменьшилась с 10,7 тысяч до 6,2 тысяч, а количество поликлиник с 21,3 тысячи до 16, 5 тысяч [3]. Сокращения коснулись в основном небольших медучреждений, находившихся в сельской местности. В результате доступность бесплатной медпомощи уменьшилась.

Предположить, что власти субъектов РФ, в чьем ведении сейчас находится медицина, будут в должной мере учитывать все местные особенности множества поселений, очень трудно – ведь в исполнительном органе госвласти субъекта РФ всего одно подразделение, которое ведает вопросами здравоохранения, что несовместимо с управленческим аппаратом муниципальных образований, которые ранее ведали вопросами здравоохранения, и которые, что очень важно, в повседневном режиме общаются с населением и знают их потребности. Имеются предложения (и практика уже пошла по этому пути) считать полномочие местной власти в данной сфере как полномочие, переданное ей от субъекта РФ, и соответственно государство будет финансировать его согласно ст. 19–21 Федерального закона о местном самоуправлении 2003 г. [11]. Однако в этом случае организационные изменения, на наш взгляд, не стоят тех затрат, требуемых для таких изменений, да и суть от этого не меняется. Кроме того, местная власть будет поставлена в трудное положение – ведь они не смогут выйти за рамки выделенного от государства финансирования, то есть, их самостоятельность, их инициатива в этих вопросах изначально обнуляется.

Мы полагаем, что в сложившейся ситуации целесообразно предоставить больше полномочий субъектам РФ в части того, в каких конкретно муниципалитетах вводить государственное управление в данной сфере, а каких нет (если, например, в городе местная власть наладила работу медучреждений, то зачем же разрушать сложившийся порядок?). При этом речь идет о временном госуправлении – по мере улучшения положения управление должно вновь отойти к муниципалитетам. При таком подходе сохраняется инициативный потенциал и для населения, и для органов местного самоуправления улучшить обеспечение права граждан на бесплатную медицинскую помощь. При ином варианте, если систему здравоохранения в сфере оказания

бесплатной медпомощи населению полностью передать на уровень субъектов РФ, мотивации будет значительно меньше; кроме того, будет окончательно растеряна, имевшаяся еще в Российской империи традиция, связанная с земскими больницами, находившихся в подчинении земских учреждений (аналогично было и в горо-

Литература:

1. Романовская О.В. Модернизация законодательства об оказании специализированной медицинской помощи / О.В. Романовская // Реформы и право. 2014. № 2. С. 3–9.
2. Старченко А.А. О платной медицинской помощи в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения / А.А. Старченко, М.Ю. Фуркулюк, И.К. Курило [и др.] // Здравоохранение. 2004. № 7. С. 50–54.
3. Терехова А. Больниц и поликлиник становится меньше: Организация здравоохранения противопоказана в российских реалиях / А. Терехова // Независимая газета. 2013. 27 декабря.
4. Конституция СССР от 07 октября 1977 г. М. : Политиздат, 1978.
5. Федеральный закон от 29.11.2010 № 313-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» // Российская газета. 2010. 03 декабря.
6. Постановление Правительства РФ от 18.10.2013 № 932 (ред. от 29.05.2014) «О программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.09.2015).
7. Федеральный закон от 25.11.2013 № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. 2013. 27 ноября.
8. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 01.12.2014) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.09.2015).
9. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 29.12.2014) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения 01.09.2015).
10. Конституция Российской Федерации 1993 года. М., 1993.
11. Федеральный закон «О местном самоуправлении. 2003 г. М., 2003.

дах), а также, традиция, связанная деятельностью городских и районных больниц, которые находились в подчинении местных Советов народных депутатов в СССР. И уж, как минимум, на наш взгляд, акушерское дело и первичная медицинская помощь должны находиться в подчинении местных органов власти.

Literature:

1. Romanovskaya O.V. The modernization of the legislation on the provision of specialized medical care / O.V. Romanovskaya // Reforms and the Law. 2014. № 2. P. 3–9.
2. Starchenko A.A. On paid medical care in state and municipal health care / A.A. Starchenko, M.Y. Furkulyuk, I.K. Kuril [et al.] // Health. 2004. № 7. P. 50–54.
3. Terekhov A. Hospitals and clinics become smaller: Health Organization is contraindicated in the Russian reality / A. Terekhov // Nezavisimaya Gazeta. 2013. 27 December.
4. The Constitution of the USSR on October 07, 1977. M. : Politizdat, 1978.
5. The Federal Law of 29.11.2010 № 313-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with adoption of the Federal Law» On Mandatory Medical Insurance in the Russian Federation» // Rossiyskaya gazeta. 2010. December 03.
6. Government Decree of 18.10.2013 № 932 (ed. By 05.29.2014) «On the program of state guarantees of free provision of medical care to citizens in 2014 and the planned period 2015 and 2016» // Reference legal system «ConsultantPlus» (date of treatment 01.09.2015).
7. Federal Law of 25.11.2013 № 317-FZ «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Invalidating Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation on the protection of the health of citizens in the Russian Federation» // the Russian newspaper. 2013 November 27.
8. The Federal Law of 21.11.2011 № 323-FZ (ed. By 01.12.2014) «On the basis of the health of citizens in the Russian Federation» // Reference legal system «ConsultantPlus» (the date of treatment 01.09.2015) .
9. The Federal Law of 06.10.2003 № 131-FZ (ed. By 12.29.2014) «On general principles of local self-government in the Russian Federation» // Reference legal system «ConsultantPlus» (date of application of 09.01.2015) .
10. The 1993 Constitution of the Russian Federation. M., 1993.
11. Federal Local Government Act. 2003 M., 2003.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Волкова Полина Станиславовна

член Союза композиторов
Российской Федерации,
доктор философских наук,
профессор,
профессор кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный
аграрный университет
polina7-7@yandex.ru

Polina S. Volkova

Member of the Union of Composers
of the Russian Federation,
Doctor of Philosophy,
Professor,
Professor of the Department
Sociology and Cultural Studies,
Kuban State
Agrarian University
polina7-7@yandex.ru

БИНАРНОСТЬ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП МИРОЗДАНИЯ

Аннотация. В центре статьи – бинарность как универсальный принцип мироздания. Рассматривая воплощение данного принципа сквозь призму языка, автор фокусирует свой исследовательский интерес на таких бинарных оппозициях, как жизнь – смерть, свет – тьма, добро – зло. Помимо этого, автор сосредоточивает внимание на двойственном характере человека как, с одной стороны, биологического, плотского существа, с другой, – существа социального, духовного. Выстраивая систему аргументации, автор обращается к сказке Е. Шварца «Тень», а также к фрагментам из поэтического творчества Б. Пастернака и романа Ч. Айтматова «Плаха».

Ключевые слова: бинарность, жизнь, смерть, плоть, дух, человек, тьма, свет, начало, конец.

В 2016 году в стенах Новосибирской государственной консерватории нам довелось выступить в качестве оппонента диссертационного исследования Е.С. Гусевой на тему: «Бинарность как феномен смыслообразования в музыке: на примере сочинений Г. Уствольской и Ю. Шибанова» [4]. То обстоятельство, что феномен бинарности отечественный искусствовед рассматривала в аспекте музыкального искусства никоим образом не ограничивает область его применения на том основании, что бинарность выступает в качестве универсального принципа мироздания. Выстраивая систему аргументации, сфокусируем свой научный интерес на одном из базовых понятий человеческой жизни – понятии *смерть* [3]. С этой целью обратимся к «Сравнительному словарю мифологической символики в индоевропейских языках» [7], уточнив следующий момент. Несмотря на то, что раздел, раскрывающий суть значения «смерть» в данном словаре отсутствует; интересующая нас лексема обнаруживает себя в характеристике едва ли не половины раскрываемых в словаре символов.

Например, первое значение, с которого читатель начинает знакомство со словарем – значение бездна (дверь, окно, сосуд, череп). Как свиде-

BINARY AS UNIVERSAL PRINCIPLE OF THE UNIVERSE

Annotation. In the center of the article – binary as a universal principle of the universe. Considering the embodiment of this principle through the prism of language, the author focuses his research interest on such binary oppositions as life is death, light is darkness, and good is evil. In addition, the author focuses on the dual nature of man as, on the one hand, a biological, carnal being, on the other, a social, spiritual being. Building the system of argumentation, the author refers to the tale by E. Schwartz, «The Shadow», as well as to fragments from the poetic works of B. Pasternak and the novel by Ch. Aitmatova «Scaffold».

Keywords: binary, life, death, flesh, spirit, man, darkness, light, beginning, end.

тельствует автор словаря М.М. Маковский, «в мифопоэтической традиции это значение имеет двойственную (бинарную) символику. С одной стороны, это точка, откуда все происходит, а с другой – место, куда все возвращается. В итоге, бездна предстает и как «творящее, деятельное начало, вечность и бесконечность (божественное, абсолютное время), божественное совершенство, Мировой разум, символ силы, спасения», и как «путь в потусторонний мир, дверь, проходящая между двумя мирами, между известным и неизвестным, видимым и невидимым, между внешним и внутренним, между опасностью и безопасностью, между светом и тьмой, между жизнью и смертью» [7, с. 34]. В древнем Китае, – пишет М.М. Маковский, – отверстие, проделанное в металлическом диске, имело магическое значение и, в частности, означало небо, т.е. потусторонний мир [7, с. 34].

В целом, синонимичный ряд лексемы бездна, выстроенный на основе сравнительного словаря мифологической символики, представленной в индоевропейских языках, вбирает в себя следующие понятия: *любовь, море, яма, язык как Логос, символ творящего божества, сосуд, по(суда), судьба, дверь как по(рог), дыра, время, котел, дышать, душа, щель, дух, внутренно-*

сти (восток), пустое отверстие (запад) (Согласно М.М. Маковскому, «у некоторых народов восток отождествляется со здоровьем, жизнью и богатством, а запад – с болезнями, злостью и смертью»). [7, с. 37]., *рожать, дерево (Мировое древо), свобода, череп, замок (выгибаться, образовывать полость), начало – конец, верх – низ, хаос – порядок, злой – добрый, мужской – женский, путь, дорога, земля, страдание, разрывать, мучить, заднепроходное отверстие* (от лат. *anus*), *грех, разум, мудрость, понимать, бить, ломать, борьба, могила, праздник, бодрствовать, гнуть, выгибаться, предупреждать, окно, ухо, глаз, рай, звук, воскрешение, бессмертие, быть, голубь* (Как пишет М.М. Маковский, «у индоевропейцев голубь считался птицей, символизирующей смерть» [7, с. 41]), *ряд, связь, волосы, святой, гадать* [7, с. 34–45].

Важно заметить, что все эти, взаимоисключающие, на первый взгляд, друг друга понятия, в действительности, позволяют обнаружить в языке глубинные основы человеческого бытия. Так, разве любовь не являет собой одновременно радость и муку (если речь идет о разлуке)? А готовность противостоять обстоятельствам, не привела ли в итоге к смерти любящих друг друга Ромео и Джульетту, чья гибель показала бессмысленность порождающих ненависть семейных распри и раздоров? А глаза и уши человека? Не есть ли они своего рода «окна», которые дают возможность каждому из нас смотреть на внешний мир изнутри самого себя с тем, чтобы понять его, обнаружив однажды связывающие нас невидимые нити? Не в отношении ли к двойственности человеческой природы вполне оправданными оказываются лексемы «гнуть», «мучить», «гармония», «внутреннее – внешнее», «плохой – хороший»? Но тогда вся наша жизнь – это непрестанное усилие, нацеленное на приведение в равновесие инициируемых нашей биологической природой желаний и диктуемых социумом правил и норм человеческого общежития, когда раздираемый противоречиями зверочеловек вынужден подчиняться силе разума, умиряющего его буйство.

Думается, что именно подобный опыт символизирует победу собственно человеческой природы или иначе – природы социальной над низшей, т.е., биологической природой. Здесь уместно напомнить, что лексема «социум» берет свое начало от лексемы «общество», которая, в свою очередь, является производной от лексемы «общение» [10]. Потому, в отличие от животных, которые, безусловно, взаимодействуют в рамках своего вида, пуская в ход по отношению к чужакам клыки, когти, копыта и т.п., люди наделены даром речи, чтобы уметь договариваться без применения такого рода «аргументов». Однако поскольку многие из нас, обладая человеческим обликом, в действительности живут на поводу у своих природных инстинктов, вместо речи они нередко используют всевозможные приспособления, которые заменяют им отсутствующие у человека бивни или рога. Достаточно вспомнить о таких изобретениях, как холодное и огнестрельное оружие, просто физическая сила, оборачивающаяся насилием и т.п.

Не случайно именно те, кому оказалось под силу вочеловечить своего зверя зовутся святыми, т.е., несущими свет, поскольку в борьбе с тьмой одержимого эгоизмом существа они сумели добиться полной и окончательной победы! Тогда не будет ли это рождение нового, светлого человека одновременно означать смерть прежнего зверя? В мифологическом сознании воплощением такого зверочеловека являются Минотавр (человек с мордой быка и торсом человека) и кентавр (существо, которое выше пояса представляет собой человека, ниже – коня). В частности, с именем Минотавра связан миф, в котором, оказавшись в лабиринте чудовища Тезей, побеждает Минотавра, выбираясь из лабиринта благодаря нити Ариадны – своей возлюбленной. Именно она дала ему клубок, который Тезей раскручивал, идя навстречу зверочеловеку, чтобы потом не затеряться в поисках выхода. Думается, что любовь Тезея и Ариадны, знаком которой становится связующая их нить, стала путеводной звездой, призванной высветить «лабиринты сознания» Тезея, что помогло юноше одержать победу над своим собственным зверем.

Аналогичным образом лексема «рожать» коррелирует как с понятиями «мука», «радость», так, одновременно, и с понятиями «связь», «разрыв», поскольку знаменующий перерезанием пуповины момент отделения матери от новорожденного дитя определяет начало новых отношений или иначе – новой связи, обусловленной переходом внутреннего во внешнее и т.п. С этой точки зрения весьма оправданным видится тот факт, что значение лексемы «человек» ... обычно соотносится со значением «другой» [7, с. 154], что полностью отвечает установке, согласно которой человек – это не данность, а «задание, Aufgabe» [6, с. 338]. Иначе говоря, новорожденный признается человеком лишь постольку, поскольку таковым его родила мать. Что же касается его самого, то вся последующая жизнь младенца есть попытка доказать верность подобного утверждения, вследствие чего «жизнь предстает как вечное перевоплощение» [7, с. 154], будучи непосредственно связана со смертью.

В данном контексте становится прозрачной мысль М.К. Мамардашвили – отечественного философа XX в., однажды заметившего, что «человек – это непрестанное зановорождение» [8]. При этом, если мир вещей предстает перед индивидом в своей единичности, мир существ – неповторимости, то в мире личностей главной отличительной способностью становится индивидуальность. Здесь мы полностью солидарны с И.Д. Левиным в том, что «дух не может существовать иначе, как в форме самобытной личности, являющейся оригинальным продуктом самого себя и сообщающей эту оригинальность и своим творениям» [6, с. 123].

Установка, согласно которой жизнь «черпает свои силы в смерти», будучи с ней «непосредственно связана, и смертью очищается» [7, с. 154] нашла свое воплощение в наиболее часто повторяющемся у самых разных народов

мифе о смерти, выступающей в качестве ложной вести. Потому смерть воспринималась нашими пращурами «не столько как уничтожение, сколько как переход в иную форму существования: жизнь порождает смерть, а смерть – жизнь. И то, и другое – лишь разные стороны единого круговорота бытия. Умереть – значит родиться вновь» [7, с. 156]. Об этом же говорят и приведенные В.И. Далем в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» пословицы и поговорки: «Смерть на живот дана»; «Человек родится на смерть, а умирает на живот, на жизнь»; «Смертный плотью, бессмертный духом»; «Все мы смертоносцы, нося телесную смерть в себе и нанося духовную смерть другим» [5, с. 233].

Представленные значения оказываются интересны на фоне такого понятия, как «истина». Поскольку «первобытные люди верили, что чувственный мир и мир «иной» составляют единое целое, древнейшим значением, из которого развилось значение «истина», М.М. Маковский называет «указательно-идентифицирующее значение «тот самый, именно тот», «другой»». Соответственно, по аналогии с лексемой «человек» значение «истина» связывается с чем-то таким, что выходит за рамки обыденности, в том числе быта, будучи принадлежностью бытия. В отличие от какой-либо собственности, которой человек обладает по праву наследования, т.е., просто так, овладение истиной требует с его стороны определенных усилий аналогично тому, как много сил необходимо приложить для того, чтобы самому что-то оставить в дар другим. Иными словами, обретение истины невозможно без труда, который мы ежедневно совершаем над собой.

Вспомним Пастернака: «С кем протекли его бо-ренья? / С самим собой, с самим собой». Практически в унисон со словами поэта звучит и фрагмент из повести Чингиза Айтматова «Плаха», который был высечен на установленном в Москве в 2018 г. памятнике этому замечательному писателю – сыну киргизского народа: «...смысл существования человека в самосовершенствовании духа своего – выше этого нет цели в мире. В этом красота разумного бытия – изо дня в день все выше восходить по нескончаемым ступеням к сияющему совершенству духа. *Тяжелее всего быть человеком изо дня в день*» [2].

В целом, синонимичная цепочка лексем, связанных со значением «истина» включает в себя следующие определения: *сильный, далекий, огонь как символ очищения, род, поколение, высокий, горячий, вставать, подниматься, живот, гореть* [7, с. 184–186]. «Вместе с тем, – пишет М.М. Маковский, – согласно древним поверьям, горизонтальная линия (положение «лежа») символизировала землю, женское начало, все земное, тленное, зло, а вертикальная линия... символизировала небо, божественное (мужское) начало, а отсюда – гармонию, порядок, истину (положение «стоя»)» [7, с. 185]. В этой связи, «уместно вспомнить и такие русские слова, как *стоять, настоящий, стоящий, стобить*, литовское «хороший», а также индо-европейское

«вздвигаться ввысь, стоять» [7, с. 185]. Знаменательно, что в противоположность истине, отмеченной положением «стоя», русское «лежать» соотносится со значениями «лгать», «ложь» [7, с. 185].

Обращая внимание на переходы глагола «говорить», который может употребляться как под знаком минус (т.е. проклинать), так и со знаком плюс (т.е. исцелять) [7, с. 185], М.М. Маковский свидетельствует о том, что «олицетворявшая единство неба и земли фигура креста одновременно символизировала как божественную мощь и силу, так и коварство дьявола, как храм, так и грех, как спасение, жизнь, так и смерть [7, с. 268]. Вместе с тем, значение фигуры креста может соотноситься с временем и вечностью [7, с. 269], выступая в качестве имманентного закона мироздания, основанного на бинарности Бога и Дьявола, Христа и Антихриста, космоса и хаоса, порядка и беспорядка, света и тьмы, смерти и жизни, и т.д.

Еще одно понятие, которое видится важным в контексте интересующей нас проблемы – это понятие «темнота» как неотъемлемая часть бездны, творческого начала, породившая все живое во вселенной. Синонимичный ряд лексемы «темнота» включает в себя такие значения, как: *пустой, ценность, достоинство, воспевать, поклоняться, сильный, бездна, чары, краска, блаженный, кровь, семя, опьянение, блаженство, экстаз, ослепительный свет, огонь, дождь, гореть* [7, с. 330–331]. Продолжая выстраивать цепочку слов, коррелирующих с лексемой «темнота», вспомним одну из сохранившихся в русском языке поговорок, согласно которой «ученье – свет, а неученье – тьма». С одной стороны, данная поговорка позволяет понять суть оппозиции свет – тьма: неученье является основанием для ученья, т.е. той самой тьмой, из которой рождается свет. С другой стороны, уподобляемая отсутствию учения (света) тьма может также выступать и знаком невежества.

Интересно, что в русском языке человек, вызывающий недоверие, нередко характеризуется, как «темная лошадка». Точно так же, выражение «черная душа», по свидетельству А.Н. Афанасьева, «означает человека бесчестного, криводушного», а выражение «черный день», как правило, связано с днем бедствия или несчастья [1, с. 37]. Нередко, значение «черный» ассоциируется в русском языке с значением «нечистый», поскольку выражение «нечистая сила» может означать силу темную. Согласно мифологии древней Руси, «главным олицетворением нечистой силы была богиня смерти (зимы, ночи) Мо(а)рена или Мо(а)рана (от санскритского Mṛi – умираю)» [1, с. 37]. «Ее имя обнаруживает родственное сходство со словами мрак (морок), мор – повальная болезнь, мора – тьма, марать, мары – носилки для покойников, мара – призрак, нечистый дух, мерек или мерет – черт, мерещиться – темнеть, смеркаться, мерекать – мало знать, т.е. не распознавать за темнотою, помора – отравы, поморщина – большая смертность, смрад, смердеть» [1, с. 37]. Принимая во внимание характеристики значений «черный» и «темный», нетруд-

но догадаться, что предрекает встреча с черным монахом герою чеховской истории, равно как и встреча с черным человеком поэту Сергею Есенину. С этой точки зрения весьма интересна общность корня в словах *поморщина* и *морщина* как знак надвигающегося дряхления. Другими словами, избегание старости за счет пластической хирургии и всевозможных «уколов красоты» в действительности есть следствие панического страха перед смертью. Таким образом, налицо лишь видимость молодости, поскольку на самом деле организм пожилого человека, как правило, соответствует своим возрастным показателям: время не повернуть вспять. Здесь уместно вспомнить о существовании племен, для которых время движется иначе. В частности, сегодня в одном из отдаленных уголков нашей планеты проживает сообщество абригенов, в котором момент рождения младенца связывают с его шестидесятилетием. Соответственно, каждый последующий год уменьшает количество лет. Когда же пребывание человека на земле приближается к нулевой отметке, соплеменники называют его дважды рожденным, начиная вести отсчет лет такого счастливчика опять-таки с шести десятков.

Подобный опыт позволяет предположить следующее: старение связывается с обретением мудрости, т.е. приближением человека к особому состоянию духа, когда плотские желания угасают. Соответственно, если отмеченная временным отрезком в шестьдесят лет жизнь – это период торжества плоти, то второе рождение – время обретение духовной мощи.

Возвращаясь к словарю М.М. Маковского, отметим, что близкое к значению «темнота» понятие «тьень» коррелирует с лексемой «душа», вследствие чего утрата тени означала утрату жизни. В ряде стран, например, в Китае, и сегодня при похоронах принято отходить на некоторое расстояние от могилы, чтобы тень человека, сопровождавшего усопшего в последний путь, не попала в могилу. Более того, существовало поверье, согласно которому тень, отразившись, например, в воде, может уже не вернуться к своему владельцу, что влечет за собой неизбежную гибель. Соответственно, синонимичный ряд лексем «тьень» вбирает в себя такие значения, как: *вред, порча, гибель, отделиться, огонь, уходить, плохое предзнаменование, гореть, влага, вода, смерть* [7, с. 332]. Прозрения наших предков относительно того, что утрата тени равносильна утрате души, которая ведет человека к гибели, получают свое подтверждение в следующем эксперименте: искусственное создание сенсорного голода приводит человеческий организм к неизбежной смерти.

Отталкиваясь от исследований К.Г. Юнга, который связывает понятие «душа» с коллективным бессознательным как коррелятом иррационального сознания, в асимметричном режиме функционирующим с сознанием индивидуальным, т.е., рациональным, нельзя не вспомнить сказку «Тень» Е. Шварца (ее экранизацию осуществила в 1971 г. режиссер Надежда Кошеверова. Тень» (СССР, 1971). Режиссер Н. Кошеверова, компо-

зитор А. Эшпай. В главных ролях: О. Даль, М. Неелова, А. Вертинская, В. Этуш и др.). Суть сказочной истории такова.

Одержав верх над человеком, неотъемлемой частью которого Тень изначально являлась, Она действует так, как ведут себя многие из тех, кто в своих поступках руководствуется исключительно «шкурным» интересом. Используя обман, Тень соблазняет любимую женщину своего хозяина, желая стать зятем короля; захватывает самую высокую должность в королевстве. Чиня козни и преступления Тень, в итоге, добивается для себя всего самого лучшего, но не по заслугам, а по собственной прихоти. Однако именно потому, что Тень лишь часть целого, каковым является собственно человек, Она не в состоянии увидеть себя со стороны, будучи неспособна реально оценить Свои достоинства и понять, насколько Ее претензии отвечают действительному положению дел. Только волшебные слова «Тень, знай свое место», помогают главному герою вскрыть обман, благодаря чему сказочные персонажи начинают понимать, кто есть кто.

Если спроецировать рассказанную Шварцем сказку на область человеческой психики, являющей собой ни что иное, как информационную систему, носителем которой выступает каждый, то можно дать ответ на вопрос, почему Тень так легко ввела в заблуждение принцессу, короля и его придворных. Иррациональный пласт сознания или иначе – невербальные элементы индивидуальной информационной системы – образуется прежде рационального пласта, т.е., вербальных элементов системы. Причем, организация такой системы – это автоматически запущенный природой целесообразный механизм по переработке и хранению информации о внешнем мире, значимость которой обусловлена необходимостью максимальной адаптации живого организма к окружающей его среде. Все, что этому не способствует – остается лишь потенциально возможным для актуализации. При этом само его устройство ««работает» таким образом, чтобы заставить нас принимать как истину то, что является только преимуществом» [6, с. 169].

Поскольку иррациональный пласт сознания более древний по сравнению с рациональным, вербальные элементы системы служат для того, чтобы кодировать невербальные элементы и манипулировать ими через манипуляцию вербальными знаками. Подобный опыт позволяет признать правоту Н. Хомского, который настаивал на том, что человек обладает врожденной языковой компетентностью. Другими словами, умение говорить не является исключительно нашей заслугой, поскольку и в этом случае природа позаботилась о нас без нашего ведома.

В ситуации, когда человек пассивно реализует заложенную природой программу – выжить наилучшим способом, используя для этого все средства – он утрачивает неповторимость и уникальность своей личности, поскольку теряет себя среди сотен тысяч таких же, как он, жаждущих власти, денег, комфорта, удовольствий и т.д., и т.п. При этом достижение желаемого не всегда

напрямую связано с личностными качествами такого «умника». Зачастую, в этом случае помогает та же природа, т.е., тот многоликий зверь, который в какой-то момент действует как изворотливая обезьяна, в какой-то – как подлый шакал, а когда-то – как хитрая лисица и т.д. Именно о таких представителях большинства говорят: «темная душа».

Успех Тени оказался возможным именно потому, что каждый жаждал того же, что и Она, скрывая свои намерения и подчиняясь силе противника, поскольку открытый поединок с Тенью мог привести живущих при дворе короля к гибели. Вступить в противоборство с Тенью смог лишь некогда утративший Ее человек, потому что, грозящая ему смертью Тень, не способна была осознать непреложность следующей истины: уничтожение ее подлинного владельца приведет саму Тень к уничтожению, что обусловлено имманентной связью части и целого. Тогда становится очевидным, что выражение «светлая душа» будет определять человека, который сумел отказаться от пассивного следования природной программе, сделал выбор в пользу ее обновления, которое невозможно вне человеческой активности. Принимая во внимание то обстоятельство, что в числе лексем, синонимичных значению «жизнь», есть лексема «связь», выскажем предположение, согласно которому, суть обновления будет заключаться в отказе от механической связи индивидуального сознания, опирающегося на вербальные элементы системы, и коллективного бессознательного, функционирующего на уровне невербальных элементов в пользу подлинной, осуществляемой самим человеком связи. Как это возможно? Если в отношении природы невербальные элементы кодируются вербальными элементами, создавая одностороннюю, обусловленную движением от иррационального к рациональному связь, то человек призван продолжить начатое природой дело, создавая условия для возникновения связи двусторонней, т.е., такой, которая преодолевает природную односторонность. Необходимость отмеченного преодоления опознается в следующем: оборотной стороной природной односторонности оказывается разрыв связи, иницируемой противоположным первоначальному движению. Имеется в виду движение от рационального к иррациональному, посредством которого каждый значимый для нашего высказывания вербальный знак, функционирующий на уровне индивидуальной информационной системы, сначала должен подвергнуться декодированию и только потом – повторному кодированию с тем, чтобы, с одной стороны, обеспечить субъективизацию объективно накопленной природным механизмом информации, а с другой, – объективировать свои индивидуальные чувства, отстраняясь тем самым от себя самого. Вне этого движения мы обречены всегда давать положительный ответ на вопрос, заданный И.Д. Левиным: «Не получается ли так, что свой насморк я переживаю мучительнее, чем гибель людей во второй мировой войне?» [6, с. 336].

В результате, аналогично тому, как изначально безличностная информация обретает статус

личностной, сугубо индивидуальные переживания осознаются как свойственные не только одному человеку, но и всем остальным людям. В целом, принятие этого знания способствует закреплению установки на совместное бытие (событие) или, что то же – обретение связи, опознаваемой на уровне единства вербального и невербального, рационального и иррационального, сознательного и бессознательного. В последнем случае, двигаясь навстречу коллективному бессознательному, которое представляет собой невербальный опыт, индивидуальное сознание как коррелят вербальных элементов индивидуальной информационной системы снимает в коллективном негативность бессознательного, одновременно отказываясь от своего «воинствующего» индивидуализма. В итоге, человеческое Я обретает коллективный характер, что исключает какие бы то ни было границы между моим Я и тем, что им не является, т.е. между мной и другими.

Важно подчеркнуть, что собственно другие – это не только люди, но и все, что меня окружает. Более того, сам мир воспринимается в данном контексте как мир, созданный моими руками, что ставит меня перед необходимостью отвечать за все, что происходит в этом мире. Как пишет И.Д. Левин, «любой клоп понимает, что ему следует заниматься лишь тем, что ему нужно для жизни, а человек увлекается (а иногда и жертвует для этого жизнью) тем, что ему вовсе не нужно – поэзией», музыкой, театром, вследствие чего нельзя не признать верность следующего факта. «Приспособляемость к условиям, или «приспособленчество» – не может служить основой оценки личности, как оно служит основой оценки организма» [6, с. 119].

Подытоживая все вышеизложенное, заметим, что анализ понятия «смерть» не только подтвердил положение, согласно которому бинарность выступает в качестве универсального принципа мироздания, но и позволил приблизиться к ответу на вопросы «Как, откуда и зачем пришел человек? В чем цель, значение и смысл жизни? Что такое смерть и каков ее смысл и значение?» [цит. по: 9, с. 145]. В частности, предлагая формулировку ответа на вопрос как, мы можем констатировать следующее: человек приходит в этот мир подобно любому другому природному существу. Откуда? Из нерасчлененной целостности, из бинарности света и тьмы, начала и конца, вдоха и выдоха. Зачем? Думается, только за тем, чтобы собственной жизнью утвердить незыблемость основ мироздания. Преодолевая кажущуюся раздельность этого мира, связывая в единое целое то, что предстает в своей раздельности – флору (мир растений), фауну (мир животных) и социум (мир людей) – мы с неизбежностью приближаемся к осознанию цели жизни: подняться над собой, преодолевая свою природную ограниченность и, как следствие, конечность, почувствовав себя, с одной стороны, лишь малой частью чего-то значительного, настоящему большому, а с другой, – вобрать в себя все величие этого мира, осознав меру своей ответственности перед ним.

Тогда, значимость жизни всякого человека будет напрямую связана с нашей способностью позаботиться обо всем, что нас окружает, независимо от того, растения это, люди или животные, таким образом, словно однажды мы сами создали весь этот мир с любовью и потому болеем душой за все, что бы с ним ни случилось, пусть и не по нашей воле. В итоге, смысл жизни каждого из нас тем более очевиден, чем более мы оказываемся способными осознать необходимость успеть в отпущенный нам срок состояться в качестве человека, т.е., не столько природного существа, сколько существа надприродного и, воплотив свою индивидуальность, стать личностью, готовой идти навстречу любым испытаниям без страха и упрека, сохраняя при этом себя, не отдавая на поругание свое человеческое достоинство, свою свободу.

Мы подошли к главному для многих из нас вопросу: что такое смерть и каков ее смысл и значение? Отвечая на него мы, одновременно

Литература:

1. *Афанасьев А.Н.* Мифология древней Руси / А.Н. Афанасьев. М. : Эксмо, 2007. 608 с.
2. *Бондарева Ю.* Лучшие цитаты из произведений Чингиза Айтматова / Ю. Бондарева. URL : msamara.kp.ru (дата обращения 08.03.2019).
3. *Волкова П.С.* Смерть как социокультурный феномен : монография / П.С. Волкова. Майкоп : ИП Магарин О.Г., 2019. 128 с.
4. *Гусева Е.С.* Бинарность как феномен смыслообразования в музыке: на примере сочинений Г. Уствольской и Ю. Шибанова : дис. ... канд. искусств.: 17.00.02 – музыкальное искусство / Е.С. Гусева. Новосибирск, 2016.
5. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4: Р – В. М. : Рус. Медиа, 2007. 683 с.
6. *Левин И.Д.* Сочинения. Т. I. М. : Радикс, 1994. 558 с.
7. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: образ мира и миры образов / М.М. Маковский. М. : Гуманит. изд. центр Владос, 1996. 416 с.
8. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию. М. : Прогресс, 1990. 351 с.
9. *Налимов В.В.* Канатоходец. М. : Прогресс, 1994. 456 с.
10. *Розин В.М.* Концепция здоровья. URL : docplayer.ru>...Vadim-rozin-koncepciya-zdorovyua.html (дата обращения 13.04.2019).
11. *Юнг К.Г.* Феномен духа в искусстве и науке // К.Г. Юнг. Собр. соч. : в 19-ти т. М. : Ренессанс, 1992. Т. 15. 320 с.

надеемся не только высказать свое отношение к факту бессмертия, но и, следуя совету А.А. Солюновича, «найти путь к нему» [цит. по: 9, с. 7]. Итак, смерть – это точка отсчета новой жизни человека, свободной от природных оков и накладываемых ею пределов. Ее смысл определяется, на наш взгляд, непрерывным напоминанием каждому из нас о том, как мало нам отпущено для того, чтобы найти себя в череде обусловленных природой трансформаций, а найдя, попытаться никогда не потерять. При этом значимость смерти опознается в том, что Она, безусловно, стоит жизни, задавая последней особую ценность. В конечном счете, путь к бессмертию – есть ни что иное, как постоянное духовное бодрствование, выступающее залогом нашего личностного роста – сугубо индивидуального опыта восхождения от конечного к бесконечному, от временного во вне и сверхвременное, от единичного ко всеобщему и всемирному. Как сказал Томас Манн, «смотря на смерть, я встречаю жизнь!»! Имеющий уши да услышит!

Literature:

1. *Afanasyev A.N.* Mythology of ancient Russia. M. : Eksmo, 2007. 608 p.
2. *Bondareva Yu.* The best quotes from the works of Chingiz Aitmatov. URL : msamara.kp.ru (date of application 08.03.2019).
3. *Volkova P.S.* Death as a sociocultural phenomenon : monograph / P.S. Volkova. Maikop : IP Magarin O. G., 2019. 128 p.
4. *Guseva E.S.* Binarity as a phenomenon of meaning formation in music: on the example of the works of G. Ustvol'skaya and Yu. Shibanov : dis. ... cand. art.: 17.00.02-musical art. Novosibirsk, 2016.
5. *Dal V.I.* Explanatory dictionary of the living Great Russian language : in 4 vols. Vol. 4: P-V. M. : Rus. Media, 2007. 683 p.
6. *Levin I.D.* Essays. T. I. M. : Radiks, 1994. 558 p.
7. *Makovsky M.M.* Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages: the image of the world and the worlds of images. M. : Humanit. ed. center VLADOS, 1996. 416 p.
8. *Mamardashvili M.K.* How I understand philosophy. M. : Progress, 1990. 351 p.
9. *Nalimov V.V.* Kanatokhodets. M. : Progress, 1994. 456 p.
10. *Rozin V.M.* The concept of health. URL : docplayer.ru>...Vadim-rozin-koncepciya-zdorovyua.html (date of application 13.04.2019).
11. *Jung K.G.* The phenomenon of the spirit in art and science. Collected works : in 19 vols. Vol. 15. M. : Renaissance, 1992. 320 p.

Шестаков Юрий Александрович
кандидат исторических наук,
доцент,
доцент кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Донской государственной
технической университет
shesyur@mail.ru

КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. В статье анализируется роль культуры в обеспечении национальной безопасности. Сделан вывод о том, что фактор безопасности в генезисе культуры, человека и общества является ключевым. Культура и общество появляются как детерминанты оптимального формирования безопасности человека в условиях эволюционирующей природной и социальной действительности. Поэтому понимание культуры как фактора формирования национальной безопасности в условиях глобализирующегося мира объясняет фундаментальные внутренние механизмы процесса как социокультурной динамики, так и формирования личности, как в исторической ретроспективе, так и в условиях современности.

Ключевые слова: культура, национальная безопасность, историческое сознание, глобализация.

В настоящее время в России как никогда заявляет о себе потребностью в обеспечении безопасности, затрагивающей сферу государственно-национальную, угрожая стабильности российского общества и, в целом, российской государственности и формируя, таким образом, необходимость в институционализации национальной безопасности. Подобного рода необходимость всегда актуализируется в том случае, если национально-государственное сообщество потенциально или реально находится в ситуации опасности.

Современная ситуация в мире, таким образом, делает актуальным обращение философской мысли к проблеме национальной безопасности в контексте культуры. Нам представляется, что культурный фактор, в силу его нравственной ориентации, столь необходимой в условиях нарастания глобальных проблем современности, а также, информационной экспансии и всеобщей унификации, неизбежных в условиях глобализации, своей «долговременности и значимости» [2, с. 35], имеет здесь приоритет, сравнительно с факторами экономическим и политическим. Прежде всего, потому, что большинство современных исследователей культуры признают, что политика и экономика являются «только поверхностью культуры», определяющую лишь форму,

Yuri A. Shestakov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
Social and Humanitarian Disciplines,
Don State
Technical University
shesyur@mail.ru

CULTURE AS A FACTOR OF NATIONAL SECURITY

Annotation. The article analyzes the role of culture in ensuring national security. It is concluded that the security factor in the genesis of culture, man and society is the key. Culture and society emerge as determinants of optimal human security formation in the face of evolving natural and social realities. Therefore, the understanding of culture as a factor in the formation of national security in a globalizing world explains the fundamental internal mechanisms of the process of both sociocultural dynamics and personality formation, both in historical retrospect and in modern times.

Keywords: culture, national security, historical consciousness, globalization.

но не содержание общественной жизни культурно-самостоятельного сообщества, что именно «развитие культуры служит основанием общественного прогресса, а не наоборот» [7, с. 26]. Причина этого в том, что именно культура придает смысл общественной жизни, в том числе, ее экономическому и политическому бытию. Поэтому смыслом общественной жизни является, в сущности, сохранение и развитие культуры. Претензия Запада на ценностный универсализм зиждется на безусловном доминировании экономического фактора в качестве регулятора общественной жизни. Однако этот количественный фактор не способен обеспечить национально-государственную безопасность. Что же касается фактора духовного, ценностного, то здесь, по мнению аналитиков глобализации, мы можем говорить лишь об «элементарных зачатках глобальной этики» в контексте «различной трактовки общечеловеческих ценностей» [11, с. 38]. Важно подчеркнуть, что сами эти общечеловеческие ценности, отнюдь, не являются автоматическим результатом реализации каких-либо экономических и политических парадигм и структур. Как отмечает датский философ Хелль Кок, свобода, право, человечность, лежащие в основе демократического «цивилизационного тренда», необходимо «формировать, образовывать и

воспитывать» в человеке на основе культуры, поскольку они «не вырастают сами по себе из политической или экономической системы» [5, с. 88]. В условиях нового этапа развития глобализма навязывание «золотым миллиардом» всему остальному человечеству доминирования экономического фактора как универсального преследует цель обеспечить неограниченный доступ этого миллиарда к материальным ресурсам планеты, ведет к «экономическому неравенству» [6, с. 81], что, понятно, никак не отвечает интересам национальной безопасности. Подобный экономический детерминизм, фактически элиминирует духовную составляющую социума как таковую, все его «благие смыслы», включая такие важнейшие составляющие любой национальной аксиологической системы, как патриотизм и основанную на нем ответственность перед обществом и будущими поколениями, ассоциирующими себя с ним. Кроме того, ныне очевидно, что сама генетически «техногенная» (пользуясь терминологией В.С. Степина), западная цивилизация является крайне рискогенной. Для того, чтобы минимизировать опасность многочисленных рисков, по мнению видных аналитиков современных культурных процессов и внутренних этических регуляторов экономикотехнических аспектов жизни общества, явно недостаточно, а потому «они должны быть соотнесены с более широким пониманием гуманистических идеалов», в силу чего, «необходима социально-этическая экспертиза научно-технологических программ и проектов» [10, с. 16]. Все это доказывает доминирующую роль культурных факторов в обеспечении безопасности, по отношению к факторам технико-технологическим и экономическим. Разрешение фундаментальных угроз безопасности западной цивилизации усматривают в переходе к постнеклассической парадигме анализа социальных проблем, которая заключается в подходе к соотнесению знаний о крупных социальных общностях (в том числе, национально-государственных и цивилизационных) с «ценностно-целевыми структурами сознания», предполагающими приоритет «человекоразмерного» [10, с. 29], а стало быть, культурного. Современными исследователями отмечается, что «на первый план в осмыслении путей и способов преодоления кризисного состояния выдвигаются не экономика, политика, социальные структуры и т.п., а культура, формирование человека как духовного существа, способного к самоусовершенствованию, обновлению себя и мира» [1, с. 56]. В отечественной культурфилософской традиции утверждается взгляд на цивилизацию как на мир человеческий, то есть, «светящийся собственным смыслом» мир, главное в котором – «смысловое ядро», «...программирующее развитие ее материального субстрата» [10, с. 32], то есть, мира, прежде всего, культурного, ценностно-смыслового, а не утилитарно-экономического.

Ответом на нравственный вызов, брошенный человечеству Западом, является возможность подключения качественно, а не количественно значимого ресурса, в силу чего культурный фактор становится определяющим в деле обеспечения безопасного развития национально-

государственного сообщества. Это положение безоговорочно признается и на официальном уровне. Так, весь параграф 7 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации посвящен культуре и, прежде всего, защите от угроз системы культурно-нравственных ценностей, составляющих культурное ядро нашего Отечества. И поскольку, культура ныне понимается в качестве «фундамента национальной безопасности» [4, с. 18] ее рефлексия, в рамках философии культуры, представляется крайне важной.

Исследователями практически единогласно отмечается тот факт, что основным созидательным ресурсом в формировании национальной безопасности, оптимального функционирования гражданского общества и государства является «...культура, культурное, культурная созидательная деятельность» [9, с. 56]. При этом важнейшими ценностными предпосылками формирования структур безопасности выступают такие факторы, как историческое сознание, традиции и обычаи, язык, интеллектуальный потенциал страны, образование, наука, философия, религия, мораль, менталитет, политика, право, искусство и литература и т.п. Все это указывает на необходимость обращения к самому феномену культуры и к его сущностным характеристикам, без которых, очевидно, невозможна экспликация понятия «культура национальной безопасности». Последнее же требует, прежде всего, определения самого понятия «культура» применительно к данному контексту.

Несмотря на то, что современные исследователи насчитывают более пятиста определений культуры, наиболее общим, суммативным определением можно считать то, в котором под культурой понимается совокупность рукотворной деятельности человека. В этом прочтении к культуре относится все, что нельзя причислить к природе. Культура выступает не только мерой человеческого в человеке, но и фактором очеловечивания человека, поскольку процесс появления человека филогенетически совпадает в истории с появлением культуры. Человек порождает культуру, в то время, как культура формирует человека и общество. Иными словами, следует говорить не только о едином процессе антропосоциокультурогенеза, но и о перманентной социокультурной обусловленности любых современных антропологических проявлений. В этом и, прежде всего, в этом проявляется ключевой методологический подход философской антропологии и философии культуры к любому культурному процессу и к любой категории культуры, в том числе, и культуры национальной безопасности.

Речь идет о том, что процесс появления и развития любого феномена культуры, так или иначе, генетически связан с человеком и человеческой сущностью. Любой культурный феномен, появляясь и существуя, самим фактом своего существования доказывает антропологическую востребованность: раз он существует, значит, в нем есть потребность у человека. Это, в свою очередь, ставит вопрос об исходных основаниях

появления потребности в культуре или, иными словами, генетической природы культуры.

Поскольку, исходным материалом культуры выступает материал природы как совокупности иерархически организованного неорганического и органического мира, то поиск данной причинности наталкивает на мысль о том, что механизмы эволюции, на одном из этапов которой появляется человек и культура, являются общими как для мира природы, так и для мира культуры. При таком подходе, культура выступает фактором, обеспечивающим человеку более благоприятные условия для выживания и повышения качества и уровня жизни, чем могла бы дать природа. Иными словами, культура как таковая изначально выступает фактором обеспечения безопасности жизнедеятельности человека не только по отношению к вызовам, рискам и угрозам природного, но и социального характера. Последнее доказывает тем, что механизмами, способствовавшими появлению культуры, были не только ответы на вызовы, поступающие со стороны усложняющихся и ухудшающихся природных условий, но и культурные запреты и ограничения, актуализировавшиеся в условиях появления первых родовых коллективов, сопровождавшихся дифференциацией и усложнением отношений между предками современного человека, способствовавшими окончательному появлению *homo sapiens*. Мир культуры пытается (и небезуспешно!) противостоять таким угрожающим самим основам существования человека проявлениям его же природного начала как, например, эгоизм, жестокость по отношению к «другому» и, даже, в определенном смысле, самой смерти.

Мы видим, таким образом, что фактор безопасности в генезисе культуры, человека и общества является ключевым. Культура и общество являются как факторы оптимального формирования безопасности человека в условиях глобально эволюционирующего и усложняющегося социального и природного мира. Именно это понимание культуры как фактора формирования безопасности в условиях усложняющегося мира и объясняет фундаментальные внутренние механизмы процесса социокультурной динамики в исторической ретроспективе и в условиях современности. Иными словами, в основе механизмов исторической трансформации культуры лежит поиск и создание наиболее оптимальных условий для обеспечения безопасности человека.

Подтверждением этого тезиса является «закон техно-гуманитарного баланса», постулированный А.П. Назаретяном. Согласно ему, для обеспечения безопасного развития общества необходимо сохранение баланса между уровнем технологической мощи общества и культурными механизмами, обеспечивающими сдерживание природной агрессии человека [8, с. 10]. Этот закон производит, своего рода, «естественный отбор» социальных групп, сохраняя в истории те, которые путем культурных новаций смогли адаптировать социум к уровню развития материального производства и, безжалостно уничтожая все

другие, обеспечивая тем самым исторический прогресс. Первый технологический скачок человечества был связан с появлением более совершенных каменных орудий труда на заре нижнего палеолита, обусловивший опасность внутривидовой агрессии, грозившей уничтожить едва возникший человеческий род. Культура противопоставила этой угрозе табуирование внутривидовой агрессии. Возросшая технико-технологическая мощь человечества в период неолита привела к уменьшению поголовья охотничьей добычи. Культура противопоставила этому возможность перехода от присваивающего к производящему хозяйству. В период «осевого времени» переход от бронзовых к железным орудиям труда вызвал очередной антропогенный кризис, в ходе которого выявилась угроза истребления человечества в бесконечных войнах с использованием новых и крайне опасных видов оружия. Культура ответила появлением рационально-критического и таких фундаментальных этических категорий, как совесть, справедливость, милосердие, оформленные в виде религиозных учений и философских концепций. Начало Нового времени поставило человечество перед угрозой нарушения природного баланса между хищническим сельскохозяйственным производством и потребностями общества в ресурсах для стабильного и безопасного существования. Культура ответила появлением науки, продуцировавшей промышленную революцию и внедрение в массовое сознание идей равенства всех людей и неприкосновенности их естественных прав.

Современный период человеческой истории характеризуется появлением глобальных проблем человечества. Культура отвечает на них попыткой устранить эту первую угрозу человеку, как таковому, не только появлением наукоемких, энерго- и ресурсосберегающих технологий, но и предъявлением этических требований и внедрением этических стандартов для всех форм отношения человека с миром природы и всех форм социальных взаимоотношений (социальная экспертиза научных достижений, биоэтика, экологический императив и т.п.), а также, стимулируя появление глобального мировоззрения, призванного ориентировать человека на то, чтобы он в своей деятельности учитывал интересы всего человечества, в целом. Именно поэтому культура как фактор формирования безопасности человека и отражает, с точки зрения П.С. Гуревича, «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в типах организации жизни и деятельности людей...» [3, с. 25]. То есть, несомненным является историческая определенность культуры, ее обусловленность прошлым. Французский культуролог и философ А. Бенуа, вторя ему, считает, что чем более культурно общество, тем более культура в нем играет роль воспитания и образования, что способствует идентификации человека как члена определенного культурного сообщества [3, с. 32]. Современные исследователи феномена культуры говорят о том, что она необходима, прежде всего, для «духовной оседлости» [7, с. 27] личности. Уровень культуры человека выступает в условиях передовых стран важнейшим фактором

завоевания определенного социального статуса как фактора создания наиболее благоприятных, а значит, и наименее опасных условий жизнеосуществления. Именно в этом и следует усматривать роль культуры в качестве генома безопасности определенного общества, воспроизводящего его сущностные характеристики. Человек культурный, в силу того, что его жизнь приобретает общественно одобряемые смысл и цель, становится «защитником, хранителем и созидателем» [7, с. 26] общественной жизни, человек, не приобщившийся к культуре – напротив, ее разрушителем.

В этой связи, очевидно, что и культура национальной безопасности как часть общенациональной культуры должна эксплицироваться с применением вышеуказанных методологических подходов, поскольку фундаментальные ценностно-смысловые и целевые установки культуры национальной безопасности и культуры без-

Литература:

1. *Габитов Т.Х.* Национальная идея в контексте диалога культур / Т.Х. Габитов // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 49–57.
2. *Голобородько В.Ю.* Защитно-охранительный потенциал культуры в укреплении национальной безопасности современной России / В.Ю. Голобородько, В.А. Мищенко // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 9. С. 34–43.
3. *Гуревич П.С.* Философия культуры: учебник для высшей школы М. : Издательский дом NOTA BENE, 2001. 352 с.
4. *Задохин А.Г.* Национальная безопасность: культура и историческое сознание / А.Г. Задохин // Геополитический журнал. 2015. № 3(10). С. 18–25.
5. *Кок Х.* Что такое демократия? Датский институт культуры, 1993. 96 с.
6. *Коллин К.К.* Неоглобализм и культура: новые угрозы для национальной безопасности / К.К. Коллин // Знание. Понимание. Умение. 2005. № 2. С. 80–87.
7. *Меликов И.М.* Диалог культур и культура диалога: концептуальные основы / И.М. Меликов, А.А. Гезалов // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 24–37.
8. *Назаретян А.П.* Антропогенные кризисы и революция ненасилия / А.П. Назаретян // Философские науки. 2004. № 7. С. 5–33.
9. *Николаев П.А.* Культура как фактор национальной безопасности. М. : изд. «Русский импульс», 2007. 320 с.
10. Обсуждение книги академика В.С. Степина «Цивилизация и культура». Материалы круглого стола // Вопросы философии. 2013. № 12. С. 3–47.

опасности человека находятся в таком же соотношении, как часть и целое.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что культура изначально выступает фактором обеспечения безопасности жизнедеятельности человека не только по отношению к вызовам, рискам и факторам природного, но и социального характера. Фактор безопасности в генезисе культуры, человека и общества является ключевым. Культура и общество появляются как детерминанты оптимального формирования безопасности человека в условиях эволюционирующей природной и социальной действительности. Поэтому понимание культуры как фактора формирования национальной безопасности в условиях глобализирующегося мира объясняет фундаментальные внутренние механизмы процесса как социокультурной динамики, так и формирования личности, как в исторической ретроспективе, так и в условиях современности.

Literature:

1. *Gabitov T.H.* National idea in the context of dialogue of cultures / T.H. Gabitov // Questions of philosophy. 2013. № 9. P. 49–57.
2. *Goloborodko V.Yu.* The protection potential of culture in strengthening the national security of modern Russia / V.Yu. Goloborodko, V.A. Mishchenko // Socio-humanitarian knowledge. 2015. № 9. P. 34–43.
3. *Gurevich P.S.* Philosophy of culture: textbook for higher education. M. : Publishing House NOTA BENE, 2001. 352 p.
4. *Zadokhin A.G.* National security: culture and historical consciousness / A.G. Zadokhin // Geopolitical Journal. 2015. № 3(10). P. 18–25.
5. *Kok H.* What is democracy? Danish Institute of Culture, 1993. 96 p.
6. *Colin K.K.* Neoglobalism and culture: new threats to national security / K.K. Colin // Knowledge. Understanding. Skill. 2005. № 2. P. 80–87.
7. *Melikov I.M.* Dialogue of cultures and culture of dialogue: conceptual foundations / I.M. Melikov, A.A. Gezalov // Questions of philosophy. 2014. № 12. P. 24–37.
8. *Nazaretyan A.P.* Anthropogenic crises and the revolution of nonviolence / A.P. Nazaretyan // Philosophical Sciences. 2004. № 7. P. 5–33.
9. *Nikolaev P.A.* Culture as a factor of national security. M.: ed. «Russian impulse», 2007. 320 p.
10. Discussion of the book by academician V.S. Stepin «Civilization and Culture». Materials of the round table // Questions of philosophy. 2013. № 12. P. 3–47.

11. Чумаков. А.Н. Культурно-цивилизационный диалог как способ решения проблем в современном мире / А.Н. Чумаков // Вопросы философии. 2013. № 1. С. 35–42.

11. *Chumakov A.N.* Cultural and civilizational dialogue as a way to solve problems in the modern world / A.N. Chumakov // *Voprosy filosofii*. 2013. № 1. P. 35–42.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гаврилов Павел Сергеевич
аспирант,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
pgavrilov@sfnedu.ru

ЦЕННОСТНЫЕ ТРЕНДЫ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В данной статье реализуется попытка сформулировать проблему, которая достойна отдельного социологического исследования, связанного с адаптацией иностранных студентов в российской образовательной и социокультурной среде. Эта адаптация и интеграция в российскую реальность происходит через освоение ценностей принимающего сообщества и переосмысления собственных ценностных ориентаций, что, впоследствии, формирует ценностные тренды, представляющие интерес для социологов. Этот интерес связан с тем, что их социологический анализ позволит определить адаптационные проблемы студентов-иностранцев в России, а также выстроить алгоритм развития высшей школы РФ по пути более пластичной интеграции этого контингента студенчества в российской образовательной среде.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, ценностные тренды, студенчество, иностранный студент, адаптация, интеграция, высшее образование.

Для социологии чрезвычайно важно и актуально направление исследования, связанное с изучением ценностей и ценностных ориентаций молодежи, поскольку это позволяет не только сделать срез с социальной реальности, определить ее конкретное состояние, но и дальнейшие пути и перспективы развития. Здесь стоит согласиться с мнением Д. Нейсбита о том, что самым надежным способом понять будущее общества является точный анализ его настоящего, особенно в информационную эпоху, когда само общество ориентировано на будущее, и время течет, стремительно устремляясь в будущее [1].

Ценностные ориентации, системы ценностей, формирующиеся на их основе, отражают состояние и характеристики как общества в целом, так и его отдельных социальных групп, индивидов, и особенно важен их социологический анализ в период социальных трансформаций и кризисов, когда происходит не только изменение условий жизни, социальных структур и институтов общества, но и переоценка самой системы ценностей, которая начинает выстраиваться в формате новой нормативно-ценностной модели [2, с. 74].

Pavel S. Gavrilov
Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
pgavrilov@sfnedu.ru

VALUE TRENDS OF FOREIGN STUDENTS OF RUSSIAN UNIVERSITIES: PROBLEM STATEMENT

Annotation. This article attempts to formulate a problem that is worthy of a separate sociological study related to the adaptation of foreign students in the Russian educational and socio-cultural environment. This adaptation and integration into the Russian reality takes place through mastering the values of the host community and rethinking their own value orientations, which subsequently forms value trends of interest to sociologists. This interest stems from the fact that their sociological analysis will determine the adaptation problems of foreign students in Russia, and build the algorithm development of the higher school of the Russian Federation towards a more flexible integration of this contingent of students in the Russian education environment.

Keywords: values, value orientations, value trends, students, foreign students, adaptation, integration, higher education.

Принципиально при этом отслеживать, каким образом, в какой конфигурации выстраивается мир ценностей молодежи, ее система жизненных координат, которая помогает молодым людям определить свое место в своем микромире и социальном окружении, наметить жизненные ориентиры и планы, обрести ориентиры в жизненном проектировании. Последние формируются под влиянием множества факторов микро- и макросоциальной среды, в условиях социальной неопределенности и даже, как отмечают исследователи, парадоксальности [3], что актуализирует значимость изучения ценностных приоритетов молодежи, структурирующих ее жизненный мир.

Безусловно, устойчивость жизненных стратегий молодежи и их успешная реализация зависят от наличия в обществе устойчивых, понятных и одобряемых большинством социума ценностей, так как именно ценности выступают фундаментом общественной организации, ее нормативно-императивного ландшафта и базисом социализации молодежи. Имея такой ландшафт, эти социализационные основания, молодежь знает о

том, какие надежды на нее возлагает общество и как реализовать их [4, с. 208].

Ценности отражают культурные особенности общества, являются ключом к их пониманию, обеспечивают стабильное функционирование социальной системы за счет заложенных в системе ценностей механизмов социального контроля [2, с. 81]. Но сегодня, как справедливо отмечают специалисты, особое значение приобретают ценностные тренды, задающие вектор социокультурной динамики и определяющие доминантные модели социального поведения через их массовое распространение в повседневных практиках в различных сферах общественной жизни [5, с. 27].

Само понятие «тренд» еще не приобрело своего единого понимания, хотя оно уже довольно активно используется в различных отраслях социально-гуманитарного знания. Понятие «ценностный тренд» и вовсе является слабо операционализированным, при том, что оно попадало в поле зрения ученых. Так, в частности, под ценностным трендом О.Н. Жупник с позиций социально-философской рефлексии понимает «доминирующую направленность общества или отдельных его групп, а также происходящих в нем процессов, преимущественно на новые ценности, обусловленные воздействием внешних и внутренних факторов» [6, с. 7]. Ценностные тренды, как уже отмечалось, отличаются высокой распространенностью в повседневных социальных практиках, что и определяет их значительное воздействие на динамику общественной жизни.

В социологии принято говорить больше о социальном тренде. Отталкиваясь от этимологии слова «тренд» (от англ. *trend* – тенденция, уклон), под социальным трендом социологи предлагают понимать «доминирующее направление в социальном развитии или общественном мнении», а применяется данное понятие для выявления тенденций в области изменения того или иного социального явления, института, процесса [7]. Такой подход позволяет прогнозировать будущее и знать, какие тенденции намечаются в развитии различных сфер общественной жизни – искусстве, медицине, науке, бизнесе и т.д. [8]. С учетом данных позиций, ценностный тренд, с точки зрения социологии, можно рассматривать как доминирующее направление в развитии системы ценностей и составляющих ее ценностных ориентаций общества. Их конкретное выражение находится в общественном мнении и социальных практиках отдельных социальных групп. В данной статье наше внимание привлечено к такой социальной группе, как студенчество, представляющее особую часть общества и молодежи, отличающееся «свойственными ей условиями жизни, труда и быта, социальным поведением, психологией и системой ценностных ориентаций, где немаловажное значение имеет этнокультурная социализация» [9, с. 178]. Это определение приведено нами для того, чтобы показать, насколько значим этнокультурный аспект для студенчества, которое, как правило, отличает поликультурность. Студенческая среда в большинстве случаев – поли-

этническая среда, в которой пересекаются представители разных культур со своими, специфическими, ценностями и традициями. И в этой кросскультурной атмосфере происходит социализация студентов – представителей самых разных культурных сообществ и этнических групп.

Особенно актуально это для студенческой среды, в которой имеются представители зарубежных стран, а в условиях глобализации, и ориентации на интернационализацию образовательных систем таких студенческих сообществ смешанного по типу гражданства типа становится все больше и больше. И в этих условиях значительно возрастает внимание к высшей школе как пространству, ориентированному не только на трансляцию знаний, умений, навыков, на формирование определенных ценностных ориентаций и отношения к миру, к самому себе [10, с. 76], но и на межкультурную адаптацию студентов, представляющих различные этнокультурные миры и сообщества.

Хорошо известно, что современная система высшего образования РФ ориентирована на привлечение иностранных студентов для того, чтобы реализовать достаточно сложную, но приоритетную для страны задачу – закрепить в российских вузах в международном образовательном пространстве [11]. На этом пути уже достигнуты определенные результаты, хотя до сих пор, если сравнивать с другими странами, в этом отношении Россия проигрывает другим странам и квот на места для иностранных студентов в России по-прежнему выделяется немного. Вместе с тем, наметился рост заявок со стороны иностранной молодежи на обучение в российских вузах, а в текущем году Россотрудничество запускает проект под названием «Образование иностранцев в РФ», в котором подача заявок студентов из других стран в российские вузы значительно упрощена [12].

Но что дает этот рост для России и ее системы образования? Видимо, имеет смысл посмотреть на тот контингент зарубежных студентов, который поступает в российские вузы. И пока сохраняется тенденция, уже длительное время характеризующая портрет иностранного студента российской высшей школы – это, прежде всего, граждане стран СНГ (Узбекистана, Армении, Казахстана, Беларуси), хотя наблюдается рост интереса к российскому образованию у европейской молодежи, а также молодежи из Латинской Америки.

Если говорить о специальностях, которые привлекают зарубежную молодежь, то на первом месте традиционно сохраняет свои позиции медицина. В основном, врачами с российским образованием стремятся стать студенты из Азии. Направление, связанное с подготовкой в сфере добывающей промышленности, привлекает молодежь, преимущественно, из африканских стран, стран Латинской Америки и Азии). Интересует также иностранных студентов спектр профессий, связанных с зоотехникой, агрономией, сельскохозяйственной инженерией. Последнее время фиксируется рост набора иностран-

ных студентов по этому направлению в российских вузах [12].

Однако далеко не все вузы России привлекательны для иностранных студентов. Более всего их привлекают вузы Москвы и Санкт-Петербурга, так как с ними у зарубежной молодежи ассоциируется качественное образование, возможность получения необходимых профессиональных знаний и компетенций. Такая ситуация не совсем адекватна российским реалиям, в которых выделяется целый ряд региональных вузов с сильной профессиональной подготовкой и условиями, более благоприятными для обучения иностранных студентов, но информация по ним, видимо, достаточно слабо представлена, что и определяет круг приоритетных вузов для иностранных студентов, ограниченный столичными вузами России.

Постановка вопроса о ценностных трендах иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, обуславливается тем обстоятельством, что их адаптация к российским социокультурным, экономическим, политическим и иным реалиям неминуемо затрагивает аксиологический аспект. Независимо от того, из какой страны в какую приезжает студент, чтобы получить высшее образование, он неминуемо столкнется с рядом трудностей, величина и острота которых будет зависеть от социокультурной дистанции между миром, в котором жил студент, и миром, в который ему предстоит погрузиться в процессе обучения в вузе. С этой точки зрения, справедливо утверждение ученых о том, что для науки иностранный студент как объект исследования представляет интерес, прежде всего, тем, что он как представитель своей культуры вынужден адаптироваться к новой социокультурной среде, усваивать ее культурные образцы и ценности, нормы и правила поведения, если он хочет добиться успеха в новой для него стране [11, с. 34].

У каждого иностранного студента на момент его включения в инокультурную образовательную российскую среду есть собственные ценностные ориентации, образцы поведения, ценностные тренды, которыми он руководствовался в жизни, на которые он планирует ориентироваться в своей жизни, выстраивая профессиональную и иную стратегию. Но включенность в иную социокультурную и этнокультурную среду неминуемо ставит перед ним проблему пересмотра сложившихся ценностных паттернов, стереотипов и моделей поведения, так как некоторые из них могут оказаться неприемлемыми в иной социокультурной среде. От чего-то, возможно, предстоит отказаться. Что-то придется усваивать, осваивать, погружаясь в новое социокультурное и ценностное пространство, а для этого требуется немало времени, а также, определенных знаний, навыков, умений, личностных качеств и усилий.

Литература:

1. *Нейсбит Д.* Мегатренды / Д. Нейсбит; Пер. с англ. М.Б. Левина. М. : АСТ, Ермак, 2003. 380 с.

По сути, проблема заключается в том, насколько удастся зарубежному студенту сохранить баланс между старым и новым, между традиционным для него ценностным наполнением и новым, еще мало знакомым. С учетом контингента иностранных студентов, представляющих страны Азии, Африки, вопрос стоит еще более жестко: о соотношении традиционного и современного в ценностных трендах зарубежной студенческой молодежи. Что она выберет для себя? Сможет ли, адаптируясь к иной социокультурной среде, гармонично вписаться в пространство принимающего сообщества, учитывая специфику традиционных ценностных систем, представителями которых она является, или для этого необходимо будет отказаться от определенных ценностных ориентаций и вписаться в ценностный тренд российского студенчества?

Стоит согласиться с мнением специалистов, утверждающих, что, что в период адаптации студента-иностранца к новым социокультурным реалиям происходит столкновение старых и новых ценностей, того, что было привычно и понятно, с тем новым, что ему еще только предстоит узнать и понять, чтобы стать членом принимающего социума [11, с. 35].

Таким образом, для исследователя крайне важно и интересно понять, по какому алгоритму, с преодолением каких социальных барьеров и ценностных стереотипов происходит адаптация иностранных студентов к российским условиям и интеграция в принимающее образовательное сообщество и окружающее общество. И одной из исследовательских стратегий может стать та, которая связана с изучением ценностных трендов студентов-иностранцев, по свидетельству специалистов, испытывающих значительные сложности на пути интеграции в новую социокультурную реальность на базе ценностных ориентаций и трендов собственной культуры, отличающейся от культурных паттернов и традиций российского общества [13, с. 111].

Ценность социологического изучения ценностных трендов иностранных студентов, обучающихся в российских вузах, заключается в том, что полученное знание позволит выстроить более адаптивную систему интеграции этого контингента студентов в российскую социокультурную реальность, а, следовательно, повысить привлекательность российских вузов для зарубежной молодежи. В ценностных трендах молодежи, в том числе, иностранной, учащейся в российских вузах, можно увидеть ориентиры для повышения конкурентоспособности высшей школы РФ, так как позволяет учиться у будущего [14] – того будущего, которое просматривается в доминантных ценностных ориентациях и установках в отношении тех или иных социальных явлений, процессов.

Literature:

1. *Naisbit D.* Megatrends / D. Naisbit; Transl. from English M.B. Levin. M. : АСТ, Ermak, 2003. 380 p.

2. *Елишев С.О.* Теоретико-методологические подходы к изучению понятий «ценность», «ценностные ориентации» / С.О. Елишев // Вестник московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 74–90.
3. *Верещагина А.В.* Семья и жизненные проекты российской молодежи в логике парадоксального анализа / А.В. Верещагина, М.В. Герасимов // Вестник ЮРГТУ (НПИ). 2020. № 3. С. 100–108.
4. *Ситаров В.А.* Ценностные трансформации современной студенческой молодежи / В.А. Ситаров // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 2. С. 202–210.
5. *Жупник О.Н.* К определению понятия «ценностный тренд» / О.Н. Жупник // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2019. Т. 5(71). № 1. С. 22–29.
6. *Жупник О.Н.* Тренды ценностных ориентаций современной студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Симферополь, 2018. 17 с.
7. Тренд социальный // Социология Словарь-справочник. URL : <https://voluntary.ru/termin/trend-socialnyi.html>
8. Social trends: что это такое и где их искать. URL : <https://vsetyah.ru/social-trends-cto-eto-tako-e-i-gde-ih-iskat/>
9. *Асипова Н.А.* Студенчество как особая социальная группа в контексте этнокультурной социализации / Н.А. Асипова, М.И. Мамырова // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2018. № 6. С. 175–179
10. *Белюсова Е.И.* Формирование ценностных ориентаций российских и иностранных студентов: аксиологический аспект / Е.И. Белюсова // Вестник РУДН, серия Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 75–80.
11. *Дрожжина Д.С.* Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии / Д.С. Дрожжина // Эмпирические исследования. Universitas. 2013. Т. 1. № 3. С. 47–33.
12. Заграница берет урок. URL : <https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html>
13. *Савченко И.А.* Культурная интеграция иностранного студента в российскую социальную действительность: опыт исследования / И.А. Савченко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 4(16). С. 111–117.
14. *Микова Н.* Мониторинг глобальных технологических трендов: теоретические основы и лучшие практики / Н. Микова, А. Соколова // Форсайт. 2014. Т. 8. № 4. С. 64–83.
2. *Elishev S.O.* Theoretical and methodological approaches to the study of the concepts of «value», «value orientations» / S.O. Elishev // Vestnik moskovskogo universiteta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya. 2010. № 3. P. 74–90.
3. *Vereshchagina A.V.* Family and life projects of Russian youth in the logic of paradoxical analysis / A.V. Vereshchagina, M.V. Gerasimov // Vestnik yurgtu (NPI). 2020. № 3. P. 100–108.
4. *Sitarov V.A.* Axiological transformation of modern student's youth / V.A. Sitarov // Knowledge. Understanding. Skill. 2017. № 2. P. 202–210.
5. *Zhupnik O.N.* To the definition of the concept of «value trend» / O.N. Zhupnik // Political science. Cultural studies. Tom 5 (71). 2019. № 1. P. 22–29.
6. *Zhupnik O.N.* Trends of value orientations of modern student youth : author's abstract dis. ... cand. philos. sciences. Simferopol, 2018. 17 p.
7. The trend of social // Sociology Dictionary. URL : <https://voluntary.ru/termin/trend-socialnyi.html>
8. Social trends: what is it and where to look for them. URL : <https://vsetyah.ru/social-trends-cto-eto-takoe-i-gde-ih-iskat/>
9. *Esipova N.A.* Students as a special social group in the context of ethnocultural socialization / N.A. Esipova M.I. Mamyrova // International journal of applied and fundamental research. 2018. № 6. P. 175–179.
10. *Belousova E.I.* Formation of value orientations of Russian and foreign students: axiological aspect // Bulletin of the RUDN, Psychology and Pedagogy series. 2010. № 4. P. 75–80.
11. *Drozzhina D.S.* Studying the adaptation of foreign students: a discussion about methodology / D.S. Drozhzhina // Empiricheskie issledovaniya. Universitas. 2013. Vol. 1. № 3. P. 47–33.
12. Abroad taking the class. URL : <https://rg.ru/2020/02/25/kakie-proekty-pomogut-privlech-v-rossiiu-zarubezhnuiu-molodezh.html>
13. *Savchenko I.A.* Cultural integration of a foreign student into the Russian social reality: research experience / I.A. Savchenko // Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. A series of Social science. 2009. № 4(16). P. 111–117.
14. *Mikova N.* Monitoring of global technological trends: theoretical foundations and best practices / N. Mikova, A. Sokolova // Forsyth. 2014. Vol. 8. № 4. P. 64–83.

Зайцева Анастасия Андреевна
аспирантка кафедры
теоретической социологии и методологии
региональных исследований,
Институт социологии и регионоведения,
Южный Федеральный университет
popov-52@mail.ru

СОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ НА ЮГЕ РОССИИ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. В статье проводится анализ социологических работ по теме «Социальное поведение молодежи на Юге России». Автор делает вывод о том, что в науке частично описываются те или иные аспекты политического, правового, девиантного, экономического, этнического поведения молодежи на Юге России, проводится сравнительный анализ политического поведения среди студентов СКФУ и ЮФУ и электорального поведения молодежи в ЮФО. Однако ни в одной из этих работ не представлено целостного анализа социального поведения молодежи на Юге России, где были бы выявлены особенности в отдельных локальных сообществах.

Ключевые слова: социальное поведение, молодежь, Юг России.

Изучение молодежи России всегда остается в центре внимания ученых, так как именно от молодых людей зависит будущее всей страны. Молодежь Юга России – это особая социальная группа, для которой характерны региональные особенности социального поведения. С другой стороны, Юг России тоже неоднороден – здесь проживают представители различных этносов, конфессий; он поделен на административно-территориальные единицы, которые имеют свои особенности исторического развития. Следовательно, социальное поведение молодежи в локальных сообществах на Юге России также имеет свои характерные черты. На сегодняшний день в научной литературе нет работ, где подводились бы итоги изучения социального поведения молодежи на Юге России. Поэтому целью данной статьи является анализ социологических работ, посвященных различным аспектам социального поведения молодежи на Юге России.

Так, изучая политическое поведение молодежи, исследователи выделяют факторы, влияющие на политическое поведение молодежи в республике Адыгея: общенациональные (этатистские и эгалитаристские устремления, патерналистские ориентации, коммунитаристские (солидарист-

Anastasia A. Zaitseva
Postgraduate Student
of the Department Theoretical Sociology
and Methodology Regional Studies,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
popov-52@mail.ru

SOCIAL BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE IN THE SOUTH OF RUSSIA AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Annotation. The article analyzes sociological works on the topic «Social behavior of young people in the South of Russia». The author concludes that some aspects of the political, legal, deviant, economic, ethnic behavior of young people in the South of Russia are partially described in science, a comparative analysis of political behavior among students of the North Federal University and the Southern Federal University and electoral behavior of young people in the Southern Federal District is conducted. However, none of these works presented a holistic analysis of the social behavior of young people in the South of Russia, where features in individual local communities would be revealed.

Keywords: social behavior, youth, South of Russia.

ские) тенденции и т.д.) и региональные (межэтнические, типологические – между традиционализмом и модернизмом, конфессиональные и др.). Мотивации политического поведения молодежи в Республике Адыгея во многом детерминированы социальным и возрастным составом населения и аграрно-индустриальным характером экономики. В связи с полиэтничностью и поликонфессиональностью региона, политическое поведение молодежи объясняется особенностями национального характера, тяготением к традиционной культуре. Молодежь Адыгеи более остро воспринимает современные этнополитические процессы на Северном Кавказе, ее политическое участие может быть внутриэтнически мотивированным, например, на выборах регионального значения [1, с. 18].

Кроме того, в центре внимания ученых были политические предпочтения студентов на Юге России. На первом месте в рейтинге политических партий стоит «Единая Россия». С другой стороны, существенно доля тех, кто вообще не стал бы участвовать в выборах и голосовать за какую-либо партию. Студенты ЮФУ и СКФУ высоко оценили протестный потенциал, сложившийся в обществе. Относительно доверия к социальным институтам, наименее одобрительно

студенты относятся к полиции, к судебной системе, к Государственной Думе, к прокуратуре и армии. Степень участия в общественно-политической жизни невысока, треть опрошенных вообще не принимают в ней участия, несмотря на то, что выборы, общественная деятельность вуза, общественные организации остаются важными площадками для участия молодых людей. Основной причиной неучастия является, по мнению авторов, убежденность в том, что их участие все равно ничего не изменит, а также – отсутствие лидеров, за которыми можно было бы идти [2, с. 96]. Социологические исследования ростовских социологов подтверждают тот факт, что среди молодежи Юга России имеется определенное ядро активистов в общественно-политической жизни, однако, оно меньше, чем в вышеуказанном исследовании, и колеблется в пределах 15–25 %. Фактически же, все формы политического участия молодежи, по своей сути, являются пассивными и сводятся к обсуждению политических вопросов в семье и с друзьями, а также внимательному отслеживанию сообщений СМИ о политических событиях в стране и в мире. Основными направлениями небольшой части активистов стали субботники и волонтерские мероприятия. Низкая активность участия молодежи Ростовской области в молодежных организациях объяснялась отсутствием информации об их деятельности и отсутствием доверия к ним [3, с. 401]. Также, исследователи особое внимание уделяют изучению общественно-политических процессов интеграции и дезинтеграции в молодежной среде Юга России. Наиболее значимыми интеграционными факторами, как показали опросы ученых, являются принцип «уважения к традициям народов России» (61 %), идея «любви к Родине – России (44 %), вера и надежда на «общее будущее страны» (39 %). В вопросе о том, что сегодня разъединяет молодежь, отчетливо выделяются две позиции: культурные интересы (45 %) и национальные особенности (41 %). Вторая группа дифференцирующих факторов связана уже не с культурными различиями, а с социально-имущественным расслоением [4, с. 79]. В исследовании электорального поведения молодежи ЮФО указывается на то, что стратегия молодежи подчинена иррациональной мотивации и воздействию эмоциональных компонентов. При этом значительных различий не обнаруживается: молодежь и Волгоградской, и Астраханской, и Ростовской областей склонна к солидаризации своего решения со своим социальным окружением, ориентации на эмоциональные компоненты и черты образа кандидатов и партий, а также, не выделяет политику значимой для себя, а потому не желает тратить усилия на анализ электорального предложения. Однако непосредственно электоральный выбор молодого человека зависит от влияния региональных тенденций: поддержки партии власти в более успешных регионах (Ростовская и Волгоградская области) и привычное голосование за партии левого толка (Волгоградская и Астраханская области) [5, с. 27].

Правовое поведение молодежи Юга России также не осталось без внимания социологов. Анализ правовой культуры учащейся молодежи Юга

России отражает разрыв правового сознания и правового поведения – несоответствие правовых ценностей подданнического типа и правовых знаний, фрагментарно описывающих правовую культуру активистского типа. Это противоречие проявляется в правовом поведении, ориентированном на подданническую правовую культуру [6, с. 15]. Подобная типология отражена и в другом исследовании [7, с. 79]. Исследователь политической культуры крымской молодежи пишет о скудых знаниях своих прав, свобод, обязанностей человека и гражданина и указывает на необходимость просвещения для формирования гражданского общества, в связи со сложностью межэтнических и межконфессиональных отношений в регионе и усилением информационной войны против России [8, с. 9]. Эмпирический анализ правовых ценностей студенческой молодежи Ростовской области также показал, что большая часть респондентов не ориентирована на безусловное соблюдение закона, что проявляется и на поведенческом уровне среди молодежи. Автор отмечает падение значимости моральных регуляторов поведения, неадекватности оценок асоциальных актов, несоответствия провозглашаемому социумом целей поведенческим установкам части граждан. Подчеркивается прямая зависимость, существующая между материальной обеспеченностью молодежи с правовыми ценностными ориентациями: обеспеченные студенты больше ориентированы на соблюдение закона. Несмотря на достаточные правовые знания успевающих студентов, характер правового поведения групп студентов с различной успеваемостью не обнаруживает существенных отличий, что подтверждает тезис о недостаточности чисто когнитивной подготовки студентов в области права и делает необходимым использование воспитательного воздействия в процессе их правового обучения. Автор отмечает, что высокий уровень индивидуальных правовых знаний в каждом конкретном случае не обязательно сопровождается правомерным поведением, а, напротив, может соседствовать с систематическими нарушениями закона. Приоритетное значение в определении правового поведения имеют правовые ценности или социально-правовая пристрастность. Студенческая молодежь, несмотря на достаточные правовые знания, не проявляла себя законопослушно, допускала для себя возможность обращения к преступникам для решения личных интересов. Это свидетельствует о несформированности правовой культуры большей части студенческой молодежи, ее неготовности решать существующие проблемы правовым путем [9, с. 22].

Многие ученые уделяют особое внимание вопросам девиантного поведения молодежи на Юге России. Исследователи писали о прогрессирующей тенденции роста различных проявлений наркомании в сфере девиантного поведения молодежи на Юге России. Они указывают на многомерную взаимосвязь потребления наркотиков и молодежной преступности как одной из самых серьезных форм девиантного поведения [10, с. 9]. По исследованию молодежи Ростовской области, только 63 % отказались от употребления наркотиков, 15 % опрошенных имеют

тот или иной опыт. Зоной повышенного риска, по мнению исследователей, являются вузы и школы [11, с.19]. Далее, исследователи указывали на снижение количественных показателей молодежной преступности в Ростовской области и Краснодарском крае. Однако количество преступлений, совершаемых несовершеннолетними в Ростовской области, больше, чем в Краснодарском крае, так как сельские жители более адаптивны к кризисным процессам за счет активной предпринимательской деятельности и благодаря активной профилактической работе правоохранительных органов Краснодарского края [12, с. 10–11]. Другие социологи, наоборот, считают, что потенциал экстремисткой деятельности в молодежной среде Краснодарского края довольно высок, чему способствуют общероссийские тенденции:

- духовно-нравственный кризис;
- аномия в среде современной молодежи;
- частое употребление алкоголя;
- криминализация сознания кубанской молодежи;
- «романтизации» образа уголовника;
- достаточно толерантное отношение кубанской молодежи к скинхедам;
- правовой нигилизм и неуважительное отношение к законам [13, с. 40].

По мнению одного из исследователей, на Юге России преобладающей формой молодежного экстремизма выступал этнорелигиозный экстремизм. В условиях системного кризиса российского общества, отсутствия эффективных легальных путей преодоления «социальной безвыходности» ведет к накоплению агрессивности, состоянию фрустрации, которые находят свое выражение в формах регенерации этнорелигиозных форм насилия как компенсирующего фактора. Для студенческой молодежи Ростовской области экстремизм и терроризм являлся негативным, противозаконным, недопустимым и осуждаемым явлением [14, с. 9]. Относительно особенностей девиантного поведения в республике Адыгея, исследователи пишут о высокой наркотизации молодежи, которая связана с повышением влияния субкультурных ценностных тенденций, ранней возрастной социализацией, упразднением ряда институциональных форм воспитания и агентов социализирующего влияния [15, с. 9]. Говоря о чеченской молодежи, рост распространенности форм девиантного поведения обусловлен не только последствиями боевых действий, процессов социальной трансформации и кросс-культуральных влияний, но и недостаточной сформированностью институтов социального контроля [16, с. 10]. Другой ракурс принимает исследование Кабардино-балкарской молодежи. Интересно отметить, что наиболее распространенными формами девиантного поведения в КБР молодежь назвала неуважительное отношение к родителям (100 %), только затем распространение взяточничества, увлечение

алкоголем, курением, несоблюдение правил поведения в школе, вузе, ненормальное увлечение различными играми. Скорее всего, такая особенность тесно связана авторитетом семьи в кавказских культурах. В то же время, первой причиной алкоголизации молодежь назвала отношения именно в семье (37 %) – развал семьи ведет к асоциальному поведению молодежи [17, с. 15–16].

Этническое поведение молодежи ЮФО изучалось в Ростовской области, а именно, среди студентов Южного Федерального университета. Было выявлено, что подавляющее большинство студентов имеет среди друзей представителей иных этнических групп, они положительнее относятся к межэтническим бракам, к этнической принадлежности коллег. Ценностно-эмоциональная установка на важность «толерантности» больше характерна для представителей малочисленных этносов, чем среди русских. Таким образом, студенческая молодежь ЮФУ, будущие специалисты с профильным образованием преимущественно ведут себя более толерантно, чем молодежь страны, в целом [18, с. 15].

Особенности экономического поведения молодежи Юга России, по мнению некоторых исследователей, определяются уровнем экономического развития региона. Так, выделяются две стратегии поведения: патерналистская и индивидуально-профессиональная. Патерналистская жизненная стратегия студенческой молодежи определяется пониманием свободы как ничем не ограниченной возможности реализации своих интересов (особенно в сфере предпринимательства), неприятием конкурентных экономических отношений. Соответственно, совмещение работы с учебной мотивируется желанием простого накопления денег на карманные расходы или участия в семейном бизнесе в качестве его продолжателей. Индивидуально-профессиональная жизненная стратегия студенчества Юга России характеризуется пониманием свободы как возможности выбрать индивидуальную линию поведения в удовлетворении своих интересов с учетом интересов других людей, признанием ценности частной собственности граждан, необходимости конкурентного типа экономических отношений и негативным отношением к государственному регулированию профессионально-экономических отношений. В соответствии с этой стратегией формируется мотивация интенсификации процесса социально-экономического обособления от родителей через совмещение учебы с работой [19, с. 25]. По мнению исследователей Северной Осетии-Алании, низкий уровень материального положения молодежи этого региона в сочетании с высокой степенью безработицы приводит к формированию в ее сознании и поведении устойчивых стереотипов и установок на иждивенческое поведение [20, с. 140]. В исследовании экономической социализации исследователи пишут, что волгоградская молодежь обладает высоким уровнем экономических знаний, небольшая часть хочет стать предпринимателями, традиционные паттерны экономического сознания теряют свою актуальность, у молодежи

сохраняется высокая ценность труда. [21, с. 119]. Изучалось также потребительское поведение волгоградской молодежи: они более критично по сравнению со старшим поколением самостоятельно изучают качество товаров и услуг. Молодые люди часто обращаются к услугам салонов красоты, ходят в кафе, рестораны, торговые центры. Чем моложе потребители, тем лояльнее они оценивают качество потребляемых услуг. Потребительское поведение молодежи сильно зависит от социального одобрения близких людей (семьи, друзей). Информацию молодежь черпает из журналов и интернета [22, с. 7–8].

Ценностные установки молодежи на Юге России также не остались без внимания исследователей. В республике Адыгея значительное влияние на социальное поведение молодежи оказывают адыгские традиции, а именно: умение избегать неадекватных обстоятельств, предупреждать неудачи, осуществлять партнерское взаимодействие, строить межличностное общение на основах гостеприимства, почитания старших [23, с. 20]. Представители ставропольской научной школы пришли к выводу о противоречии, существующем между модернистскими и традиционалистскими установками южнороссийской молодежи, которое обусловлено несформированностью у неё цивилизационного выбора из-за навязывания западных стандартов со стороны правящего класса и большинства федеральных СМИ в условиях преобладания традиционалистских ценностных ориентаций в российском социуме [24, с. 144]. Ценностные установки молодежи Крыма изучались в период украинской власти. Тогда исследователи отмечали, что оно не имеет существенных отличий от сверстников в аналогичных регионах СНГ. Негативно оцени-

вались безграничный рыночный либерализм, религиозный фундаментализм, вестернизация, асоциальное поведение, деморализация общества, была установлена устойчивая тенденция к уменьшению роли либеральных экономических ценностей. Отчетливо прослеживался рост недоверия к институтам государственной власти. Студенческая молодежь критически оценивала деятельность НАТО, Евросоюза и других международных организаций. В то же время, в ее сознании был зафиксирован устойчивый рост пророссийских настроений, снижение авторитета институтов украинской и крымской автономной государственности [25, с. 11].

Таким образом, социальное поведение молодежи Юга России уже являлось предметом изучения социологов. В каждой из социологических работ частично описываются те или иные аспекты политического, правового, девиантного, экономического, этнического поведения молодежи на Юге России, проводится сравнительный анализ политического поведения среди студентов СКФУ и ЮФУ и электорального поведения молодежи в ЮФО. Однако ни в одной из этих работ не представлено целостного анализа социального поведения молодежи на Юге России, где были бы выявлены особенности в отдельных локальных сообществах. В связи с этим, нам представляется необходимым изучение социального поведения молодежи в локальных сообществах на Юге России в политической, правовой, экономической и социальной сферах, рассмотрение влияния ментальных программ на социальное поведение молодежи данного региона, а также конструирования когнитивных моделей социального поведения.

Литература:

1. Дагамук И.Г. Духовно-культурные мотивации политического поведения молодежи Республики Адыгея : автореф. дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Дагамук Ирина Гиссовна. Майкоп, 2000. 21 с.
2. Авксентьев В.А. Социально-политические настроения молодежи Юга России: риски радикализации / В.А. Авксентьев [и др.] // Наука Юга России. 2014. № 1. С. 90–98.
3. Барков Ф.А. Общественно-политические настроения молодежи в Южном регионе: потенциал общественной и протестной активности / Ф.А. Барков [и др.] // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015. С. 379–410.
4. Барков Ф.А. Тенденции интеграции и дезинтеграции в молодежной среде Юга России и проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи / Ф.А. Барков, А.В. Сериков // Гуманитарий Юга России. 2014. № 2. С. 75–93.
5. Самолазова А.Е. Электоральное поведение молодежи областей Южного федерального округа российской Федерации: региональные тренды

Literature:

1. *Dagamuk I.G.* Spiritually-cultural motivation in the political behaviour of the youth of the Republic of Adygeya : synopsis of the dis. ... cand. of sociological Sciences: Irina Dagamuk. 22.00.06 Gissovna. Maikop, 2000. 21 p.
2. *Avksentiev V.A.* Socio-political attitudes of young people in the South of Russia: risks radicalizing / V.A. Avksentiev [et. al] // science in southern Russia. 2014. № 1. P. 90-98.
3. *Barkov F.A.* Socio-political attitudes of young people in the southern region: potential public and protest activity / F.A. Barkov [et. al] // regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia. M., 2015. P. 379–410.
4. *Barkov F.A.* Trends of integration and disintegration in the youth Wednesday in southern Russia and problems of spiritually-moral education of Youth / F.A. Barkov, A.V. Serikov // Studies in southern Russia. 2014. № 2. P. 75–93.
5. *Anastasia E. Samolazova* voting behavior youth areas of the Southern Federal District of the Russian Federation: regional trends and characteristics /

- и особенности / А.Е. Самолазова // Русская политология. 2017. №2(3). С. 21–28.
6. *Калиновский Г.А.* Факторы формирования правовой культуры учащейся молодежи средних городов Юга России : автореферат дис. ... кандидата социологических наук : 22.00.06 / Калиновский Геннадий Александрович. Ростов-н/Д., 2001. 26 с.
7. *Денисова Г.С.* Правовая культура учащейся молодежи этноконтактной зоны Юга России / Г.С. Денисова, И.А. Петрулевич // Философия права. Ростов-на-Дону. 2002. № 1(5). С. 75–86.
8. *Кузьмин П.В.* О факторах повышения роли политического образования молодежи в современном Крыму / П.В. Кузьмин // Научный Вестник Крыма. 2016. №5(5). С. 1–11.
9. *Буланова И.А.* Трансформация правовых ценностей российской студенческой молодежи в контексте глобализации : автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Буланова Инна Анатольевна. Ростов-н/Д., 2006. 23 с.
10. *Харсеева В.Л.* Социально-деструктивная роль молодежной наркомании в современном российском обществе : автореф. дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / Харсеева Виктория Леонидовна. Краснодар, 2005. 21 с.
11. *Сильницкая Е.А.* Медицинские риски наркотизации и их оценка школьниками и студентами : по материалам Ростовской области : автореф. дис. ... кандид. социол. наук: 14.02.05 / Сильницкая Елена Александровна. Волгоград, 2011. 24 с.
12. *Андрухов В.А.* Структурные уровни контроля и противодействия молодежной преступности в современной России и регионе : автореф. дис. ... кандид. социол. наук : 22.00.04 / Андрухов Вадим Алексеевич. Краснодар, 2009. 25 с.
13. *Кубякин Е.О.* Молодежный экстремизм в условиях глобализации информационно-коммуникационной среды общественной жизни : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Кубякин Евгений Олегович. Краснодар, 2012. 49 с.
14. *Сериков А.В.* Молодежный экстремизм в современной России: динамика и отражение в общественном мнении у студентов: На примере Ростовской области : автореф. дис. ... кандид. социол. наук : 22.00.04 / Сериков Антон Владимирович. Ростов-н/Д., 2005. 25 с.
15. *Сташ Ж.А.* Девиации поведения молодежи: региональные особенности социокультурной превенции : на примере Республики Адыгея : автореф. дис. ... кандид. социол. наук: 22.00.06 / Сташ Жаннета Аликовна. Майкоп, 2015. 25 с.
16. *Оздиев С.А.* Региональные аспекты девиантного поведения молодежи: На примере Чеченской Республики : автореф. дис. ... кандид. социол. наук: 22.00.04 / Оздиев Султан Ахматович. Краснодар, 2006. 29 с.
- E. Anastasia // Russian politics. 2017. № 2(3). P. 21–28.
6. *Kalinowski G.A.* Factors of juridical culture formation in the young medium-sized cities in the South of Russia : synopsis of the dis. ... cand. of sociological Sciences: 22.00.06 / Kalinowski Genadiy Aleksandrovich. Rostov-on/D., 2001. 26 p.
7. *Denisov G.S.* Pyatrulevich I.a. legal culture youth to ethnical contact zone of the South of Russia // Philosophy of law. Rostov-on/D., 2002. № 1 (5). P. 75–86.
8. *Kuzmin P.V.* On factors to enhance the role of political education of youth in today's Crimea / P.V. Kuzmin // Scientific Bulletin of the Crimea. 2016. № 5(5). P. 1–11.
9. *Bulanova I.A.* Transformation of legal values of the Russian students in the context of globalization : synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04 / Bulanova Inna. Rostov-on/D., 2006. 23 p.
10. *Harseeva V.I.* Socio-destructive role of youth drug use in modern Russian society : synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04. Victoriya Harseeva. Krasnodar, 2005. 21 p.
11. *Silnytska E.A.* Medical risks of anesthesia and their score schoolchildren and students: on the materials of the Rostov region: synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 14.02.05. Silnytska Elena Aleksandrovna. Volgograd, 2011. 24 p.
12. *Andruhov V.A.* structural levels of control and combat youth crime in modern Russia and the region : synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04 / Andruhov Vadim Alexeevich. Krasnodar, 2009. 25 p.
13. *Kubjakin E.O.* Youth extremism in the context of globalization, information and communication public life Wednesday : synopsis of the dis. ... doctor of sociological Sciences: 22.00.04 / Yevgeni Kubjakin. Krasnodar, 2012. 49 p.
14. *Serikov A.V.* Youth extremism in contemporary Russia: Dynamics and reflected in public opinion among students: the case of the Rostov region : synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04. Serikov Anton Vladimirovich. Rostov-on/D., 2005. 25 p.
15. *Stash Z.A.* Deviation behavior of youth: regional socio-cultural features of prevention: the case of the Republic of Adygeya: synopsis of the dis. ... candidate of sociological Sciences: 22.00.06. Stash Janetta Alik Arakelyan. Maikop, 2015. 25 p.
16. *Ozdiev S.A.* Regional aspects of deviant behavior of youth: the case of the Chechen Republic : synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04. Ozdiev Sultan (Mr.). Krasnodar, 2006. 29 p.

17. *Белгарокова Н.М.* Молодежная девиация в поликультурной Кабардино-Балкарской Республике: Социологический аспект : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Белгарокова Наталья Мухамедовна. Майкоп, 2006. 22 с.
17. *Belgarokova N.M.* Youth deviation in multicultural Kabardino-Balkar Republic : sociological aspect: synopsis of the dis. ... candidate of sociological Sciences: 22.00.06. Belgarokova Natalia Muhamedovna. Maikop, 2006. 22 p.
18. *Нарежная О.А.* Этническая толерантность студенческой молодежи Ростовской области : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Нарежная Ольга Анатольевна. Ростов-н/Д., 2010. 27 с.
18. *Narezhnaja O.A.* Ethnic tolerance of students Rostov region: synopsis of the dis. ... cand. of sociological Sciences: 22.00.04. Olga A. Narezhnaja. Rostov-on/D., 2010. 27 p.
19. *Чеботарева Д.Ю.* Жизненные стратегии студенческой молодежи Юга России : автореф. дис. ... канд. социологических наук: 22.00.06 / Чеботарева Дарья Юрьевна. Ростов-н/Д., 2006. 26 с.
19. *Chebotareva D.Y.* Life strategies of students in the South of Russia: synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.06. Chebotareva Daria Yurievna. Rostov-on/D., 2006. 26 p.
20. *Чихтисов Р.А.* Молодежь в социальной структуре современного российского общества: социологический анализ : На материалах Республики Северная Осетия-Алания : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04 / Чихтисов Руслан Авданович. Владикавказ, 2002. 26 с.
20. *Chihtisov R.A.* Young people in the social structure of modern Russian society: sociological analysis: on the materials of the Republic of North Ossetia-Alania: synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.04. Chihitsov Ruslan Avdanovich. Vladikavkaz, 2002. 26 p.
21. *Васильева Е.Н.* Экономическая социализация учащейся молодежи: опыт регионального исследования / Е.Н. Васильева, В.Н. Гуляихин // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 115–118.
21. *Vasilyev E.N.* Economic socialization of youth: the experience of regional research / E.N. Vasilyev, V.N. Guljainin // Sociological researches. 2014. № 8. P. 115–118.
22. *Ткаченко О.В.* Рациональность в потребительском поведении молодежи крупного российского города / О.В. Ткаченко, И.В. Василенко // Гуманитар., социально-эконом. и обществ. науки. Краснодар. 2016. № 10. С. 40–45.
22. *Tkachenko O.V.* Rationality in consumer behaviour young people a major Russian city / O.V. Tkachenko, I.V. Vasilenko // Humanitarian, socio-economy. and societies. Science. Krasnodar. 2016. № 10. P. 40–45.
23. *Гучетль З.Х.* Этнические традиции как социально-культурный феномен в процессе социализации молодежи: На материалах Республики Адыгея : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06 / Гучетль Зухра Хачмафовна. Майкоп, 2006. 21 с.
23. *Guchetl Z.K.* Ethnic traditions as a socio-cultural phenomenon in the process of socialization of youth: on the materials of the Republic of Adygeya: synopsis of the dis. ... cand. of social. sciences: 22.00.06. Guchetl Zuhra Hachmafovna. Maikop, 2006. 21 p.
24. *Авксентьев В.А.* Цивилизационные ориентации молодежи Юга России: конфликтологический аспект / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов, Е.С. Назарова // Конфликтология. 2009. № 4. С. 128–145.
24. *Avksentiev V.A.* Civilization orientation of youth in the South of Russia: conflictological aspect / V.A. Avksentiev, B.V. Aksjumov, E.S. Nazarova // Conflictology. 2009. № 4. P. 128–145.
25. *Хриенко Т.В.* Динамика мировоззренческих ценностей студенческой молодежи в процессе социализации: На примере Автономной Республики Крым : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / Хриенко Татьяна Викторовна. М., 2005. 50 с.
25. *Hrienko T.V.* Dynamics of ideological values of students in the process of socialization: the case of the Autonomous Republic of Crimea : synopsis of the dis. ... doctor of social. sciences: 22.00.04. Hrienko Tatyana Viktorovna. M., 2005. 50 p.

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Мамиева Бэла Юрьевна

старший преподаватель
кафедры международной журналистики,
Юго-Осетинский государственный
университет имени А. Тибилова
popov-52@mail.ru

Качмазова Зарина Николаевна

старший преподаватель
кафедры международной журналистики,
Юго-Осетинский государственный
университет им. А. Тибилова
popov-52@mail.ru

**ПЯТИДНЕВНАЯ ВОЙНА:
ИСТОКИ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ,
ОБЩИЙ ХОД**

Аннотация. Грузино-осетинский конфликт 2008 г. вспыхнул на постсоветском пространстве, на котором Россия все еще удерживает свое преимущественное влияние. Он стал не только политической ареной вооруженного столкновения между Москвой и Тбилиси, но и спорным регионом между двумя политическими системами, что априорно вызвало его манипулятивное освещение в российских и западных СМИ. Каждая из сторон, участвовавших в конфликте, репрезентирует фундаментально различные перспективы во внешней политике – Россия ориентируется на Восток, Грузия – на Запад, прокладывая путь в Европейский Союз и НАТО. Указанные основания предопределили чрезвычайно жаркие политические дебаты между Россией и странами ЕС. В данной научной работе мы рассмотрим политический аспект и общий ход «пятидневной войны».

Ключевые слова: грузино-осетинский конфликт, вооруженное столкновение, урегулирование, интеграция, суверенитет, де-факто.

Грузино-осетинский конфликт 2008 г. определяется многочисленными факторами, среди которых мы укажем, прежде всего, следующие:

- различная интерпретация истории грузинами и осетинами;
- более ранний конфликт 1991–1992 гг., результатом де-факто которого стало отделение Южной Осетии от Грузии и миротворческий мандат России от ООН.

Осетинский народ признает, что является потомком аланов и скифов, которые мигрировали на Кавказ, по крайней мере, 5 тысячелетий назад. Когда точно и как осетины мигрировали на Южный Кавказ, является дискуссионным вопросом.

Bela Yu. Mamieva

Senior Lecturer of the Department
of International Journalism,
South Ossetian State University
named after A. Tibilov
popov-52@mail.ru

Zarina N. Kachmazova

Senior Lecturer of the Department
of International Journalism,
South Ossetian State University
named after A. Tibilov
popov-52@mail.ru

**FIVE-DAY WAR: ORIGINS,
POLITICAL CONTEXT,
COMMON COURSE**

Annotation. The 2008 Georgian-Ossetian conflict erupted in the post-Soviet space, where Russia still retains its dominant influence. It became not only the political arena of the armed clash between Moscow and Tbilisi, but also a disputed region between the two political systems, which a priori caused its manipulative coverage in the Russian and Western media. Each of the parties to the conflict represents fundamentally different perspectives in foreign policy – Russia is orienting towards the East, Georgia – towards the West, paving the way to the European Union and NATO. These grounds predetermined the extremely heated political debate between Russia and the EU countries. In this research paper, we will consider the political context and the general course of the «five-day war».

Keywords: Georgian-Ossetian conflict, armed conflict, settlement, integration, sovereignty, de facto.

Грузинские источники указывают на то, что массовое движение осетин в Грузию наблюдается в XVII–XIX вв. Осетины же утверждают, что их присутствие на Кавказе является таким же древним, как и присутствие грузин, а в 1774 г. они присоединились к Российской империи. Различное толкование длительности присутствия осетин на Кавказе порождает глубокие разногласия, обеспечивает грузин «питательной средой» для утверждений, что осетины являются «гостями» в Южном Кавказе, в то время, как сами осетины считают, что населяют свою историческую родину.

Этническое напряжение в регионе дает о себе знать в 1918–1921 гг., когда была образована Первая грузинская республика. Грузинское правительство меньшевиков обвиняло осетин в со-

трудничестве с российскими большевиками. В это время происходит несколько восстаний с требованием предоставить Южной Осетии независимость. В 1920 г. грузинские меньшевики послали в Цхинвал национальную гвардию и регулярные войска. В результате, восстания были жестоко подавлены. В 1922 г. Южная Осетия была признана как отдельный этно-территориальный регион в составе Советской Грузинской республики, а не как – по сравнению с Абхазией и Аджарией – автономная республика. Отношения между грузинами и осетинами в Южной Осетии в советский период были дружественными, некоторое напряжение ощущалось лишь в языковых вопросах.

До момента начала августовской войны 2008 г. в Южной Осетии проживало около 70000 человек, принадлежащих к разным национальностям. Этнические грузины составляли 20–30 % населения. Тбилиси администрировал деревни, населенные этническими грузинами, деревни, в которых жили осетины, были в сфере ведения де-факто юго-осетинских властей, размещавшихся в Цхинвале.

Драматические изменения в регионе были вызваны кризисом конца 1980-х гг., распадом Советского Союза, в результате которого в Грузии образовался вакуум власти и наметился всплеск национализма. Этнократические политики, пришедшие к власти в Тбилиси, фактически вынудили осетин бежать из Грузии в Южную и Северную Осетию [ToalG., 2008]. Националистическое движение в Грузии в этот период интерпретируется как наиболее интенсивное по сравнению с другими бывшими советскими республиками [1].

Последующие попытки южных осетин к установлению своего особого государственного статуса относятся к 1988 г., когда был образован «Адамон Ныхас», юго-осетинский знаменитый фронт. 10 ноября 1989 г. региональный Совет Юго-Осетинской автономной Области послал в Верховный Совет Грузии заявление о придании региону статуса автономной республики, что возмутило грузинские власти. Проблема языка также усилила напряжение в регионе. В 1989 г. Верховный Совет Грузии выдвинул свою языковую программу, в которой грузинскому языку отводился статус главного языка во всей республике. Осетины, в свою очередь, приняли резолюцию, в соответствии с которой осетинский язык является официальным в автономном регионе.

В это время предпринимаются попытки сгладить конфликт, организуются общественные форумы, на которых присутствуют и грузины, и осетины. Но последняя встреча закончилась достаточно бурно: 23 ноября 1989 г. 15000 грузин направились в Цхинвал, караван их автобусов и машин был встречен гражданами Цхинвала, милицией и солдатами 8-го полка Советской Армии, которые не допустили едущих в город. В результате столкновений возникли первые человеческие жертвы: по крайней мере, 6 человек было убито, 27 человек получило ранения, а 140 человек

было госпитализировано [4]. Ситуация обостряется летом 1990 г., непосредственно перед самими парламентскими выборами в Грузии: Верховный Совет Грузии принимает Закон о выборах, в котором нет места региональным партиям.

Южные осетины интерпретировали этот закон как направленный на ограничение движения «Адамон Ныхас», и 20 сентября они провозглашают свой полный суверенитет в рамках СССР, в следующем месяце бойкотируют выборы, которые в Грузии привели к власти коалицию «Круглый Стол», возглавляемую З. Гамсахурдия, а в декабре объявляют выборы в свой собственный парламент. Правительство Гамсахурдия негативно отреагировало на данный шаг, аннулировав результаты выборов и лишив Южную Осетию статуса автономной области (11 декабря 1990 г.). Тбилиси объявляет в регионе чрезвычайное положение, назначает главу грузинских внутренних войск мэром Цхинвала. В январе 1992 г. власти организуют в городе референдум о вступлении и интеграции с Россией. Осетинский Верховный Совет единогласно принимает то же самое решение (19 ноября 1992 г.).

Прямое военное вмешательство начинается в январе 1991 г., когда грузинские войска, насчитывающие несколько тысяч солдат, вступают в Цхинвал, привнося с собой хаос, длящийся в течение целого года. Политической причиной конфликта в регионе выступает столкновение между требованиями южных осетин на самоопределение и попытками Тбилиси сохранить территориальную целостность страны. Противоречия вылились в sporadический военный конфликт между Грузией и Южной Осетией, который был решен в 1992 г. в результате подписания «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта» между новым грузинским лидером Э. Шеварднадзе и российским президентом Б. Ельциным в Сочи. Было подписано несколько протоколов, в том числе Протокол № 3, определяющий зону конфликта – окружность радиусом в 15 км, и коридор безопасности – 14 км.

Южная Осетия де-факто выходит из состава Грузии. Сочинское соглашение сформировало Смешанную Контрольную Комиссию, состоящую из представителей Грузии, России, Южной Осетии и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в целях осуществления наблюдения над исполнением соглашения, обеспечения диалога между противоборствующими сторонами, осуществления мер по восстановлению экономики и соблюдения прав человека в регионе. Были также учреждены совместные миротворческие силы, включающие в себя грузинские, российские и осетинские подразделения. Протокол № 3 также давал право военному командованию использовать все возможные военные меры для локализации вооруженных столкновений и уничтожения вооруженных формирований в районах бывшей осетинской автономной Области, которые не включены в зону безопасности. Процессы по установлению мира и урегулированию конфликта растянулись на годы, переговоры шли медленно с пространны-

ми периодами их приостановления. До 2004 г. в регионе не наблюдалось военных действий.

Шестнадцать лет спустя после Сочинского соглашения, не так уж легко достигнутое перемирие между Грузией и Осетией, в августе 2008 г. уступило место возобновившемуся насилию. Затяжной процесс мирного урегулирования, сопровождавшийся пространными и не всегда продуктивными переговорами, стал результатом нескольких договоров между конфликтующими сторонами. Затраты на провал Сочинского соглашения оказались непомерно высокими: сотни убитых и раненых среди гражданского населения, десятки тысяч людей лишились крова, миллионы рублей потрачены на реабилитационные проекты. С окончанием огня, достигнутым в начале 1990 г., многие наблюдатели определили грузино-осетинский конфликт как «замороженный». Однако в августе 2008 г. этот конфликт снова продемонстрировал важность консолидации различных сил в его урегулировании.

Хотя процесс переговоров между Грузией и Южной Осетией был приостановлен в 2006 г., ошибочным является мнение о том, что сам конфликт оказался «замороженным». Фактически, прекращение огня соблюдалось до лета 2004 г., когда операции против контрабанды, проведенные Тбилиси в зоне конфликта, привели к многочисленным жертвам, грозя реальной войной. К июню 2004 г. рынок в Ергнети был закрыт, в Южной Осетии усилилось присутствие грузинской полиции, которая осуществляла регулярные проверки средств передвижения с целью обнаружения контрабандных товаров. Кроме того, в мае 2004 г. несколько подразделений грузинского министерства внутренних дел на вертолетах высадились в деревнях Тквиави, Пххвениси, Никози и Эредви, прилегающих к юго-осетинской административной границе, установили блокпосты на дорогах с целью ограничения движения транспорта из Южной Осетии.

Вследствие этого, в последующие месяцы усилилась вражда между грузинами и южными осетинами, в результате которой ситуация едва не вызвала полномасштабные военные действия. В августе 2004 г. стороны конфликта договорились об очередном прекращении огня. Этот договор формально соблюдался до лета 2008 г. Однако, в эти годы сохранялась напряженная ситуация, наблюдались перестрелки между сторонами конфликта, криминальные происшествия, похищение и убийство людей [5]. В то время Тбилиси пытался изменить свой статус-кво в переговорах и форматах соблюдения мира, что только обострило ситуацию.

Грузия исходно рассматривала Абхазию как более важный стратегический регион, прежде всего, взялась за решение абхазской проблемы. В то же время Россия продолжала оставаться важнейшим региональным игроком со своими политическими и экономическими интересами, оказывая влияние? как на Абхазию, так и Южную Осетию. Обе республики получали существенную политико-экономическую помощь от России.

В 2001 г. президентом Южной Осетии был избран Э. Кокойты, поддерживаемый Москвой. В 2004 г. правительство Э. Кокойты неоднократно заявляло о необходимости интеграции Южной Осетии с Россией. 05 июня 2001 г. юго-осетинские законодатели обратились в Государственную Думу с просьбой присоединения региона к России. Находясь в Москве, 15 сентября Э. Кокойты заявил, что наступило время остановить деление Осетии на Север и Юг, существует единая Осетия и о повторной интеграции Южной Осетии и Грузии не может быть и речи. Власти Южной и Северной Осетии обосновывают свое требование национального самоопределения, утверждают, что в советский период осетинский народ был ошибочно разделен между Российской и Грузинской ССР. До тех пор, пока все жили в границах Советского Союза, ущемлений в свободе передвижения не было. С распадом СССР разделение Осетии явно обозначилось. Сегодня представители осетинской общественности задаются вопросом: Почему у нас, как у народа, нет права воссоединиться? С 1992 г. связи между Северной и Южной Осетией усилились во всех сферах.

Южные осетины заявляют, что их права будут оптимально защищены, если территориально они будут находиться в Российской Федерации, а не в Грузии. Официальные лица Южной Осетии неоднократно говорили Кризисной Группе, что Россия помогла региону с восстановлением дорог и инфраструктуры, обеспечила гуманитарной помощью, покрыла расходы на проживание и социальную помощь беженцам, оказавшимся в Северной Осетии. Тбилиси всеми силами противился независимости Южной Осетии, потому что она подрывала территориальную целостность Грузии. Грузинская сторона манипулировала теми фактами, что независимости Южной Осетии препятствует экономическая неразвитость региона, в ней живут грузинские граждане, единственной дорогой, связывающей регион с Россией, является Рокский тоннель, а Кавказские горы – это «естественный барьер» для воссоединения Южной и Северной Осетии.

Новая волна напряжений обозначилась, когда грузинский президент М. Саакашвили предпринял в Южной Осетии кампанию, направленную против контрабанды. Политика Саакашвили была воспринята юго-осетинским лидером как атака против осетин, а не против криминала и контрабанды. Усилились политические разногласия между прозападно настроенным Саакашвили и ориентирующейся на Россию Южной Осетией. Вместе с тем, истоки войны следует искать не только в характере взаимоотношений между Южной Осетией и Грузией, но, также, и в разногласиях, возникших между Грузией и Россией.

В намерения Саакашвили входило восстановление прежних границ страны, сближение с западным миром и членство Грузии в НАТО. Южная Осетия и Абхазия, напротив, стремились достигнуть независимости, установить более тесные связи с Россией. Российское правительство поддержало их попытки к суверенитету, обеспечило население этих республик российскими паспор-

тами. Помимо этого, Россия проявила глубокую обеспокоенность расширением НАТО на восток.

В ноябре 2006 г. грузинский лидер поддержал «альтернативное» де-факто правительство Южной Осетии, возглавляемое Д. Санакоевым. Тбилиси обеспечил его значительной финансовой и экономической помощью, поставил Д. Санакоева во главе временной администрации (учреждена в мае 2007 г.). Грузинские власти полагали, что инвестиции в контролируемую Тбилиси зону продемонстрируют южным осетинам то, что они могут получить в случае выражения лояльности правительству М. Саакашвили.

Были предприняты попытки включить Д. Санакоева в процесс мирных переговоров. Москва, в свою очередь, продолжала поддерживать Э. Кокойты. Вследствие параллельных президентских выборов в ноябре 2006 г. в Южной Осетии начинают сосуществовать два правительства: в Цхинвале правительство Э. Кокойты, в Эредви протбилисское правительство Д. Санакоева. Администрация Д. Санакоева осуществляла власть над этническими грузинскими деревнями в Южной Осетии и Ахалгорским районом; администрация Э. Кокойты – над остальной частью республики. С появлением альтернативного руководства ситуация в республике оставалась напряженной, переговоры между Цхинвалом и Тбилиси зашли в тупик. Цхинвал выступил против каких бы то ни было изменений в форматах переговоров и достижения мира, Тбилиси отказался примириться с существующим статус-кво, что привело к дальнейшему усугублению ситуации.

Можно говорить и о геополитических причинах грузино-осетинского конфликта 2008 г. Стратегическое положение Южной Осетии на границе между Россией и Грузией также способствовало напряжению в регионе, составляющему приблизительно 3 900 кв. км., и имеющему только два больших города – Цхинвал и Квайса. Для России Южная Осетия предстает стратегически важным регионом, поскольку она находится на границе ее нестабильного северо-кавказского региона. Осетины – христиане, а поэтому Россия традиционно полагается на них как на надежных союзников.

В 2004 г. ожидалось, что Россия и Грузия решат свои проблемы, связанные с безопасностью. Отношения между странами заметно улучшились весной 2004 г., когда Президент РФ В.В. Путин и Президент Грузии М. Саакашвили проявили обоюдный интерес в борьбе с международным терроризмом. Во время официального визита в Москву в феврале 2004 г. М. Саакашвили выразил согласие совместно патрулировать северную границу Грузии с целью предотвращения проникновения террористов. Оба президента обсудили возможность создания совместного антитеррористического центра в Тбилиси, были близки к преодолению разногласий о российской военной базе в Грузии. В начале своего президентского срока М. Саакашвили был непреклонен в вопросе закрытия двух российских военных баз, оставшихся на территории Грузии (к

2006 г.). Однако на саммите НАТО в Стамбуле он не поднял этот вопрос. Во время переговоров в Москве министры обороны России и Грузии пришли к заключению о продлении срока функционирования российских баз в Грузии на 7–8 лет. Однако последующее развитие событий внесло напряжение в двусторонние отношения. Аджарский кризис оказался второй возможностью – после «Революции роз» – для главы российского Национального Совета по безопасности И. Иванова способствовать разрешению грузинских проблем, когда он поспособствовал переезду Абашидзе в Москву. Россия ожидала определенного политического снисхождения от Грузии за оказанную помощь. Но через день после переезда Абашидзе министр иностранных дел Грузии потребовал закрытия российских баз в своей стране. Но в основе ухудшения российско-грузинских отношений, как считают информированные источники, лежит не аджарский, а юго-осетинский кризис, разразившийся в середине 2004 г.

Явные предвестники ухудшения ситуации, связанной с безопасностью, явно обозначились в зоне конфликта за несколько месяцев до открытого вооруженного столкновения. Летние военные учения, проводимые Россией и Грузией на своих территориях, подогрели возможность столкновения. Перестрелка между грузинской и юго-осетинской сторонами усилилась к концу июля. Так, 29 июля обе стороны обменялись взаимными обвинениями в открытии огня. В начале августа перестрелки стали еще более интенсивными.

Конфликт достиг пика своего развития 7 августа 2008 г., когда вечером Грузия атаковала Южную Осетию, Россия, оказала ей молниеносное военное содействие. Тбилиси осуществили мощный артиллерийский обстрел Цхинвала, якобы, как ответ на то, что осетинская сторона выстрелами убила несколько человек в деревне, населенной этническими грузинами. На следующий день в процесс ликвидации конфликта вступили российские войска. Защита этнических меньшинств стало обоснованием для вовлечения российских военных сил в конфликт. Страны ЕС поддержали суверенитет и территориальную целостность Грузии.

Сразу же после вспыхивания конфликта, президент Франции Н. Саркози, в то время возглавлявший ЕС, прибыл в Грузию с целью обеспечения мирного договора. Утром 10 августа грузинские войска отступили. Тбилиси потерял контроль над территориями, которые до этого находились в сфере его ведения. Дипломатические отношения между Грузией и Россией были сведены к минимуму. В конце октября Грузия приняла закон об оккупированных территориях, назвав российские вооруженные силы оккупационными и наложив ограничения на любые взаимодействия с зоной конфликта, особенно запрещая любые деловые сделки и сделки с собственностью.

Поскольку Россия заняла в вооруженном конфликте доминирующую позицию, президент Гру-

зии М. Саакашвили согласился на прекращение огня 15 августа. Российские миротворческие силы оставались в регионе в течение последующих двух месяцев, их вывод был завершен, когда контроль над регионом был передан в октябре миссии наблюдателей ООН. После завершения конфликта вопрос о членстве Грузии в НАТО был снят с политической повестки дня. В настоящее время ситуация в Грузии остается нестабильной и ее возможное вступление в НАТО – вопрос отдаленного будущего. Россия обеспечивает безопасность в Южной Осетии.

Грузино-осетинская война была вызвана не только международным кризисом, но и противоречиями внутри Грузии. После того, как Грузия лишилась Южной Осетии и Абхазии, грузинская оппозиция получила еще один мощный аргумент для критики политической линии М. Саакашвили. Н. Бурджанадзе, экс-спикер грузинского парламента и бывший союзник М. Саакашвили, объявила, что грузинское руководство столкнется с необходимостью решить «непростые вопросы» об обстоятельствах, в которых была инициирована война. «Революция роз» как, так называемая, «цветная революция», волна демократических изменений в постсоветской республике породила противоречия, которые объективировали впоследствии возможность грузино-осетинского конфликта.

Грузия была вне сфер текущих интересов ЕС и США до ноября 2003 г., когда в результате рево-

люции роз к власти пришел М. Саакашвили, ставший близким союзником администрации Дж. Буша. Позитивное восприятие Грузии было испорчено в ноябре 2007 г., когда демонстрация в Тбилиси была жестоко разогнана полицией. Однако Грузия, все же, оставалась другом США. ЕС относился к Грузии более настороженно, но приветствовал проводившиеся в стране реформы. Закрытие независимых СМИ в Грузии и некоторые другие негативные события в апреле 2008 г. привели к ситуации, когда Грузию не пригласили на саммит в Бухаресте для того, чтобы стать официальным кандидатом для вступления в НАТО. Европейцы начали сомневаться в том, что Грузия имеет все основания для интеграции с Организацией Североатлантического договора.

В постсоветском пространстве Грузия представляла собой централизованную политическую систему, в которой отсутствовали сдерживание и противовесы. Л.А. Митчелл полагает, что война была вызвана ложным выбором между государственным строительством и демократией, несмотря на определенные достижения, политический образ М. Саакашвили во многом был «подпорчен» утратой Северной Осетии и Абхазии, ощутимыми поражениями грузинских военных и значительной зависимостью страны от иностранной поддержки [2]. Л.А. Митчелл приходит к заключению о том, что если бы Грузия была более демократической в период правления М. Саакашвили, осетинский кризис не обернулся бы войной с Россией [2].

Литература:

1. *Cheterian V.* The August 2008 War in Georgia: from Ethnic Conflict to Border Wars / V. Cheterian // *Central Asian Survey*. 2009. № 28(2). P. 155–170.
2. *Mitchell L.A.* Compromising Democracy: State Building in Saakashvili's Georgia / L.A. Mitchell // *Central Asian Survey*. 2009. № 28(2). P. 171–183.
3. *Toal G.* Russia's Kosovo: A Critical Geopolitics of the August 2008 War over South Ossetia / G. Toal // *Eurasian Geography and Economics*. 2008. № 49(6). P. 670–705.
4. Комсомольская правда. 1990. 26 декабря. С. 1.
5. См.: South Ossetia Crisis Abates. Institute for War and Peace Reporting (IWPR), Caucasus Reporting Service. 2004. № 236; South Ossetia Tensions Still High. Institute for War and Peace Reporting (IWPR), Caucasus Reporting Service. 2004. № 242; South Ossetia Conflict Heats Up. Institute for War and Peace Reporting (IWPR), Caucasus Reporting Service. 2004. № 246.

Literature:

1. *Cheterian V.* The August 2008 War in Georgia: from Ethnic Conflict to Border Wars / V. Cheterian // *Central Asian Survey*. 2009. № 28(2). P. 155–170.
2. *Mitchell L.A.* Compromising Democracy: State Building in Saakashvili's Georgia / L.A. Mitchell // *Central Asian Survey*. 2009. № 28(2). P. 171–183.
3. *Toal G.* Russia's Kosovo: A Critical Geopolitics of the August 2008 War over South Ossetia / G. Toal // *Eurasian Geography and Economics*. 2008. № 49(6). P. 670–705.
4. *Komsomolskaya Pravda*. December 1990. December 26. P. 1.
5. See: South Ossetia Crisis Abates. Institute for War and Peace Reporting (IWPR), Caucasus Reporting Service. 2004. № 236; South Ossetia Tensions Still High. Institute for War and Peace Reporting (IWPR), Caucasus Reporting Service. 2004. № 242; South Ossetia Conflict Heats Up. Institute for War and Peace Reporting (IWPR), Caucasus Reporting Service. 2004. № 246.

Самойлова Юлия Борисовна
Ростовский филиал
Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета
Российской Федерации
y.b.samoilova@yandex.ru

АНТИКОРРУПЦИОННОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИИ

Аннотация. Роль правосознания сложно переоценить. Формирование правосознания имеет ключевое значение в деле противодействия коррупционным процессам, поскольку оно предполагает, в том числе, осмысление обязательности права, осознание необходимости формирования развитой системы законодательства, восприятие процесса и результатов реализации права. При этом повышение правосознания становится достижением правового просвещения. Публикация посвящена такой общесоциальной мере предупреждения коррупционной преступности, как антикоррупционное просвещение. Сформулированы основные задачи антикоррупционного просвещения, осуществляемого работодателями, в качестве которого, в частности, выступает и государство по отношению не только к государственным служащим, но и к законодателям, сотрудникам силовых структур. Именно им оно делегирует свои полномочия по обеспечению в стране политического и общественного порядка, национальной безопасности.

Ключевые слова: коррупция, противодействие, антикоррупционное просвещение, национальная безопасность, государство, политический и общественный порядок.

Актуальность темы, которая предлагается к обсуждению, обусловлена, необходимостью эффективного противодействия коррупционным проявлениям. Коррупция, будучи общемировой проблемой, представляет угрозу национальной безопасности для многих стран. Сказанное обусловлено, в частности, проникновением коррупции во все сферы жизни общества, государственные структуры, правоохранительные органы, частный сектор, масштабами ущерба от коррупционных преступлений, исчисляемыми миллиардами рублей.

Вопросы противодействия данному опасному явлению – коррупции широко освещаются в публикациях, в которых рассматриваются вопросы:

– коррупции (понятие, средства противодействия) [8; 5];

Yulia B. Samoilo
Rostov branch Saint Petersburg Academy
of the Investigative Committee
of the Russian Federation
y.b.samoilova@yandex.ru

ANTI-CORRUPTION EDUCATION AS A TOOL FOR PREVENTING CORRUPTION

Annotation. The role of the legal consciousness cannot be overestimated. The formation of law awareness is key in countering corrupt processes, as it involves, among other things, understanding the obligatory law, understanding the need to form a developed system of legislation, perceiving the process and results of the implementation of the law. At the same time, raising the law becomes an achievement of legal education. The publication is devoted to the general social measure of prevention of corruption crime as anti-corruption education. The main tasks of anti-corruption education implemented by employers are formulated in particular, the State also acts in relation not only to civil servants, but also to legislators and law enforcement officials. It is to them it delegates its powers to ensure political and public order in the country, national security.

Keywords: corruption, counteraction, anti-corruption education, national security, state, political and public order.

– осуществления прокурорского надзора [2] и деятельности Следственного комитета [1] в противодействии коррупции;

– раскрытия и расследования коррупционных преступлений [7];

– мониторинга сообщений средств массовой информации, содержащих сведения о правонарушениях коррупционной направленности [6] и многие другие.

Столь разнообразный спектр вопросов обусловлен, в том числе и тем, что противодействие коррупции аккумулирует в себе различные направления. В Российской Федерации законодательно закреплено, что противодействие коррупции заключается не только в борьбе (выявлении, предупреждении, пресечении, раскрытии, расследовании правонарушений), а также дея-

тельности по минимизации, ликвидации последствий таких правонарушений, но и профилактике, то есть предупреждению коррупции, в том числе деятельности по выявлению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции) (Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»).

Примечателен тот факт, что на фоне общей тенденции либерализации уголовного закона, которая проявляется в декриминализации ряда преступлений экономической направленности, в том числе, в увеличении размера ущерба, являющегося основанием для возбуждения уголовных дел о преступлениях в сфере экономики, снижения размера денежного возмещения, подлежащего перечислению в федеральный бюджет, который служит основанием для освобождения от уголовной ответственности (Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 325-ФЗ), а также, введении «нового» вида освобождения от уголовной ответственности - в связи с назначением судебного штрафа (Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ) и многом другом, федеральный закон № 324-ФЗ о внесении изменений в УК РФ направлен на усиление уголовной ответственности за коррупционные преступления. Одним из принципиальных нововведений, внесенных Федеральным законом от 03 июля 2016 г. № 324-ФЗ, является установление уголовной ответственности за «мелкое взяточничество».

Нисколько не умаляя превентивной роли уголовного закона, следует подчеркнуть, и на это неоднократно обращалось внимание ученых-политологов, правоведов, социологов и др., что одного усиления уголовной ответственности недостаточно для успешного противодействия коррупционным преступлениям, необходимо также обеспечение неотвратимости уголовной ответственности, и что немаловажно - правовое образование и просвещение.

Целесообразность таких мероприятий отмечается и в международно-правовых актах. Так, в ст. 13 Конвенции ООН против коррупции, принятой в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. (для России данный документ вступил в силу с 08 июня 2006 г.), сказано об осуществлении государствами-участниками программ публичного образования, в том числе, в школах и университетах, что наряду с проведением мероприятий по информированию, будет способствовать созданию атмосферы нетерпимости в отношении коррупции. Президент Российской Федерации В. Путин на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции 26 января 2016 г. отметил: «... Ключевой задачей остаётся формирование в обществе антикоррупционного правосознания. Неприятие к нарушению закона должно воспитываться со школьной скамьи – и в школах, и в высших учебных заведениях, и в средних учебных заведениях, и, конечно, на работе и в семье».

В Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы, утвержденном Ука-

зом Президента РФ от 29 июня 2018 г. № 378, поставлена задача, в том числе, повысить эффективности просветительских, образовательных и иных мероприятий, направленных на популяризацию в обществе антикоррупционных стандартов и развитие общественного правосознания.

Роль правосознания сложно переоценить. Формирование правосознания имеет ключевое значение в деле противодействия коррупционным процессам, поскольку оно предполагает, в том числе, осмысление обязательности права, осознание необходимости формирования развитой системы законодательства, восприятие процесса и результатов реализации права. При этом повышение правосознания становится достижимым правового просвещения [3]. Результатами правового просвещения должны стать: информированность о законодательстве и правоприменительной практике, правильная ориентация в правовом поле государства, получение навыков применения законов в повседневной жизни [4].

На основе выше сказанного можно заключить, что задачами антикоррупционного просвещения, осуществляемого работодателями, являются:

– формирование у работников системы знаний о понятии, признаках коррупции, причинах и общественной опасности коррупции, о правовой основе противодействия коррупции (причем, не только федерального законодательства, но и нормативно-правовые органов государственной власти субъектов Российской Федерации, муниципальные правовые акты и локальные акты), основных направления государственной политики противодействия коррупции;

– ограничения и запреты, обязанности, установленные законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции, видах коррупционных правонарушений, а также ответственности за нарушение антикоррупционного законодательства (иллюстрируемых примерами правоприменительной практики);

– развитие навыков выявления и урегулирования конфликта интересов, правомерного поведения в ситуациях коррупционного риска;

– организация регулярного антикоррупционного просвещения работников.

В методических рекомендациях по разработке и принятию организациями мер по предупреждению и противодействию коррупции, подготовленных Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации (2014 год) рекомендуется при организации обучения учитывать категорию обучаемых лиц. При этом выделяют следующие группы обучаемых:

– лица, ответственные за противодействие коррупции в организации;

– руководящие работники;

– иные работники организации.

В завершение, следует отметить, что изложенные тезисы не претендуют на исчерпывающее разрешение проблемы коррупционных проявлений. В то же время, мы выражаем уверенность в том, что обсуждение данной темы будет только способствовать совершенствованию механизмов

Литература:

1. Брижак З.И. Деятельность СК России по противодействию коррупции в сфере здравоохранения / З.И. Брижак // *Расследование преступлений: проблемы и пути их решения*. 2015. № 4 (10). С. 43–46.
2. Алексеева Л.Г. Противодействие коррупции мерами прокурорского надзора / Л.Г. Алексеева // *Законность*. 2016. № 5. С. 17–20.
3. Козлова Е.Б. Направления развития правового просвещения как меры профилактики коррупционных правонарушений / Е.Б. Козлова // *Российский следователь*. 2017. № 24. С. 33–37.
4. Мочалов С.А. Использование органами прокуратуры правового просвещения как инструмента профилактики коррупции / С.А. Мочалов // *Прокурор*. 2016. № 4. С. 30–35.
5. Рафалюк Е.Е. Теоретический анализ правовых средств и правовых моделей противодействия коррупции / Е.Е. Рафалюк // *Журнал российского права*. 2012. № 11. С. 68–80.
6. Русецкий А.Е. СМИ как средство противодействия коррупции / А.Е. Русецкий // *Прокурор*. 2016. № 1. С. 53–56.
7. Самойлова Ю.Б. К вопросу о реализации прав участников уголовного судопроизводства со стороны защиты при производстве экспертизы по уголовным делам о коррупционных преступлениях / Ю.Б. Самойлова; Под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова. [и др.] // *Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) Хабаровск : ООО Издательство «Юрист», 2013; СПС «КонсультантПлюс*
8. Эрделевский А.М. Понятие коррупции в российском законодательстве / А.М. Эрделевский // *Законность*. 2014. № 6. С. 40–42.

противодействия коррупционным правонарушениям, в первую очередь, в тех структурах государственной власти, на которых возлагается ответственность за обеспечение политического и правового порядка в российском обществе, национальной безопасности в государстве.

Literature:

1. Brizhak Z.I. Activities of the Russian IC on combating corruption in the health sector / Z.I. Brizhak // *investigation of crimes: problems and ways to solve them*. 2015. № 4(10). P. 43–46.
2. Alekseeva L.G. corruption Counteraction by measures of Prosecutor's supervision / L.G. Alekseeva // *Legality*. 2016. № 5. P. 17–20.
3. Kozlova E.B. Directions of development of legal education as a preventive measure of corruption offenses / E.B. Kozlova // *Russian investigator*. 2017. № 24. P. 33–37.
4. Mochalov S.A. The use of legal education by the Prosecutor's office as a tool for the prevention of corruption / S.A. Mochalov // *Prosecutor*. 2016. № 4. P. 30–35.
5. Rafalyuk E.E. Theoretical analysis of legal means and legal models of anti-corruption / E.E. Rafalyuk // *Journal of Russian law*. 2012. № 11. P. 68–80.
6. Rusetsky A.E. Media as a means of combating corruption / AE Rusetsky // *Prosecutor*. 2016. № 1. P. 53–56.
7. Samoilov Yu.B. The question of the rights of participants of criminal proceedings from the defense in the production of expertise on criminal cases about corruption crimes / Yu.B. Samoylov; edited by T.B. Bass, K.A. Volkova // *Actual problems of combating corruption offences: materials of all-Russian scientific-practical conference (April 19, 2013, Khabarovsk. Khabarovsk : LLC publishing house «Lawyer», 2013; SPS «ConsultantPlus».*
8. Erdelevsky A.M. The concept of corruption in Russian legislation / A.M. Erdelevsky // *Legality*. 2014. № 6. P. 40–42.

Сельцовский Петр Андреевич
доктор социологических наук
milena.555@mail.ru

ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИМ

Аннотация. Статья посвящена анализу внешних угроз национальной безопасности России и способам их блокирования. Автором основной акцент делается на анализе и систематизации представлений, сложившихся в системе политических знаний о наиболее существенных, в его представлении, внешних угрозах национальной безопасности России, их структуре.

Ключевые слова: национальная безопасность, информационная безопасность, духовная безопасность, внешние угрозы национальной безопасности, вооруженные силы, Северо-атлантический блок, «холодная» война.

Вот уже более двадцати лет перемен, происшедших на нашей планете, в результате которых прекратилось противостояние капиталистической и коммунистической систем, мировое сообщество так и не вступило в эпоху гармонии и процветания, поэтому проблема национальной безопасности не потеряла своей актуальности для большинства государств. Не является исключением и Российская Федерация, для которой эта тема многоспектральна и ее можно разделить на два больших блока: внешних и внутренних угроз.

В данной публикации делается акцент на наиболее значимых, по мнению автора, аспектах внешних угроз национальной безопасности России.

Актуальность исследования этой темы у нас не вызывает сомнения по ряду причин:

1. Распад социалистического содружества в начале 1990 г. сопровождался ликвидацией военно-политического блока – Варшавского договора. Попытки руководства Российского государства сформировать новый военный блок из стран-участниц СНГ не принесли ожидаемых результатов и, в основном, ограничился заключением договоров о межгосударственном военном сотрудничестве, в рамках которых Россия возлагала на себя обязательства по обеспечению национальной безопасности своих партнеров, например, Армении, Таджикистана, Киргизии и т.д.

2. Попытки военного сотрудничества с государствами, обладающими мощными военно-

Peter A. Seltsovsky
Doctor of Sociological Sciences
milena.555@mail.ru

EXTERNAL THREATS TO RUSSIA'S NATIONAL SECURITY AND MECHANISMS TO COUNTER THEM

Annotation. This publication is devoted to the structural analysis of national security of Russia. The main emphasis is placed by the author on the analysis and systematization the developed in sociological, social and philosophical and political sciences about external threats of national security of Russia, structure of these threats and ways of their elimination.

Keywords: national security, information security, spiritual safety, external threats of national security, armed forces, North Atlantic block, «cold» war.

экономическим потенциалом, пока не приносят положительных результатов и ограничиваются, в основном, экономическим партнерством. Примером такого сотрудничества является БРИК, в состав которого входят, помимо России, Бразилия, Индия, Китай, достаточно плотно «привязанные» к экономике США, и поэтому они лишены возможности вести независимую от этого государства внешнюю политику, в том числе, и в военной сфере. Хотя, справедливости ради, следует отметить, что в последние годы наше правительство заключает соглашения, в соответствии с которыми и в Индию, и в Китай начали осуществляться масштабные поставки военной техники и вооружений российского производства.

3. В то же время, ряд государств, прежде входивших в состав СССР, в социалистический лагерь, также свою внешнюю политику ориентируют на ведущие западные державы: США, Германию, Францию, Великобританию, которые входят в состав НАТО. И это обстоятельство нельзя объяснить только стремлениям политического руководства этих государств уйти из под тени «старшего брата», но и чисто трагическими интересами, если учесть то обстоятельство, что после распада СССР и социалистического содружества Россия на протяжении более десяти лет переживала глубокий системный кризис и уже не полагала возможным финансировать их экономику и обеспечивать безопасность в прежних объемах, в отличие от западного сообщества, обладающего несравненно более мощными ресурсами, и заинтересованного в отрыве от

России его бывших союзников ради ослабления ее военно-политического и экономического потенциала. И этот тезис подтверждается событиями прошедшего двадцатилетия, когда роспуск в начале 1990 г.г. военного блока стран социалистического содружества в рамках Варшавского договора не только не привел к прекращению деятельности военного блока НАТО, созданного в конце 1940-х гг. с целью противостояния коммунистической экспансии в годы «холодной войны», а и пополняется новыми союзниками из Восточной Европы, создавая дополнительные внешние угрозы для безопасности нашей страны за счет расширения его влияния к границам России, не смотря на многочисленные заявления руководителей НАТО о том, что наша страна не является для него потенциальным противником, а к таковым ими, якобы, относят государства с террористическими режимами. Фактом же является приближение военных группировок НАТО непосредствен к западным России [1].

Вышеизложенное дает основание академику РАН Г.В. Осипову заявить о том, что НАТО – это не оборонительный, а агрессивный союз, направленный, в первую очередь, против России и ее национальных интересов [2]. И это обстоятельство свидетельствует о том, что отношение Запада к нашей стране как к потенциальному противнику мало изменилось, несмотря на сокращение территории России и ее экономическое ослабление в результате системного кризиса, вызванного распадом СССР и трансформационными процессами в политической, экономической и социальной жизни российского общества, что, вне всякого сомнения, оказало отрицательное влияние на оборонноспособность нашего государства. Так, если в конце 1980-х – начале 1990-х годов военные расходы СССР с учетом военных затрат гражданских отраслей экономики составили 51,9 % ВВП (или 10,3 % ВВП) [3], то к 1995 г., по оценке Лиги содействия оборонным предприятиям, Россия сократила свои расходы на оборону в 33 раза [4] против сокращения этих расходов со стороны США в 2,5 раза и со стороны НАТО – в 2 раза [5]. В результате, в 1995 г. военные расходы России составили 6,4 % ВВП, а США – 4 %, в денежном выражении это соотношение составило 40 млрд долл. против 275 долл. [6]. Таким образом, военные расходы России в 1995 г. сократились в 6,9 раза без учета суммарных затрат на эти цели со стороны стран-участниц НАТО, которые только у США, Франции, Германии, Великобритании и Италии превысили 400 млрд долл. [7].

Анализ Военной доктрины Российской Федерации 1993 г. показывает, что руководством нашей страны были верно определены ее основные векторы:

– защита национальных интересов, обеспечение условий для закрепления позиций великой державы;

– сохранение территориальной целостности государства;

– обеспечение национального суверенитета, неприкосновенности границ на сухопутном, воздушном и морском пространствах;

– обеспечение стратегических интересов путем поддержания мира и т.д. [8].

Несмотря на концептуально верный поход к этой проблеме, её реализация, как в Вооруженных силах, так и во внешнеполитической деятельности руководства страны на протяжении прошедших десяти лет была крайне неэффективна, что привело:

– к ослаблению оборонноспособности нашей страны;

– к подрыву политического статуса нашей страны как великой державы, который, по определению Б. Аббамы, снизился до уровня региональной державы;

– к дальнейшему укреплению блока НАТО и приближению его военных баз непосредственно к границам Российской Федерации;

– к консолидации внешнеполитических сил в направлении снижения экономического потенциала России.

Результатом столь неэффективной реализации Военной доктрины стали:

– снижение влияния нашей страны на геополитические процессы в мире;

– активизация деятельности экстремистских политических и религиозных сепаратистских сил внутри страны, деятельность которых была направлена на нарушение целостности государства с последующим распадом России на несколько государств, политика которых будет подчинена интересам ведущих мировых держав.

И в том, что эти процессы были вызваны не только внутренними проблемами, связанными с системным кризисом, в котором оказалась наша страна в 1990-е гг. в результате смены парадигмы политического и социально-экономического развития, но и внешними причинами, служит, например, выступление 24.10.1995 г. президента США Б. Клинтона на секретном совещании начальников штабов в Пентагоне, где он заявил: «Последние десять лет наша политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего блока...» и далее «...в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

– расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн...;

– окончательный развал военно-промышленного комплекса армии России;

– установление нужного нами режима в оторвавшихся от России республиках [9].

Тот факт, что Россия исторически является для западных держав и их союзов объектом высоких стратегических интересов общеизвестен. Так, по расчетам специалистов из Госкомстата РФ и РАН, ресурсный потенциал нашего государства оценивается в 340–380 трлн долларов. На душу населения национального богатства у нас приходится в два раза больше чем у США, в шесть раз – чем у Германии, в 22 раза – чем в Японии. Россия полностью обеспечена энергоресурсами, в то время как, к примеру, Япония зависит от иностранных энергоресурсов на 82 %, Германия и Франция – на 52 %, США – на 23 % [10].

Как отмечают отечественные аналитики, по добыче ряда полезных ископаемых и их экспорту, в частности, нефти и газа, а в период с 2017 г. по настоящее время – и зерна, мы занимаем лидирующие позиции в мире [11]. Но, к нашему глубокому сожалению, эффективность же использования этих ресурсов в нашей стране крайне низка, если исходить из общенациональных интересов, что служит одним из источников социального напряжения в российском обществе, а западным лидерам дает благоприятный повод для обвинения руководства Российской Федерации в неэффективном управлении государством и, в первую очередь, его природными ресурсами; колоссальным ущербом, наносимым экологии планеты от их добычи, транспортировки и переработки. А, в недавнем прошлом, госсекретарь США К. Райз даже позволяла себе неоднократно заявлять о необходимости установления международного контроля за разработкой и эксплуатацией природных ресурсов в России. И только укрепление обороноспособности нашей страны в прошедшее десятилетие вынудило западное сообщество отказаться от этой риторики, осознавая её бесполезность и неосуществимость.

Таким образом, несмотря на логически выстроенную и оптимистичную по предполагаемым результатам Военную доктрину РФ 1995 года и принятую в 1997–2000 г. Концепцию национальной безопасности, эти стратегии нуждались в дальнейшей корректировке и, в частности, в защите России от внешних угроз, среди которых П.П. Бородиным выделяются:

1. В геополитической области:

– рост народонаселения, неизбежно сопровождающийся ростом давления бесконтрольно разрастающегося людского сообщества на экосистему, усилением проблем социального общепития и, как следствие, деградации социального партнерства в сторону конфронтации, к рубежу «войны всех против всех»;

– стремление США к мировому лидерству; конфронтация цивилизаций и формирующих их религий;

– бесконтрольное распространение оружия массового поражения и эскалация терроризма;

– ослабление политического, экономического и военного влияния России в мире;

– попытки других стран противодействовать укреплению России как одного из центров влияния в многополярном мире;

– ослабление СНГ, эскалация конфликтов на территории стран СНГ;

– притязания на территорию РФ;

– экономическая, демографическая и культурно-религиозная экспансия сопредельных стран;

– трансграничная организованная преступность.

2. В военной сфере:

– укрепление военно-политических блоков и продвижение НАТО на Восток;

– силовое действие НАТО вне зоны ответственности блока;

– возможность появления в непосредственной близости от границы иностранных военных баз;

– наращивание вооружений и военной техники нового поколения в странах Западной Европы и в США;

– распространение оружия массового уничтожения; активизация деятельности иностранных спецслужб;

– недопустимое снижение укомплектованности ВС РФ современным оружием [12].

Осознание руководством России необходимости изменения подходов к обеспечению безопасности страны от внешних угроз реально стало появляться во второй половине первого десятилетия XXI в. Так, в ежегодном послании Федеральному Собранию в мае 2012 г. Президент В.В. Путин заявил о сопоставимости наших расходов на оборону в процентах от ВВП с рядом ведущих ядерных держав за исключением США, где они в абсолютных величинах в 25 раз больше чем у России (когда 1995 г. эти данные разнились в 6,9 раза. Авт.). Резкой критике им была подвергнута боеспособность вооруженных сил России и поставлена задача решения вопросов военного строительства, но без ущерба задачам развития экономики и социальной сферы [13].

Данное замечание, по нашему мнению, весьма актуально, так как втягивание нашей страны в гонку вооружений чревато для нее глубоким экономическим кризисом, что уже неоднократно имело место в истории СССР во второй половине XX века, который в совокупности с рядом других причин и привел к его распаду. По этому поводу мы считаем весьма актуальным мнение одного из ведущих отечественных военных социологов В.В. Серебрянникова, известного своими исследованиями по социологии войны и национальной безопасности, отмечавшего, что суверенитет страны состоит в способности государства самостоятельно определять свою внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать союзы, устанавливая или не устанавливая отношения стратегического

партнерства. Он не мыслится без наличия у государства мощных и подчиненных исключительно национальным интересам вооруженных сил. Реальный суверенитет страны, народа и государства и их вооруженных сил зависит от социальной природы и стратегического мышления правящей элиты [14].

Справедливости ради следует отметить, что руководство современной России осознает бесперспективность втягивания нашей страны в гонку вооружений и открыто заявляет о том, что способно обеспечить национальную безопасность нашей страны, не прибегая к ней, что и нашло отражение и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г. (далее, Стратегии) [15].

Угрозы военной безопасности, по мнению разработчиков Стратегии, отражаются в политике ряда ведущих зарубежных государств, направленной на достижение или преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего, в стратегических ядерных силах; на их отход от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действия, направленные на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил.

Стратегическими целями обороны страны являются создание условий для мирного и динамичного социально-экономического развития Российской Федерации, обеспечение ее военной безопасности.

Достижение стратегических целей обороны страны осуществляется в рамках реализации военной политики путем стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов, совершенствования военной организации государства, форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, повышения мобилизационной готовности Российской Федерации и готовности сил и средств гражданской обороны.

Основные положения военной политики и задачи военно-экономического обеспечения обороны страны, военные опасности и военные угрозы определяются Военной доктриной Российской Федерации.

В целях обеспечения стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов разрабатываются и реализуются взаимосвязанные политические, военные, военно-технические, дипломатические, экономические, информационные и иные меры, направленные на предотвращение применения военной силы в отношении России, защиту ее суверенитета и территориальной целостности. Стратегическое сдерживание и предотвращение военных конфликтов осуществляются путем поддержания потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне, а Вооруженных Сил Российской Федерации, дру-

гих войск, воинских формирований и органов в заданной степени готовности к боевому применению.

Совершенствование военной организации государства осуществляется на основе своевременного выявления существующих и перспективных военных опасностей и военных угроз, сбалансированного развития компонентов военной организации, наращивания оборонного потенциала, оснащения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов современными вооружением, военной и специальной техникой, инновационного развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации.

Совершенствование форм и способов применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов предусматривает своевременный учет тенденций изменения характера современных войн и вооруженных конфликтов, создание условий для наиболее полной реализации боевых возможностей войск (сил), выработку требований к перспективным формированиям и новым средствам вооруженной борьбы.

Повышение мобилизационной готовности Российской Федерации осуществляется путем совершенствования планирования мер по обеспечению мобилизационной подготовки и мобилизации в Российской Федерации и их реализации в необходимом объеме, своевременного обновления и поддержания на достаточном уровне военно-технического потенциала военной организации государства. Важнейшими направлениями совершенствования мобилизационной подготовки являются подготовка экономики Российской Федерации, экономики субъектов Российской Федерации, экономики муниципальных образований, подготовка органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов к выполнению задач в соответствии с их предназначением и удовлетворению потребностей государства и нужд населения в военное время.

Обеспечение обороны страны осуществляется на основании принципов рациональной достаточности и эффективности, в том числе путем применения методов и средств невоенного реагирования, механизмов дипломатии и миротворчества, расширения международного военного и военно-технического сотрудничества, контроля над вооружением и использования других международно-правовых инструментов.

Несомненно, что предотвращение военной угрозы является только одним из условий обеспечения национальной безопасности из вне пределов нашей страны.

Как отмечается в Стратегии, основными угрозами государственной и общественной безопасности являются:

– разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, отдельных лиц, наносящая ущерб национальным интересам;

– деятельность террористических и экстремистских организаций, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию работы органов государственной власти, уничтожение или нарушение функционирования военных и промышленных объектов, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашение населения, в том числе путем завладения оружием массового уничтожения, радиоактивными, отравляющими, токсичными, химически и биологически опасными веществами, совершения актов ядерного терроризма, нарушения безопасности и устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;

– деятельность радикальных общественных объединений и группировок, использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование «цветных революций», разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей;

– деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных, связанная с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, организацией незаконной миграции и торговлей людьми;

– деятельность, связанная с использованием информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе;

– преступные посягательства, направленные против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности.

Среди других угроз разработчики стратегии национальной безопасности России выделили также:

– пограничную сферу, где возможны: наличие вооруженных конфликтов вблизи государственных границ нашей страны;

– незавершенность международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации с отдельными сопредельными государствами;

– активизацию трансграничных преступных групп по незаконному перемещению через государственную границу наркотических средств, психотропных веществ, товаров, грузов, водных биологических ресурсов, других материальных и культурных ценностей;

– организацию каналов незаконной миграции;

– кризисы мировых и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы; отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающее стратегические риски зависимости от внешних факторов;

– деятельность транснациональных корпораций, политических, религиозных криминальных организаций и сообществ, направленная на дестабилизацию экономической, политической жизни, правопорядка в нашей стране [1].

Последние пункты выделенных нами внешних угроз подтверждают относительную условность выделения в структуре угроз национальной безопасности России внешних и внутренних факторов, к каковым, в частности, относится и информационная безопасность. К таковым следует отнести и коррупцию, которая в нашей стране приняла системный характер не только под влиянием внутренних, но и внешних факторов

К тому же, базовые, фундаментальные условия формирования системы обеспечения национальной безопасности любого государства от внешних угроз, (и Россия не представляет собой исключение), формируется, в первую очередь, с использованием внутренних механизмов, в структуре которых С.А. Воронцов выделяет подсистемы выявления и разрешения внутренних и внешних конфликтов, которая предназначена для получения сигналов об угрозах безопасности. Механизм самоорганизации, по его мнению, обеспечивает концентрацию усилий на стимулирование развития внутренних процессов в обществе, обеспечивающих безопасность за счет системы духовных ценностей (культуры, искусства, религии) [16].

В завершении данной публикации мы хотели бы сделать следующие выводы.

1. Несмотря на прекращение «холодной» войны между капиталистической и социалистической социально-экономическими системами, мировое сообщество не вступило в полосу мирного развития, а отношение к России как источнику потенциальных угроз в сознании руководителей стран – мировых лидеров не претерпело значительных трансформаций в позитивную сторону, а, судя по их реакции на рост влияния нашей страны на международной арене, стало ещё более неприязненным.

2. Россия с ее богатыми природными и человеческими ресурсами по-прежнему остается объектом повышенного интереса со стороны Запада, который направлен на дестабилизацию эко-

номического и политического развития страны, разрушения ее целостности.

3. Под влиянием многочисленных внешних угроз руководство Российской Федерации должно вести:

1) активную внешне – политическую деятельность, направленную на создание ей позитивного имиджа у лидеров мирового сообщества и в массовом сознании жителей планеты;

2) создавать в стране условия в экономической, политической, социальной, правовой сферах, необходимые для снижения угроз и рисков ее национальной безопасности, идущих от Запада;

3) формировать в российском обществе совместно с институтами гражданского общества здоровый морально-психологический климат, способствующий ее единству, противодействию внешних угроз.

Литература:

1. Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. М., 2010. С. 143.

2. Осипов Г.В. Парадигма нового мирового порядка и Россия. М. 1999. С. 42.

3. Вишняков Г.В. Военно-промышленный комплекс России: реальность и перспективы развития. Научно-аналитический обзор. М., 1997. С. 8–9.

4. Штурба Е.В. Построение концепции национальной безопасности в России в 1992–2004 гг. М., 2009. С. 137.

5. Вишняков Г.В. Указ. соч. С. 9.

6. Россия в цифрах 1995. М., 1996. С. 376; Statistical Abstract of the United States 1995. Washington. 1995. P. 456.

7. США: экономика, политика, идеология. 1996. №11. С. 7.

8. См. Баранов В.А. Национальная и военная безопасность России на рубеже XX–XXI веков. М., 2001. С. 23.

9. См. Бородин П.П. Социально-политическая безопасность и стабильность российского общества. М., 2007. С. 77–78.

10. См. Иззадуст Э.С. Национальная безопасность России: институциональный контекст и человеческое измерение. М., 2010. С. 82.

11. Vesty.ru. 16.09.2019.

12. Бородин П.П. Указ. Соч. С. 72–74.

13. Российская газета. 2006. 11 мая.

14. Серебрянников В.В. Вооруженные силы России в меняющихся условиях: прогностические аспекты / В.В. Серебрянников // Безопасность России в XXI веке. М., 2006. С. 434–435.

15. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации // КонсультантПлюс. URL : contact@consultant.ru

16. Воронцов В.А. О понятии национальной безопасности Российской Федерации / В.А. Воронцов // Приобретенные направления стратегии национальной безопасности : коллективная монография. Ростов-н/Д., 2011. С. 70–71.

Literature:

1. Litvinov V.A. Bases of national security of Russia. M., 2010. P. 143.

2. Osipov G.V. Paradigm of a new world order and Russia. M., 1999. P. 42.

3. Veshnyaki G.V. Voenno-promyshlenny kompleks of Russia: reality and development prospects. Scientific state-of-the-art review. M., 1997. P. 8, 9.

4. Shturba E.V. Postroyeniye of the concept of national security in Russia in 1992–2004. M., 2009. P. 137.

5. Veshnyaki G.V. Specified essay. P. 9.

6. Russia in figures 1995. M., 1996. P. 376; Statistical Abstract of the United States 1995. Washington. 1995. P. 456 .

7. USA: economy, policy, ideology. 1996. № 11. P. 7.

8. See. Baranov V.A. National and military without danger of Russia at the turn of the XX–XXI centuries. M., 2001. P. 23.

9. See. Borodin P.P. Socio-political safety and stability of the Russian society. M., 2007. P. 77, 78.

10. See. Izzadust E.S. Natsionalnaya security of Russia: institutional context and human measurement. M., 2010. P. 82.

11. Vesty.ru. 16.09.2019.

12. Borodin P.P. Specified essay. P. 72–74.

13. Russian newspaper. 2006. May 11.

14. Serebryannikov V.V. Russian armed forces in changing conditions: prognostic aspects / V.V. Serebryannikov // Security of Russia in the 21st century. M., 2006. P. 434–435.

15. Russian President's Decree on National Security Strategy of the Russian Federation // Consultant-Plus. URL : contact@consultant.ru

16. Vorontsov V.A. About concept of national security of the Russian Federation / V.A. Vorontsov // The Acquired directions of strategy of national security. Collective monograph. Rostov-on/D., 2011. P. 70–71.

Терещенко Олеся Валерьевна
ведущий специалист лаборатории
социальных проблем сельских территорий,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
Olesya.tereschenko @yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРЯДОК: МЕТОДОЛОГО-СТРУКТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ

Аннотация. По определению автора политический порядок представляет собой комплекс факторов, создающих благоприятные условия для эффективного и целесообразного функционирования и развития политической системы общества, это состояние урегулированности процессов. Он отражает складывающуюся в тот или иной исторический период в стране форму власти (демократия, авторитаризм, тоталитаризм и др.) и обусловленные этой формой взаимоотношения между властными структурами различных уровней и обществом. Он приводит к выводу, что при отсутствии порядка увеличивается возможность прорыва в сферу политики чисто случайных факторов и мотивов поведения, снижается уровень защищенности личности, значительно девальвируется авторитет государства, растет беспокойство, неуверенность, напряженность в обществе.

Ключевые слова: политический порядок, структура политического порядка, общество, власть, политические процессы, политическая система.

Политический порядок представляет собой комплекс факторов, создающих благоприятные условия для эффективного и целесообразного функционирования и развития политической системы общества, это состояние урегулированности процессов [1]. Он отражает складывающуюся в тот или иной исторический период в стране форму власти (демократия, авторитаризм, тоталитаризм и др.) и обусловленные этой формой взаимоотношения между властными структурами различных уровней и обществом. Если в условиях тоталитаризма целеполагание и выбор средств достижения целей экономической деятельности – функция верховной власти, которая не приемлет альтернативных действий экономических агентов, то в условиях демократических форм правления эти функции, впрочем, как и ответственность за все результаты деятельности, лежат на экономических агентах [2].

По определению А. Демидова и А. Федосеева, политический порядок это комплекс условий, обеспечивающих целесообразность функциони-

Olesya V. Tereshchenko
Leading Laboratory Specialist
the Social Problems of the Rural Territories,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
Olesya.tereschenko@yandex.ru

POLITICAL ORDER: METHODOLOGICAL AND STRUCTURAL ANALYSIS OF THE CONCEPT

Annotation. According to the author, the political order is a set of factors that create favorable conditions for the effective and expedient functioning and development of the political system of society, it is a state of settlement of processes. It reflects the form of power that has developed in a historical period in the country (democracy, authoritarianism, totalitarianism, etc.) and the relationship between power structures of different levels and society. He concludes that in the absence of order, the possibility of a breakthrough in the policy of purely random factors and motives of behavior increases, the level of personal security is reduced, the authority of the state is significantly devalued, anxiety, uncertainty and tension in society are growing.

Keywords: political order, political order structure, society, government, political processes, political system.

рования и развития политической системы, предполагающий:

- последовательность реализации ее основных задач и ценностей;
- согласованность действий элементов системы управления;
- наличие эффективных гарантий и средств поддержания всех аспектов безопасности: военных, правовых, экологических, технологических, экономических;
- обеспечение высокой степени независимости общества от случайных обстоятельств.

Ясно, что полная независимость здесь не может быть достигнута, но за счет введения эффективных мер предвидения, предупреждения и защиты масштабы социальных потерь могут существенно снижаться [3, с. 207]. Как полагают эти исследователи, значимость упорядоченности политических процессов определяется самой природой политики, направленной как вид дея-

тельности на реализацию противоречивых, но взаимосвязанных целей: обновления, необходимого с точки зрения учета и приспособления к изменяющимся условиям, и стабилизации – фактора сохранения социальной целостности. Этим определяется естественность присутствия в политических процессах двух противоположных тенденций – к порядку и беспорядку. Эффективно действующая политическая власть должна обеспечить как развитие, так и стабильность социальной системы. Отсутствие такого сочетания вызывает многочисленные деструкции в политических отношениях. При отсутствии порядка увеличивается возможность прорыва в сферу политики чисто случайных факторов и мотивов поведения, снижается уровень защищенности личности, значительно девальвируется авторитет государства, растет беспокойство, неуверенность, напряженность в обществе. Политическая система лишается способности упорядочивающего влияния на политические процессы. Ее нормы во все большей мере теряют свои существенные качества: перестают выражать волю, интересы достаточно широких слоев народа, абсолютизируя политические претензии отдельной социальной группы, не иницируют необходимого социального или политического действия. Нормы как бы висят над регулируемой ими социальной средой, не опираются на эффективный механизм реализации [3, с. 207].

Политический порядок предполагает:

- 1) определенный алгоритм действия политической системы, т.е. последовательность реализации ее основных задач и ценностей;
- 2) согласованность «работы» элементов системы управления;
- 3) наличие эффективных гарантий и средств поддержания всех аспектов безопасности (военных, правовых, экологических, технологических, экономических) [4].

Значимость упорядочения политических процессов определяется самой природой политики, направленной как вид деятельности на реализацию противоречий, но взаимосвязанных целей: обновления, необходимого с точки зрения учета и приспособления к изменяющимся условиям, и стабилизации – фактора сохранения [3, с. 208–209]. При отсутствии порядка увеличивается возможность прорыва в сферу политики чисто случайных факторов и мотивов поведения, снижается уровень защищенности личности, значительно обесценивается авторитет государства, растет неустроенность и напряженность в обществе. И как следствие этого – политическая система лишается способности упорядочивающего влияния на политические процессы [5].

Максимальная степень социальной неупорядоченности – состояние хаоса или социальной катастрофы. Ее чертами служат: экономический коллапс, выражающийся в разрыве хозяйственных связей, неспособности реализации фундаментальных потребностей, резком падении жизненного уровня населения; паралич властных

структур, когда действия властей на разных уровнях противоречат друг другу, решения органов власти не выполняются, а господствующей формой поведения граждан становится политический вызов; потеря безопасности, характеризующаяся ростом преступности, аварий, массовыми беспорядками и ведущая к резкому падению авторитета государства; заметное разрушение социальной инфраструктуры: транспорта, энергии, связи. Если параметры социальной упорядоченности существенно понижаются, люди начинают воспринимать политику и все, что в ней происходит, как состояние неконтролируемого и опасного хаоса, что оборачивается глубоким разочарованием большинства членов общества в избранном политическом курсе, нарастанием социальной тревоги. Уроки истории в этом случае весьма поучительны, они говорят, что есть ощутимые пределы поддержки массами перемен, – степень неупорядоченности социальных связей в переходный период к новой модели их регуляции неизбежно некоторым образом нарастает, но она не должна вызывать потерю безопасности, следствием чего обычно оказывается готовность принять любые способы упорядочения социальных связей. Наиболее приемлемым средством противодействия тенденциям и событиям, которые люди контролировать не в состоянии, начинает рассматриваться насилие, которое в значительной степени служит результатом разочарования в регулирующих возможностях политической системы [3, с. 208].

С. Хантингтон отмечал, что политический порядок в современном сложном обществе зависит от существующих в этом обществе политических организаций и того, насколько прочно утвердился в нем соответствующие политические процедуры. Эта сила и эта прочность зависят, в свою очередь, от того насколько широко поддержку имеют организации и процедуры, и от уровня их институализации [6, с. 31–32]. Последнему термину он дает определение как процессу, посредством которого организации и процедуры приобретают ценность и устойчивость. Уровень институализации какой-то политической системы, по его мнению, определяется адаптивностью, сложностью, автономией и согласованностью ее организаций и процедур. Равным образом уровень институализации какой-либо отдельной организации или процедуры измеряется ее адаптивностью, сложностью, автономией и внутренней целостностью. Если есть возможность выделить и измерить эти критерии, можно сравнивать политические системы по уровню институализации отдельных организаций и процедур в составе политической системы [6, с. 31–32].

В результате анализа политического порядка, мы пришли к выводу, что его нельзя трактовать только в узком смысле слова, потому что, в широком смысле, в его структуру мы считаем необходимым включить в его структуру правовой, социальный, национальный, социально- национальный, социально-гражданский, социально-политический, социально-экономический, социально-духовный порядок.

Правовой порядок трактуется Л.С. Явичем в качестве состояния упорядоченности общественных отношений, складывающегося в результате осуществления правовых норм, к которому стремится общество, создавая в социальной жизни режим реального господства права. Причем, это не идеальные, проецируемые целями правоотношения (порядок), а реально сложившиеся вследствие действия права общегосударственные связи или сложившаяся, устоявшаяся в данном государстве юридическая практика осуществления права [7].

В ходе своих рассуждений о правовом порядке Ю.А. Агафонов, как и С. Хантингтон, в отношении политического порядка, отмечал необходимость его институализации: наделения нормативной системы общества обособленным юридическим статусом, общеобязательным определением прав и обязанностей. По его мнению, этот процесс охватывает три сферы нормативного регулирования отношений коллективных и индивидуальных членов общества: отношения по обмену ценностями; отношения по властному управлению обществом; отношения по обеспечению правопорядка (возникающие из нарушения правил в двух сферах). Защита правопорядка поручается специальным государственным органам, деятельность которых регулируется правоохранительными институтами [8, с. 30–31].

По мнению Ю.А. Агафопова, правовой аспект институализации социального порядка состоит в том, что она создает гражданскую правоспособность, возможность иметь права и нести обязанности в сфере общественных отношений. Но такая институализация не ограничивается правовыми установлениями, а включает и культурную легитимацию как признание моральной значимости конституционного компонента порядка и нижестоящих уровней правовой системы. Когда правовой порядок поддерживается моральной обязанностью, он из легального превращается в легитимный [8, с. 30–31].

Продолжает развивать эту мысль Э.М. Андреев в ходе размышлений об основных проблемах современности, которая, по его мнению, связана с разрывом, непониманием, с конфликтной борьбой между бедным большинством человечества и богатым меньшинством, пришел к выводу о необходимости новой философии и социологии мира, в основе которой должен быть гуманизм как осознанная и реализованная человечность, а ее фундаментальной основой должна стать политико-правовая культура, играющая роль оружия, направленного против практически непрекращающихся гражданских войн, холодной войны власти против своего народа, против человечности в целом [9, с. 58–59].

А.Л. Маршак отмечает, что современный социальный порядок – неотъемлемая часть цивилизованности. Характерной же чертой цивилизованных стран является их культура как отражение определенного социально-экономического и исторического состояния общества [10, с. 45]. Культурная идентичность, по его убеждению, относится к фундаментальным проблемам со-

временности, поскольку ее содержание связано с решением не только этических проблем и осознания социального идеала, но и постижением новых ценностей, формированием уверенности личности в стабильности государственного устройства. Этот исследователь среди основных параметров культурной идентичности выделяет:

– возрастание социальной ответственности индивида, его превращение в человека «общественного», участника судьбоносных событий;

– расширение внутренних и внешних связей социальной жизни, увеличение жизненного пространства, где может пребывать человек, а также разнообразие коммуникативных связей и информационно-технических возможностей, их унификация и глобализация;

– появление возможностей выбора собственных приоритетов, стиля жизненного поведения;

– определение своего места в условиях плюрализации жизненных устоев, дифференциации трудовых отношений, профессиональных ролей, культурных вкусов;

– повышение ответственности индивида за собственные поступки и осознание этой необходимости для развития новых общественных связей, их регуляции системой законодательных актов, общественным мнением;

– упорядочение различного рода аномалий не принуждением, а созидательным отношением на основе превалирования человеческих качеств, доминанты гуманного отношения к членам общества;

– усиление роли образования и искусств как показателя культурной активности субъекта, когда знания и культура становятся не критерием обладания материальными ценностями, а лишь детерминирует социально-культурный статус индивида [10, с. 46–47].

Э.М. Андреев, оценивая состояние развития современной человеческой цивилизации как приближающуюся катастрофу, отмечает, что у нас по-прежнему сильные мира сего: теоретики, политики, идеологи и т.п. – продолжают часто пичкать аудиторию примитивнейшими оценками сложнейших проблем современности, с которыми мир столкнулся. Особенно представляются, по его мнению, опасными призывы сильных мира сего поступать так, как надо, т.е. в рамках существующего несправедливого и насильственного социального порядка [9, с. 57].

Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые полагают, что проявлением сущности нового социального порядка является гуманизм, требующий более широкого взгляда и более сложного мировоззрения. А в этом случае речь следует вести о необходимости социально и разумно организованной легитимной власти, креативных идей, знаний, соответствующих новым реальностям, эффективности политических, правовых решений действия. Особого внимания

в этом контексте заслуживает политико-правовая культура, являющаяся не только фундаментальной причиной всех социальных изменений, но и самой политики и стратегии гуманизма. В основе этой социологии и философии должен быть гуманизм как осознанная и реализованная человечность. Такое определение сущности новой философии и социологии социального порядка существенно повышает роль культуры, которая по своей сути представляет не что иное, как выращивание, возделывание идеальных, совершенных форм человеческой жизни. А это явление неразрывно связано с синтезом политической и правовой культуры [9].

Исходя из выше изложенного, мы полагаем дополнить понятие «правовой порядок» культурной составляющей и определить его как «культурно-правовой порядок».

Заслуживает, по нашему мнению, внимания выделение А.К. Дегтяревым в структуре порядка понятия «национальный порядок» как естественную составляющую национализма, идеологам которого он мыслится исключительно в категориях «абсолютной подчиненности» индивидов высшим национальным ценностям, каковые объявляются националистами. Установление национальной диктатуры, неважно в форме ли национальной демократии или монархии, предваряет политическую и культурную аргументацию в пользу национального порядка. Как полагает этот исследователь, национализм утверждает «инстанционность» культуры как основы вертикальной социальной стратификации, когда остальные соображения становятся лишними. Национальный порядок ориентирован на «духовную аристократию», власть меньшинства в интересах управления «незрелым большинством», проходящим школу национального воспитания. В этом смысле национализм верует в нацию как в субъект исторического процесса и направляет свое внимание на рост «национального» в обществе и государстве [11, с. 159–162].

Р.Г. Тугов, анализируя подобную форму порядка, дает ей определение как социально-национальный порядок, исходящий от государственно-национальной политики и национально-государственной культуры и традиций. По его мнению, такой порядок требует господства одной государственной нации над другими народностями и этносами государства, требует также преимуществ на государственном уровне государственного национального языка над другими языками и диалектами малых народов и племен. Соответственно все сферы общества, а именно: политическая, и экономическая, духовная и нравственная должны носить национальный характер. Он, в частности, отмечает, что некоторые историки, социологи и антропологи такой национальный порядок называют нацизмом или фашизмом, ибо государство, нация с таким социальным порядком не признает превосходство других государств, других наций над собой [12, с. 310–313]. Заслуживают внимания и другие идеи Р.Г. Тугова, который предлагает наполнить представления о социальном порядке социаль-

ным содержанием. По его мнению, структура социального порядка должна выглядеть следующим образом:

– социально-гражданский порядок, который он рассматривает как длительную основу целостности государства и любого порядка в обществе;

– социально-политический порядок, в основе которого лежит политическая идеология и интересы одной политической партии или союза политических партий. И зависит он от политики и пропаганды политического государства и поддерживается людьми до тех пор, пока государство, партия и народ едины и контролируют все сферы общества. Другие же политологи и социологи такой социальный порядок называют тоталитарным, а общество – закрытым;

– социально-экономический порядок, в основе которого лежит экономическая сфера: экономика и свобода торговли и рынка. Зависит он от экономики и экономического бюджета государства и поддерживается людьми до тех пор, пока само оно, государственные служащие и работники государственных учреждений экономически и материально независимы от богатых частных собственников и работников негосударственных сфер учреждений, от финансистов и капитала;

– социально-духовный порядок, формирующийся в государстве, в основе которого лежит какая-то моральная или религиозная доктрина и власть, провозглашаемая в качестве государственной, а собрание верующих одновременно является собранием граждан, завися от религиозной государственной политики и религиозного государственного образования. В таком религиозном государстве и духовном обществе духовная сфера господствует духовно и физически над всеми сферами общества [12, с. 310–313].

Наше внимание к этой форме порядка не трудно объяснить, потому что она получила достаточно широкое распространение и мощную государственно-идеологическую поддержку в немалом количестве государств, раннее входивших в состав СССР, что спровоцировало мощные эмиграционные потоки из них, в первую очередь, из представителей так называемого русскоязычного населения. Те же, кто остался жить в этих странах, пережили нелегкие времена, будучи причисленными к не титульному этносу. В государствах Балтии многие из них по-прежнему лишены гражданских прав, а русский язык активно вытесняется из государственной и повседневной жизни. События же последних десятилетий на Украине свидетельствуют о том, что такая форма порядка взята на вооружение и активно внедряется в повседневную жизнь украинского народа.

Таким образом, дополняя устоявшиеся в современном гуманитарном знании представления о формах порядка в обществе, предложенными зарубежными и отечественными философами и социологами, мы можем выстроить их следующую структуру: экологический, экономический, политический, социальный порядок (Р. Парк); правовой порядок (Ю.А. Агафонов). Представления о нем дополняются такими его характери-

ками, как культурно-правовой порядок (Э.М. Андреев); национальный порядок (А.К. Дегтярев); социально-национальный порядок; социально – гражданский порядок; социально-экономический порядок; социально-духовный порядок (Р.Г. Тугов).

Свои размышления об условиях, способствующих формированию устойчивого социального порядка в современном социуме, мы продолжим

Литература:

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993. Гл. 3.
2. Stoobooks.net.380025...ekonomicheskuy...pory adok.
3. Демидов А. Основы политологии / А. Демидов, А. Федосеев. М., 1985.
4. Демидов А.И. Политическая деятельность. Саратов, 1987. С. 97–109.
5. Зеркин Д.П. Основы политологии : курс лекций. Ростов-н/Д., 1996. Лекция 16.
6. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
7. Явич Л.С. Правовой порядок / Л.С. Явич; Под общей ред. В.И. Червонюка // Элементарные начала общей теории права. Право и закон. М., 2003.
8. Агафонов Ю.А. Право в нормативном порядке российского общества / Ю.А. Агафонов // Материалы Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Ч. 1. Краснодар, 2001.
9. Андреев Э.М. Политико-правовая культура и социальный порядок / Э.М. Андреев // Материалы Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Ч. 1. Краснодар, 2001.
10. Маршак А.Л. Проблемы формирования социального порядка в условиях становления культурной идентичности российского общества общества / А.Л. Маршак // Материалы Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Ч. 1. Краснодар, 2001.
11. Дегтярев А.К. Социальный порядок в идеологии национализма / А.К. Дегтярев // Материалы Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Ч. 1. Краснодар, 2001. С. 159–162
12. Тугов Р.Г. Гражданский социальный порядок в государстве / Р.Г. Тугов // Материалы Второй всероссийской научной конференции «Социальный порядок – гуманистическому развитию общества». 25–26 октября 2001 г. Ч. 1. Краснодар, 2001.

с утверждения Ю.А. Агафопова: «Социальный порядок не возникает сам собой его необходимо «строить»: создавать и поддерживать. В этом – одна из наиболее важных и ответственных задач политических элит. Порядок не может устанавливаться исключительно государственным воздействием, он (по определению) поддерживается самим обществом, а для этого должен быть понят, принят и воспроизведен» [8, с. 3].

Literature:

1. Aron R. Democracy and totalitarianism. M., 1993. Chapter 3.
2. Stoobooks.net.380025...ekonomicheskuy...pory adok.
3. Demidov A. Basics of Political Science / A. Demidov, A. Fedoseev. M., 1985.
4. Demidov A.I. Political activity. Saratov, 1987. P. 97–109.
5. Serkin D.P. Basics of Political Science: Lecture Course. Rostov-n/D., 1996. Lecture 16.
6. Huntington S. Political order in changing societies. M., 2004.
7. Yavich L.S. Legal Order / L.S. Yavich; Under the general ed. V.I. Chervonyuk // Elementary principles of the general theory of law. Law and law. M, 2003.
8. Agafonov Y.A. Law in the normative order of Russian society / Y.A. Agafonov // Materials of the Second All-Russian Scientific Conference «Social Order – Humanistic Development of Society». October 25–26, 2001 Part 1. Krasnodar, 2001.
9. Andreev E.M. Political-legal culture and social order / E.M. Andreev // Materials of the Second All-Russian Scientific Conference «Social Order – Humanistic Development of Society». October 25–26, 2001 Part 1. Krasnodar, 2001.
10. Marshak A.L. Problems of the formation of social order in the conditions of the formation of the cultural identity of Russian society / A.L. Marshak // Materials of the Second All-Russian Scientific Conference «Social Order – Humanistic Development of Society». October 25–26, 2001. Part 1. Krasnodar, 2001.
11. Degtyarev A.K. Social Order in the ideology of nationalism / A.K. Degtyarev // Materials of the Second All-Russian Scientific Conference «Social Order – Humanistic Development of Society». October 25–26, 2001. Part 1. Krasnodar., 2001. P. 159–162
12. Tugov R.G. Civil Social Order in the State / R.G. Tugov // Materials of the Second All-Russian Scientific Conference «Social Order – Humanistic Development of Society». October 25–26, 2001. Part 1. Krasnodar, 2001.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Серия:

**Исторические науки.
Культурология.
Политические науки.**

Корректор – Попов М.Ю.
Оригинал-макет – Шелкова Е.А.

Сдано в набор 23.12.2019
Подписано в печать 25.12.2019
Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Печать riso. Уч.-изд. л. 3,7
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 59

e-mail: id.yug2016@gmail.com